



Bagriy & Co.

МАКС НЕВОЛОШИН

Срез

Рассказы

Bagriy & Company
Чикаго
2018

Max Nevoloshin
THE SHORTCUT:
A Collection of Short Stories

ISBN: 978-0692999882

Copyright © 2018 by Max Nevoloshin, author
Copyright © 2018 by Tortie Cat, cover photo

All rights reserved

Edited by Olga Novikova
Book design by Mykhail Kondratenko
Cover by Larisa Studinskaya
Cover photo by Tortie Cat

Publisher:
Bagriy & Company
Chicago, Illinois, USA
bagriycompany.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Уходишь – счастливо, приходишь – привет	7
Шампанское «Болеро»	30
Фарцовщик Ваня	34
Педагог. Жена. Студентка. Врач... ..	42
Общага и дипломат	66
Легко и приятно	74
Спецфакультет	78
Зоомагазин	116
Самый счастливый момент в жизни	123
Три семёрки	132
За скобками	135
Средство от тревог	142
Фобии	159
Летели из Нанди в Веллингтон	173
Круизная нарезка	176
Хорошая девочка Типпа	181
Часы из России	188
Срез	199
Замок леди Маргарет	204
И три копейки на газировку	232

Уходишь – счастливо, приходишь – привет

Когда Алик ушёл от жены, друзья семьи приятно изумились. Алик давно понял, что брак – фундаментальная ошибка в его и так нескладной жизни. Осознал и смирился, как если бы ему поставили безрадостный диагноз. С которым, в общем-то, живут... подолгу. Иногда. Дина, жена, поняла это ещё раньше. Она выходила за будущее светило науки, профессора языкознания, завкафедрой, а может, и ректора. И что? Наступление иной реальности Алик упустил, поглощённый семасиологическим исследованием темпоральной лексики древнеанглийского языка. Внезапно оказалось, что головастых ботаников в этой новой реальности даром не берут. Расплодились очкарики, хоть мешками их топи. Нужны сейлеры, дилеры и прочие мастера кидалова. То есть были нужны – вчера. А нынче все места уже заняты, сынок. Хотя торговать и воровать Алик не умел по-любому.

Он писал тошнотворные резюме, ходил на собеседования. Изредка ему обещали позвонить на днях. Наконец взяли переводчиком инструкций для утюгов. Затем он клеил лейблы «Product of France» на малайзийскую помаду. Носил ящики с цветами. Натаскивал к экзаменам юных человекообразных. Ящики давались ему легче.

Платили на договорной основе. То есть с постоянными отсрочками, включая навсегда. Выбивать долги Алику мешали гуманитарные ценности и комплекция. Вскоре Дина оказалась кормящей женой и матерью. Она не заблудилась в джунглях чистогана. Быстро ушла из педагогики – торговать в книжный магазин. Через год стала директором. Через два магазина этот купила. И наняла мужа подсобным рабочим. Привезти-увезти, разгрузить-подмести. Зарплаты Алику не полагалось. Глупо как-то платить родному мужу. Кормят, одевают – чего ещё?

Дина была из тех самых женщин российских селений, которые с детства понимают, чего им от жизни надо. И как у неё это вырвать. Например, она твёрдо знала, что скоро её дочь будет учиться в Лондоне. Только в Лондоне. А после и Дина навсегда отбудет в столицу розовых туманов. Алик в эти проекты как-то не вмешался. В университете им полсеместра рассказывали о Лондоне. Дина подседала. Теперь в минуты незарабатывания денег она расстилала карту любимого города. Выбирала пригороды на жительство. Прикидывала маршруты до лучших

колледжей на автобусе и метро. Читала путеводители и вскоре изучила Лондон, как свой микрорайон. Чтобы не застыл язык, три вечера в неделю говорила с домочадцами по-английски. Алику нравилось, а Лиза, дочь, капризничала. Ничего, проголодается – заговорит.

С Аликом Дина, конечно, промахнулась. Расслабилась на третьем курсе под умные беседы и гитарный перебор. То взлёт, то посадка, то снег, то дожди... Ага. Хотя до загиба российской науки оставалось тогда лет шесть. Кто мог угадать, что скоро корпуса НИИ захватят дилеры и мерчендайзеры? А бывшие хозяева повезут мешки дерьма из Турции и Польши.

Алик считался интеллектуальной звездой факультета. Умный, ироничный, похожий на молодого Бродского. И стихи писал, а как же. Отличник, впереди красный диплом, затем, без сомнения, аспирантура... Он мог свистом подманить любую из безмозглых институтских красавиц. У Дины, с её рабоче-крестьянской внешностью, шансов там было ноль. Что мимоходом заметила одна кукла. Ах, ноль? Ладно.

Дина, и раньше не последняя студентка, вгрызалась в учёбу, как бешеная. зубрила до чёрных мотыльков теоретическую грамматику, историю языка, стилистику, лексикологию. Часами шлифовала произношение в лингафонном кабинете. Изнемогая от скуки, затолкала в себя Фолкнера. Затем критику о

нём, что показалось ей гораздо веселее. Дина перестала есть: утром – кашка, вечером – чай. Обозначились скулы, появилась фигура. В глазах замигали standby-огни. Повышенная стипендия уходила на аэробику, шейпинг и бассейн. Слушая её доклад «Символика растений в прозе Фолкнера» на беглом языке оригинала, Алик впервые глядел с любопытством.

– Не могу поверить, что ты любишь Фолкнера... – заметил он после семинара.

– Сенькой не вышла?

– Что? А, ну... в смысле... Я сам его кое-как осилил. Очень глубокий автор, мощнейший подтекст... Давай поговорим о нём сегодня вечером? Сходим куда-нибудь...

– У меня аэробика.

– А завтра?

– А завтра бассейн.

– Можно я с тобой? Сто лет не ходил в бассейн.

На исходе третьего скоростного заплыва Алик отстал. Сердце подскочило к шее, рвалось на волю. Дина ждала, демонстрируя красивые подмышки.

– Уф-ф... Ну, мать... Где так вы... училась... плавать?

– На Каме. Повторим?

– Не, я пас.

– Слабак, – с удовольствием произнесла Дина. И скрылась, обдав Алика нежными брызгами.

«На кого она похожа? – думал Алик, мучительно влюбляясь. Ему неожиданно понравилось слово.

– Нет, на кого она...» И понял. Татьяна Догилева. «Покровские ворота».

Встречаться с Диной в романтических условиях оказалось крайне сложно. Условия отсутствовали напрочь. В основном Алик провожал её до общаги – из бассейна, фитнеса или читального зала. Алик стал меланхоличным, как Пьеро. Иногда ему мерещилось, что она так специально. Из вежливости. Боится обидеть, сказать прямо, что... В голове его поминутно возникали ужасные стихи. Ты и сама не знаешь, Дина, насколько мне необходима. Ведь без тебя навеки, Дин, могу остаться я один... Вдруг случился праздник. Родители Алика разъехались по командировкам.

– Выходи за меня, – сказал он после успешной интимной встречи.

– Как-то быстро это всё... – ответила Дина. – Надо подумать.

– О чём?

– Хотя бы о том, где мы будем жить.

Интеллигентные родители Алика с трудом притворились, что выбор сына их не огорчил. Не смертельно то есть. Всё можно пережить. Особенно переживала мама – работник телевидения, автор культурных программ. Когда Дина явилась на сцену, мама завела шумную беседу о себе. Это была её любимая тема. Мама заканчивала книгу «Мои Олеги». Интервью и встречи с Табаковым, Ефремовым,

Далем, Янковским и Басилашвили. Табаков – он такой милый! Озорник, гений! Но как обаятелен и прост. Помню, мы с ним...

– Оригинально, – перебила Дина будущую свекровь, – есть идея следующей книги. Мои Мишки. Про Ульянова, Глузского, Козакова, Боярского и м-м... Жванецкого. И себя главное не забыть.

– Но Жванецкий не актёр... – выговорила мама. Дина откусила бутерброд с икрой.

– Как похмокгек.

Тут мама поняла, что под одной крышей с этим совхозом она не выдержит и дня.

После свадьбы родители Алика прописали к себе дедушку, который от ежедневного общения с энергичной теледивой быстро скончался. Молодожёны поселились в его однушке. Когда родилась Лиза, жилплощадь поменяли на двушку. Иногда Алик горестно размышлял. Ну, вот уйдёт он, допустим, от жены. Да! Уйдёт. Надоело, чёрт возьми, быть тряпкой! И... Но, минуточку, куда идти-то? Это его квартира. Купленная его родителями. Что он скажет маме?..

Раньше Алик каждое лето ездил на Грушинский фестиваль, отпуска проводил в турпоходах. Теперь это кончилось. Проклятый магазин работал семь дней в неделю. И Алика там всегда ждали дела. Дина об этом позаботилась.

– Заработай дочери на шубу, – говорила жена, – а потом обсудим турпоходы.

– У неё есть шуба.

– Правда? Странно, что ты заметил. А деньги на King's College у неё тоже есть?

– Можно и здесь учиться, – вяло отбивался Алик.

– Нет уж. Хватит с нас одного «здесь учёного». Моя дочь будет учиться в Лондоне. В лучшем колледже. Ты слышал?

– Да слышал, слышал.

Беременность Дины с рождением Лизы толком не прошла. Выросшие части тела остались при ней. Даже подросли ещё немного. Шейпинг был давно забыт – тут выживать некогда. Деловые костюмы через силу пытались лгать. Байковый халат вываливал правду. «Куда я смотрел?.. – думал в отчаянии Алик. – Где были мои глаза? Любой наряд сидит как телогрейка... А лицо? Ведь это не лицо, а блин. Блин с пятью дырками и вечно недовольной гримасой». Всё, что он делал, было плохо. Всё не так. Не так пылесосил, мыл, чинил, заваривал кофе. Не туда клал вещи. Забывал выносить мусор. Не тем занимался с ребёнком. Буквально всё жене приходилось делать заново. А она, между прочим, вкалывает как лошадь. Потому что некоторым лузерам охота кушать трижды в день.

«Дурень», «бестолочь», «тупица» легко вылетало из Дины, заменяя Алику имя. Даже на людях. Особенно на людях. Например, когда заходили гости, университетские друзья, и тупица помогал менять блюда. Звучало это вроде бы ласково, шуткой.

Но друзья стали появляться реже. Вдобавок сарказма Дины хватало и на гостей. Всё реже искрились бокалы, обтиралась пыль с гитары и тихо звучало про снег и дожди, сырую палатку, «и почты не жди...». Дина ненавидела эту песню.

Вдруг настали перемены.

Знакомые сказали Дине, что появился новый бизнес. Посылают новорусских детишек в симпатичное зарубежье. Свыкнуться, освоиться, подучить язык. Предпочитают Англию. Проживание в элитных общежитиях или семьях. А главное – необходим опекун со знанием языка и местности. Дина позвонила. То-сё, красный диплом, педстаж... Собеседница перешла на истязающий ухо английский. Дина, морщась, поддержала. Моментально назначили интервью.

Беседовали с ней трое. Главный – немолодой – с виду мелкая шишка из посольства. Галстук, тонкие очки, косой начёс пртрихует лысину. Развязный юноша, полулежащий в кресле, и девушка с худым, апатичным лицом. Все уловимо похожи. Семейное предприятие – угадала Дина. Произношение у интервьюеров было конское. Дина знала этот вариант: когда акцент средней полосы маскируют американским бульканьем. Впрочем, говорили свободно, почти без ошибок.

– В Англии приходилось бывать? – осведомился главный.

- Приходилось.
- Где?
- Большею частью в Лондоне.
- Туристом? – встрял юноша, ехидно улыбаясь.
- Ага. Пятилетний тур.
- Учились?
- И это тоже. Отец там работал.
- В посольстве?
- Не могу разглашать. Подписку давала.

Вралось Дине легко и приятно. На родном языке это звучало бы хуже. Отец её давно и почти безвылазно отдыхал в лечебно-трудовом профилактории №8 г. Набережные Челны.

– Как долго идти от Вестминстера до... музея Тюссо?

– Зачем идти? На метро четыре станции. Если от часов, то одна пересадка. А от Picnic...

– И всё-таки?

– Ну, Вестминстер большой. Я по-любому срезала бы через St James' Park, затем по Marlborough, пересекаем Pall Mall, Piccadilly, Oxford...

– Мы сейчас по какой улице идём?

Дина секунду подумала.

– New Bond. Хотя это без разницы. Главное – упереться в Oxford. Далее смещаемся влево на James, это квартала три. И чешем прямо до Marylebone. Всё. Минут пятьдесят нормальным шагом.

– А как оттуда ехать до музея Шерлока Холмса?

– Ехать? Вы шутите, – Дина усмехнулась, – там две минуты ходу.

Через месяц Дина и Лиза улетали в Англию. На пять недель! Насчёт Лизы долго утрясали, однако сладилось ко времени. Алика оставили на бизнесе, снабдив детальными инструкциями. К его удивлению, магазин функционировал вполне самостоятельно без хозяйского присмотра. Утренний чай Алика перетекал в обед. Далее – моцион с заходом на пляж... От свободы весело кружилась голова. Это был конец июня. А в июле Алик запер лавочку, выключил мобильник и двинулся на Грушинский фестиваль. На Грушу.

Он не был здесь восемь лет. И когда вышел на обрыв, увидел палаточный мегаполис, неясные огни костров – сладко защипало глаза. Заломило душу. Через мгновение толпа облепила, втянула его. Как тут прибавилось людей! Особенно лишних: ряженных, шальных. Какие-то толкинисты, сатанисты. Панки, скинхеды, кришнаиты. Металлисты в заклёпках с орущей техникой. Эти-то зачем сюда едут? И ещё – ну к чему столько ларьков? Диски, еда, бутылки, сувениры. Опять еда. Так и выгнал бы лавочников из храма, опрокинул бы их столы...

Но остались сосны. Гора. Туманная Волга, скрипучий, мокрый песок. Треск огня и дым, обжигающий чай из котелка, незнакомые близкие, родные люди. Адреса и записки... Музыка и

разговоры... День, растянутый на сутки. Ночь с тысячей фонариков, обрывки голосов, смех. Постепенно вернулось чувство своего. Своих людей, места, времени. Нет, слава Богу, ещё мало тут чужих. Ещё можно похлопать достойные спины. Поболтать с Леонидом Сергеевым. Выпить пива с Олегом Митяевым или водки с Егором Канатским...

К вечеру пятницы Алик обнаружил себя изрядно навеселе в большой компании. Гитара мягко отзывалась чьим-то пальцам. В темноте мерцали угли, звёзды, счастливые, нетрезвые глаза. Лица окружающих плавно менялись. И среди них одно... Одна... На которую хотелось смотреть безотрывно. Тёмненькая. Короткая стрижка. Ловкая, складная фигура туристки. Смелый взгляд. Девушку звали Маша, и, кажется, она была свободна. «Такие не бывают свободными, дед, – шепнул ему внутренний голос. – Прикинь, на сколько лет она моложе. Ты в зеркало-то себя узнаёшь?» Нет, Алик не узнавал. За коварным стеклом давно поселился незнакомый морщинистый тип... «Ну что, видишь? – продолжал мерзавец-голос. – Она уже с кем-то исчезла».

– Споёшь?

Маша сидела рядом, передавала ему гитару. У Алика внутри будто разбилась ёлочная игрушка. Он принял инструмент. Взял несколько аккордов, подтянул четвёртую. И запел, копируя интимный стиль оригинала:

Когда перед тобою возникает
Красивая и трудная гора,
Такие мысли в душу проникают,
Что снова выйти нам в поход пора...

...туда не занесёт
Ни лифт, ни вертолёт,
Там не помогут важные бумаги.
Туда, мой друг, – пешком,
И только с рюкзаком,
И лишь в сопровождении отва-аги.

– Классно поёшь, – девушка смотрела на огонь, тени заострили её черты. – Закрою глаза, и кажется: это Визбор. Здесь, с нами...

– Откроешь, а это всего лишь я, – улыбнулся Алик.

– Не кокетничай. Сделай взлёт и посадку, а?

На словах «идёт молчаливо в распадок расцвет» Машины волосы коснулись его щеки. А рука приобняла за талию. Жест вышел естественный, лёгкий. Кошачий. Её волосы пахли шампунем и костром. И ещё чем-то неопишимо женским. Он растворился в этом запахе. Это был запах обещания. Того, что сегодня у них всё получится.

Следовало заговорить, чтобы не потерять рассудок.

– Всю жизнь... – тихо произнёс Алик.

– Что?

– Всю жизнь... Он стремился к выработке того сдержанного, непритязательного слога, при котором слушатель овладевает содержанием, сам не замечая, каким способом его усваивает. Всю жизнь он заботился о незаметном стиле, не привлекающем ничьего внимания...

– Ему хотелось, – шепнула Маша, трогая губами его ухо, – средствами, простотою доходящими до лепета, выразить смешанное настроение любви, страха, тоски и мужества, так, чтобы оно вылилось как бы помимо слов, само собою. Может, пойдём?

– Ты одна?

– С подругой. Но мы что-нибудь приду...

– Всё хорошо. Я один.

– Уже нет.

Потом была ночь. Её остаток, вернее.

Наутро Алику стало безразлично, где он и зачем. Им обоим стало безразлично. Знаменитый финальный концерт они почти не слышали. Песни мэтров стали фоном для их объятий. Хорошим, правильным фоном. Друзья оставили их в покое.

Счастливая пара очнулась у Алика дома. Маша работала внештатным журналистом в Челябинске. Телефонный звонок – и отпуск продлён. Ещё одна удача: на Груше Алик встретил сокурсника. Тот владел переводческой фирмой, искал специалиста

на экстренный заказ. В понедельник задаток лежал у Алика на счету. Перевод летел страницами – с шести утра до девяти. После Алик варил кофе. Маша готовила вкусненькое к завтраку.

Был соблазн вернуться в постель и нежничать до голодного обморока. Если страсть удавалось подавить, влюблённые отправлялись в город. Алик забегал в магазин. По-деловому, отрывисто здоровался. Наскоро подписывал бумаги. Маша ждала в скверике через дорогу. Рассеянно просматривала френдленты в соцсетях. Наконец появлялся Алик. Они шли по набережной, задевая бриз и солнце. Руки были горячими, шампанское – холодным. Дни распускались и гасли, как тропические бабочки.

Будущее выглядело ясным, не считая деталей. Главное – они не расстанутся. Никогда. Маша разведена. Сын-подросток... у бабушки... увлекается скейтбордом. Вы непременно подружитесь. Алик не видел логики между скейтбордом и дружбой, но... Какая, в сущности, разница? Он сказал Маше, что почти разведён. Остались последние формальности.

Послезавтра он встретит Дину и Лизу. И всё решит. А дальше... Допустим, уехать к Маше в Челябинск... Главное – он будет рядом с прелестной, любимой женщиной. На то время, пока Алик оформляет развод, сняли квартиру. Алик перевёз только самое необходимое. Чтоб не создать пробелов в обстановке. Чтобы не травмировать дочь...

– Извините, Макс, здесь я хотел бы вас остановить, – произнёс ведущий. Его голос почти не выдал беспокойства. Интеллигентно помятый автор вздохнул и закрыл ноутбук.

– Это было совсем неплохо, – продолжал ведущий, – вы явно растёте. Многое, однако, решит финал. Как говорит Стивен наш любимый Кинг: ending must be perfect. Отсюда практическое задание, – он обвёл глазами слушателей. – За три минуты смоделируйте мне убедительную концовку этой истории. И никакого экстрима. Никакой онкологии, убийств, автокатастроф и прочей графоманской чепухи. Все остаются живы и здоровы.

– У Стивена Кинга не остаются, – сказал кто-то.

– Ему можно. У него гонорары большие. А ваш финал, Макс, обсудим на следующем занятии. Время пошло.

Аудитория шевельнулась, раздались тихие голоса. Ведущий снял очки, помассировал глаза. Подумал о сигарете в бардачке «Гойотъ». Единственной в день, разрешённой себе после инсульта. Рассказ ненужно взволновал его. История напомнила его собственную. Сколько лет назад это было? Восемь? Десять? Маша... Нет, совпадение.

– Ответ готов, – хмурый студент, похожий на бомбиста-народовольца, махнул рукой.

– Пожалуйста, Сергей.

– Мне не понравился рассказ. Как всегда у Макса – гладкопись ни о чём. Одно и то же из текста в текст... Прошлый век, слегка осовремененный. Ничего живого. При этом на людей с более высокой амплитудой переживаний он вешает ярлык закомплексованных истериков...

– Минуточку. Задание...

– Да помню я. Ничего он не скажет жене. Испугается.

– Почему?

– По привычке.

– А Маша?

– Будет звонить день, второй. Он трубку не берёт. Можно устроить им встречу. Он с женой под ручку, глаза отвёл... Короче, Маша едет в Тамбов. А герой много лет кусает ногти. Я прав, Макс?

Миловидная компактная шатенка подняла руку.

– Да, Маша... то есть, извините, Лена.

– Предлагаю хешпи-энд. Для разнообразия. Он признаётся жене, та легко даёт развод. Алик с Машей едут на Урал и живут там долго и счастливо. У него переводы, она знаменитая журналистка. Кстати, у его мамы та же профессия, заметили?

– М-м. Интересная деталь... А Дина?

– А Дина... выходит замуж. Например, за хозяина гувернёрской компании.

– И Алик с Машей приезжают к ним на свадьбу! Ха-ха-ха-ха!

Смеялся мужчина баскетбольных размеров. Его ноги в малиновых джинсах и штиблетах от Loake на полметра виднелись из-под стола.

– Александр, ведите себя пристойно. У вас есть что сказать по теме?

– Извините, – атлет с трудом упрятал ноги, – но смешно же... По теме – есть. Он уйдёт, а потом вернётся к жене.

– Почему?

– По жизни. У меня знакомый такой же подкаблучник. Два раза уходил. Два! К разным женщинам. И оба раза возвращался. Не могу, типа, без неё. А жена – стерва редкая...

– И что в других семьях не заладилось?

– Не знаю. Разбились, говорит, лодки о быт. Может, дело в питании...

– Кто о чём, а Саша о главном, – перебила толстушка с кукольным румянцем и стрижкой «утро Аллы Пугачёвой». – Ему с Машей не о чем говорить. Поначалу достаточно секса и кекса, это так. А потом ведь и поговорить надо. Я таких ботаников знаю – ни слова в простоте. Спроси: который час, они вам лекцию прочтут об относительности времени. Жена ведь тоже шибко умная: красный диплом, Фолкнер и прочее. Она Алику ровня в этом смысле. А Маша – попроще. Вот он и заскучал.

– Попроще? – человек в уютном кардигане и массивных очках покачал головой. – Не она ли Пастернака там цитирует с разбегу? Заметьте, не стихи даже, а прозу.

– Это известный отрывок.

– Да? Хотите воспроизвести?

– Спасибо, Катя, – ведущий повернулся. – Вам слово, Андрей.

– Отчасти согласен с Александром. Тонкий, интеллигентный, мягкий. Да. И ещё, наверно, избалованный. Я о герое. Общение – сплошное удовольствие: много знает, начитан, чувство юмора... А вот женщине с ним хорошо только первое время. Выясняется, что в быту он никакой. По дому бесполезен, капризничает, раздражается, дуется. Ладно бы хоть зарабатывал прилично – так и этого нет. Журналистка – романтичная: костры, гитары, может, даже и хозяйственная, но спихнуть на себя всю рутину – не позволит. У неё свои интересы, увлечения, друзья. А мальчик привык, чтоб его обихаживали. Та – хваткая, грубая, однако быт его наладила. И поменял он в итоге родственную душу на бытовой комфорт. Первая жена тиранит, но кормит. Маша ему разок сказала всё, что думала, Алик обиделся. Вот мой взгляд на эту историю. Я таких семей не знаю. Поэтому ничего, кроме здравого смысла, мной не руководит.

– Да, правдоподобно, – кивнул ведущий, – но что за резон жене его пускать? Покувыркался с бабёнкой и – здрастье. Извини, мол, ошибочка вышла... Так? Зачем он ей нужен? Татьяна.

– Элементарный пазл, описанный в литературе много раз, – заговорила худая блондинка с тонким, нервным лицом. – И в психологии тоже. Тут

и спорить не о чем. Есть мужчины, которым необходима жена-мама. Таких полно. И если ей нужен муж-сын, то брак гармоничный. После ухода от Дины Алик оказался птенцом, вынутым из гнезда. Жены-мамы рядом нет. Надо самостоятельно принимать решения и так далее. Плюс Маша в рот ему смотрит. Ему от этого тяжело. Ему самому хочется залезть под чье-то крыло. У меня полно таких знакомых. Если муж оказался в ситуации слабый-слабый, где ему приходится быть сильным, надолго его не хватит. Дине тоже неуютно. Было оно – своё, тёплое, мягкое, послушное. И нет его. А ей нужен не просто мужик, ей нужен такой, чтобы её слушался и шуточки от неё терпел. Она по-другому не умеет, не хочет. Короче, это пазлы. Если одному нравится подчиняться, а другому командовать, – флаг им в руки. Вот так примерно.

– А дальше?

– Дальше просто, – вмешался Андрей. – Он вернулся, живут как соседи. Спят отдельно. В отпуск ездят порознь. Постепенно оттаивают, стареют, добреют... Богатеют. Дина в Лондоне заведует филиалом. Дочь училась в Англии, Германии. Потом ещё в каком-нибудь... Сенегале.

– Чему?

– Всему понемногу. Знаете, их сейчас порядком развелось... Студентов прохладной жизни. Где-то вроде бы учатся. Где-то якобы работают, только с деньгами всегда напярк. У меня самого

такая. В Англии изучала маркетинг. Бросила. В Германии – психологию, с какого-то рожна. Потом в Италии – дизайн. Сейчас болтается по Южной Америке. Чему учится – неясно, хочу, говорит, освежить испанский. Недавно звонила: папа, вышли денег...

– На аборт? – уточнил Александр.

– Типун вам на язык!

Все засмеялись.

«Мало ли этих случаев? – туманно думалось под заветную сигаретку. – Тысячи мужей уходят от жён. Сотни возвращаются. И детали совсем не те. Но Маша... Машенька. За одно имя можно влюбиться... Пушкин, Чехов, Набоков... Купить сигарет – и гори оно всё? Тогда уж и вискаря. Пить в гараже и вспоминать».

Вечер терял контуры. Редкие авто на парковке ждали людей. Ехать домой не хотелось. Хотя последняя неделя выдалась мирной. В субботу отмечали тридцатилетие свадьбы. Сходили в недавно открывшийся музей авангардной живописи, бывший краеведческий. Затем гуляли по набережной. И снова он вспоминал Машу. Укрытые этим козырьком от рухнувшего ливня, они – восемь лет назад – долго и мокро целовались. До сих пор он мог почти физически ощутить её влажное лицо, запах волос, губы. Постоянно заходил на

её страничку в Фейсбуке. Перечитывал стихи, где край зимы, и бабочки отчаянны и редки. И знал, о чём это.

Никому, включая лучших друзей, не рассказывал он, почему оставил Машу. Версия для жены, родни, знакомых – не смог без дочери. Дочери нужен отец. А на самом деле... На самом деле Маша оказалась... Даже теперь не хватало ему решимости выбрать между научным термином и похабным словом. В общем, за короткое время житья у неё Маша изменила ему трижды. Без особых смущений, объяснений или раскаяний. Так же просто, как некогда запрыгнула в его постель. В её компании к этому относились с миролюбием хищни. Ну, трахнулись, делов-то? Два раза она возвращалась за полночь с каких-то гулянок. День рождения в редакции... Села батарейка, извини... Иди ко мне, я соскучилась... Только пахло от неё чужим. Не вином, это бы он стерпел. Парфюмом, сигаретами, нутром чужой машины.

Последний случай в гостях его добил. Громадная квартира, наполненная обкуренной богемой. Маша исчезла. Он долго ходил по лабиринту комнат. Заговаривал с кем-то. Нашёл её светлое пальто на вешалке. Тут открылась дверь ванной. И появилась Маша – растрёпанная, странная. Настолько, что он не сразу узнал её в полутьме коридора. За ней, качаясь, вышел блондин с узко прибитыми глазами...

– В чём дело? – спросила Маша дома.

Он швырял барахло в чемодан.

– Я видел.

– Господи, что?

– Тебя... расстёгнутую, как... шлюха. С каким-то дебилом.

– Это бывший муж. Случайно там оказался – под кайфом был, идиот. Рвался со мной поговорить. Я не хотела скандала...

– А в ванной вы тоже оказались случайно?!

– Слушай. Ты либо веришь мне, либо нет.

– Нет.

– Жаль.

А если Маша не изменяла? – саднила привычная мысль. – Если он сам искал повод, что-бы... Что? Известно, что. Отдал родственную душу за бытовой комфорт... Жены-мамы рядом нет... Надо самому принимать решения... Мальчик привык... Хочет залезть под чьё-то крыло...

Будто пощёчин надавали.

Ending must be perfect, не так ли? И вот – его финал. Скучный и пошлый, как учебник литературы. Но. Но... Все герои невредимы. Никакой онкологии, убийств, автокатастроф и прочей графоманской чепухи. Значит, можно переписать этот чёртов финал. Улучшить, изменить. Добавить смелой, яркой жизни. Так... Всё. Завтра же он... Нет. Сегодня. Сейчас он вернётся в кабинет и напишет Маше. Главное – узнать, есть ли

у неё кто-нибудь. Главное – прямо, без увёрток сказать...

В кармане зазвучала мелодия. Он вынул мобильник, поговорил. И через минуту послушно ехал домой.

В рассказе использованы фрагменты произведений Ю. Визбора, Б. Пастернака и С. Зельцер. Фраза, приписанная С. Кингу, в его текстах не обнаружена.

Шампанское «Болеро»

Чудеса бывают. Конечно, очень редко – гораздо реже, чем хотелось бы. И надо ещё разобраться, чудеса это или так, совпадения.

Вспоминаю один случай.

Зимой в общежитии отмечали день рождения аспиранта Саши. Гуляли дня четыре, причём два из них – без именинника. Он часто и подолгу отлучался: сперва на кафедру, затем в аэропорт – встречать или провожать кого-то. Или звонить кому-то на Главпочтамт. Застолье продолжалось без перебоев. «Отряд не заметил потери бойца...» – шутили гости. Звучала попса, мелькали нетрезвые лица. Кто-то приносил еду, напитки, сигареты. Кого-то оставляли ночевать. Утро незаметно становилось вечером. Мимоходом решались дела, назначались свидания, возникали и обрывались связи. На третий день мне стало казаться, что этот праздник выпал из времени и будет длиться вечно...

Внезапно всё кончилось. Я ощутил себя одетым, но в кровати. В нечеловечески загаженной комнате. Своей – уже плюс. Одинаково гнусно было во рту, в желудке и на душе. Я давно заметил ненужную синхронность этих ощущений. Соседи лежали в койках и тихо стонали. Через минуту я понял, что они разговаривают.

– Макс, как драгоценное? – спросил Дима.

– Штормит, – прошептал я.

– Кошмар, – сказал Саша (бывший именинник). – И ведь даже не круглая дата...

– Поправляться будем? – спросил Дима.

– Не-е, это без меня, – ответил я, – даже представить тошно.

– И мне, – отозвался Саша. – Хотя... единственное, что сейчас меня спасло бы, это стакан другой холодного шампанского. Представляете – холодного, сухого. С гвоздями...

– Да... шампанское могло бы помочь, – сказал Дима, – продрало бы кишочки.

Неожиданно мой организм увлёкся этой идеей. «Ты уверен?» – спросил я его потихоньку. «Уверен, уверен, – ответил он, – закусывать, главное, не забывай. Только всё это фантазия. Где взять шампанского в такую рань?»

– Идея хороша, – сказал я вслух, – после смогли бы даже поесть чего-нибудь. Только где взять шампанского в такую рань?

– При чём здесь рань? – раздражился Дима. – Посмотри на часы. Талоны давно кончились, и звать негде...

– И деньги.

– А у китайцев может быть шампанское?

– Китайцы в долг не дадут, – вздохнул Сапа. – Мы и так им должны немерено.

В эту секунду открылась дверь, и в комнату вошёл мой друг, фарцовщик Ваня. Бодрый, весёлый, румяный с мороза. Он тоже был на дне рождения, но потом исчез по-английски, как он обычно исчезал и появлялся.

– Болееете? – удовлетворённо сказал Ваня, стряхивая мокрый снег с дорогой блестящей шапки. – А я ведь, братья, Дед Мороз, я починку вам принёс! – Он осторожно снял с плеча тяжёлую сумку. Внутри глухо звякнуло. – Извиняйте, если напиток не тот, – продолжал Ваня, с трудом расстёгивая замёрзшую молнию, – вам бы сейчас...

Трое жильцов комнаты затаились в ожидании чуда.

– ...вам бы сейчас водочки, конечно. Но утром, блин, звонят – есть шампанское, испанское «Болеро», только мухой. Схватил садуру ящик, зачем – сам не знаю. Отведаем? – Он выставил на стол две нарядные бутылки. – А что вы молчите-то, как неродные?

Немая сцена.

Недавно я звонил Ване поздравить с Новым годом. Он теперь владец трёх магазинов и двух бензоколонок. На вопрос «Как дела?» всегда отвечает одно: «Достали».

Фарцовщик Ваня

Ваня был фарцовщиком всегда. И до того, как это слово вошло в моду, и позже, когда оно превратилось в архаизм. Любопытно, что сейчас красуется на его визитке? Предприниматель? Коммерсант? Владелец торгово-закупочных систем?.. Впрочем, это не меняет сути дела. А суть в том, что классу где-то к шестому мой друг Ваня открыл своё призвание. Оно состояло из двух примитивных, казалось бы, действий: купить дешевле – продать дороже. Ну и товар должен быть редкий. Не мешок цемента или, там, ведро картошки. Как озвучил наш великий сатирик Аркадий Райкин: ни у кого нет, а у тебя есть.

Я говорю «призвание» без малейшего сарказма. Потому хотя бы, что мне оно неизвестно вообще. Единственное занятие, которому я предаюсь с энтузиазмом, – это валяние с книгой на пляже. С годами оказалось, что удачно купить-продать способен далеко не всякий. Я, к примеру, тоже пытался фарцевать. В школе – жвачкой и сигаретами, затем

– пластинками и фирменным тряпьем. Позднее – книгами. Иногда оставался по мелочи в прибыли, чаще – в убытке. Но главное, мне было неинтересно. Утомительно и скучно. В какой-то момент я понял: это – не моё. «А ты как думал? – посмеивался Ваня. – Бизнес – это труд. Тяжёлая работа...»

Окончив институты, мы расстались лет на пять. Я отработал по распределению, поступил в аспирантуру. Поселился в Москве, в общежитии на проспекте Вернадского. Зимой объявился Ваня. Он узнал мой адрес через общих знакомых. Выяснилось, что трудится он где-то в Подмосковье. Полуфигтивно, на четверть ставки. А реально занимается любимым делом – гоняет дефицитный товар из столицы в провинцию. И там, и сям всё прихвачено.

– Как ты здесь удачно прописался! – сказал Ваня между второй и третьей. – Мне в Москве как раз база нужна. Вокзалы, конечно, далеко, но ничего, вдвоём осилим.

– Что осилим?

– Да баулы. Не важно. Зато Солнцево рядом. У меня там два магазина схвачены насмерть, на уровне директора, прикинь?.. Кстати, ты утром занят?

– Занят.

– Чем?

– В библиотеку еду.

– Хэх! Занят он, блин! Короче, Макс, я ближе к вечеру отъеду в Солнцево. Привезу сюда два баула австрийских сапог. Ты, главное, дома сиди.

Потом ещё в одно место, тоже недалеко – там уж чего дадут. И переночую у тебя. А утром ты мне можешь доволочь всё это хозяйство на Казанский, один сломаюсь. Ну и в поезд загрузить, гут? Подставляй ёмкость!

Мой друг стал часто появляться в общежитии. Если была возможность, оставался ночевать. Иногда «забрасывал бауль» на день-другой. Будничными сделались поездки на вокзалы, толкотня, оттянутые руки, липкий запах поездов. Приезжали загодя, туго упикивали Ванины сумки куда можно и нельзя. Я оставался в купе до последнего. Мой друг не любил слушать протестующие крики в одиночестве.

Ваня быстро передружился с моими соседями, знакомыми по этажу, бабульками на вахте, аспирантками худграфа и филфака. Неясные мне личности тепло приветствовали его в коридорах. Он мог легко вступить в беседу с кем угодно. Спустя минуту казалось, что встретились хорошие друзья. Раз принёс кусок отличной вырезки. Тут же начал готовить. И объясняет:

– Познакомился в одном гастрономе с мясниками. Теперь, когда захочу, ем самое лучшее мясо...

– С мясниками?

– Ну. Захотелось отбивную котлетку, а на витрине, сам знаешь, – рога и пиписьки. Я беру у Светки в питейном литр шнапса. И – в подсобку, где мясо рубят, типа мне по делу. Смотрю, а мясники рубят... червонец!

– Червонец?

– Червонец! Это у них приколы такой – кто на меньшие части разрубит. Ну, чтобы следующему уже никак... Я говорю: классно, ребята! Дадите попробовать? Они: ты кто такой, вообще? Откуда? Я всё по-честному: Иван, мол, будем знакомы. Только что от Светланы, из магазина ликёро-водочных изделий. Интересуетесь такими изделиями? И достаю. Ну, они, ясный перец, интересуются... Полюбили меня, как брата. Если нужно мясо, обращайтесь, голытьба!

Помню, заглянули как-то с ним в лужниковский ресторан «Юность». Сели, подходит официантка. Ваня:

– Девушка, нам, пожалуйста, бутылочку шампанского.

– Нет шампанского, красавец. Закончилось.

– Как это нет? А это что? – и Ваня достаёт из сумки (с ним всегда была модная спортивная сумка) бутылку шампанского, нарядную, как праздничная ёлка. – Девушка, садитесь к нам, выпейте бокальчик, а?

– Так я, мальчишки, вроде как на работе, – замялась официантка. – И вообще... м-м... не положено.

– Да ладно, подумашь, три минуты, – не отстаёт Ваня, – вы же устали. Вам нужен перерыв. Мы с вашим начальством, если что, договоримся.

Глаза у Вани синие, честные. Волосы блондинистые, кудрявые. Ещё миг – и девушка (её звали Наташа) сдалась. А после смены посидела с нами уже

от души. Следом подтянулся Дима, тоже официант. За ним – Петя, какой-то менеджер. В итоге заведение стало «нашим». Заходили, как домой, в любой аншлаг.

Однажды Ваня ушёл на дискотеку на третий, «иностранный», этаж. Вернулся с начатой бутылью джина и негром, которого звали Патрик. Тот недавно прилетел из Сан-Франциско играть на скрипке в каком-то оркестре. Патрик легко влился в нашу компанию, ибо оказался забавным малым, не жмотом, любителем спиртного и блондинок. Кроме того, мы практиковали с ним английский. Ване же, наоборот, нравилось учить Патрика русскому языку. Например, он доставал мелочь и спрашивал:

– Папа, ну-ка, вспомни, что это?

– Однушка, – без запинки отвечал Патрик.

– Правильно. А это?

– Двушка.

– Гут. А это?

– Трушка.

– Не трушка, а трёшка, – исправлял Ваня, – хотя... эм-м... Ладно, проехали. А это что?

– Пятушка?.. – сомневался ученик.

– Ха! Пятушка! Это пятачок. А ты Патрик – дурачок.

– Сам ты, Ванья, дурачок.

Вскоре «Папа» совсем отказался говорить с нами по-английски. «Глупи весч, – объяснял он,

– иметь руски друсья и не виучить руски язык...» Он стал бывать у нас почти каждый вечер. Раз похвалился, что знает художественный свист, якобы выиграл конкурс дома. И тут же засвистел четырнадцатую Моцарта – насилу остановили. В другой раз, опять навеселе, исполнил «Кампанеллу» Паганини-Листа. Инструмент держал за спиной. Затем Патрик совершил ошибку – он покусился, и не совсем безуспешно, на мою девушку. Вообразите сюрреализм положения. Какой-то лиловый негр-свистун, из пригородов Сан-Франциско, уводит девушку у меня! Без двух минут кандидата наук! Эх, дать бы ему в глаз, но мешали два обстоятельства. Патрик был не слабак и мог адекватно ответить. Или – ещё хуже – пожаловаться куда следует, и вышел бы скандал. Всё-таки иностранный подданный. Пришлось ограничиться воспитательной беседой. И Патрик осознал свою неправоту. А девушку у меня всё равно увели. Кто бы вы думали? Строитель-турок. Тянуло её на горячих парней.

Только я отвлѣкся. Ведь рассказ не про девушку или Патрика. И уж тем более не про турка. Рассказ про моего друга Ваню. С которым нам так часто мечталось, как уедем из совка – далеко. Навсегда. Вместе это казалось почти нестрашным. Про Ваню, с которым, нетвёрдо шагая из ресторана «Юность» к метро «Спортивная», мы кричали в ночь: «Гуд-бай, Америка, а-а-а...» Особенно нам удавалось вот это: «На-на-на-на-на-на-най-най!!!» А у метро Ваня сказал:

– Макс, если кто-то из нас свалит первый... Это, скорее всего, будешь ты. Ты же вытацишь меня отсюда?

– Само собой, – ответил я, – какой вопрос.

И вот я свалил. Через два года получил новое гражданство. Через пять прилетел навестить родню и друзей. Время сократило их количество, но увеличило объёмы. Все по-прежнему уместились на кухне. Ваня явился последним, на белой «Ауди». Запарковался строго в неполюженном месте, рядом с подъездом.

– Не боишься? – спросил я.

– В смысле?.. А-а. Не. Я с ментами дружу.

– А с бандитами?

– Полная любовь и согласие. Вообще, ты отстал, – добавил он, – мыслишь боевиками девяностых. Бандитов давно нет, сейчас всё по-другому.

– Это как?

– Ровно.

Ваня здорово поправился и стал похож на экономиста Гайдара.

– Раз чуть в харизму не дали на улице, – шутил он, – паспортом отмахался.

Когда мы остались вдвоём, я сказал:

– Ну что, поедем? Гостевую визу сделаю. А дальше можно продлять, есть варианты.

– Да нет, – махнул рукой Ваня, – ну что я там буду делать?

– То же, что и здесь.

– Да? А бизнес, магазины... Их куда?

Он встал. Закурил у окна, посмотрел вниз. На «Ауди», догадался я и сказал безо всякой надежды:

– Здесь продал, там купил.

– Э-э, блин, продал-купил! Сколько раз тебе говорил... А ты не понимаешь. Считаешь, это легко. Это очень нелегко... Они меня во как задолбали, эти магазины! Ладно, у тебя там более-менее срослось. Когда тебя вспоминаем, каждый раз думаю: молодчище. Хоть кто-то из наших смог... Всё, проехали. Подставляй стеклотару!

Педагог. Жена. Студентка. Врач...

Профессор филологии Антон Николаевич. Зарплата до восьмидесяти тысяч плюс северные надбавки. В последнее время — меньше. Полную ставку уже не тянет: давление, возраст... Много лет бросает курить и сладкое. Ещё давнее начинает бегать по утрам. Эрудит, симпатяга, плюшевый мишка в очках. Любимец студенток и кафедральных дам.

— Антон Николаевич! Вы здесь?

Мельком постучали. Показалась голова замдеканши.

— Пойдёмте, ну где вы?! Всё готово, ждём!

— Иду, иду.

Филолог затушил сигарету. Глянул виновато на пустые стеллажи, заклеенные коробки. Почти чужой кабинет. В деканате накрыли стол. Речи начальства звучали с обыденной фальшью. Будто

на поминках, – думалось. Затем слово дали ему. Он поднял бокал.

– Уважаемые коллеги. Друзья...

И понял, что не в силах говорить заготовленную чушь. Болезненно улыбнулся.

– Ладно, чего там... Всё сказано. Выпьем за мою счастливую дорожку.

Решение уволиться, бросить постылый город возникло спонтанно. Тотчас, боясь одуматься, подал заявление. «Пора обновить декорации... Врачи рекомендуют, – лгал знакомым. – На юг. На юг... Психологи советуют: раз в семь лет менять обстановку... Туапсе или Сочи, на месте разберусь...» На кафедре, естественно, сплетничали. Всматривались, кто из длинноногих учащихся слегка пополнил. Кто недавно болел или взял академ. Амурные подвиги филолога были секретом только в его воображении.

Короткий путь до общежития, там холодно, стыдно. Там диван, на котором педагог оттрахал четверть факультета. Квартира после развода оставлена жене и детям. Дети... Дети его знать не хотят. Жена, Галя, – тем более. Опять угодила в больницу с нервным расстройством. Говорят, нетвёрдо узнаёт близких. Кто же ей всё-таки позвонил? Чёрт! А так славно всё начиналось...

Темнота, влажный снег, двоятся пятна фонарей. Город, исчерпавший себя, вымотавший тело и душу. Ещё неделя – и он станет прошлым. В комнате

укутался халатом, плеснул бренди, закурил. Уютно замерцал айпэд. Вместо Фейсбука открыл записки. Душа требовала слов. Слова вставали на места, как пули в барабане. Я знаю, что такое мораль. Мораль – это не убий. Не укради. А в области секса морали нет. Есть темперамент.

Косметика – после. Отфильтровать банальности, красоты, повторы, лишние слова, выверить ритм. Убрать аллитерации, шипение, жужжание. А заглавие будет... Социальный суицид. М-м-м... Язык сотрёшь. Исповедь подонка? Ужасно. Или вот. Письма другу-беллетристу. Нет, нет... Почему бы нет? Тогда так.

Может, ты когда-нибудь напишешь обо мне. Если я раньше тебя уйду в иной мир. Что-нибудь умное, грустное. Чтоб жизнь моя прошла не зря. Я с недавнего времени стал худо понимать, что со мной творится. За три года потерял жену, детей: они не хотят меня видеть. Не разговариваю с отцом. Потерял дом, оставляю работу. Еду почти в никуда. Багаж – только шмотки и айпэд. Сомневаюсь, что бегство на юг мне поможет. Не представляю, чем я там займусь. От педагогики тошнит, но что ещё я умею?

Вчера на собрании в ЛИТО избрали нового председателя. Говорили массу добрых слов. Боюсь, второй раз услышу их только на своих похоронах. Мне пишут студентки: как жаль, что вы уезжаете. Вы

такой хороший. Для самых близких я плохой. Женщины... Их было много, и не только шлюх. При этом я убеждён, что у меня лучшая жена на свете. Я люблю её, но изменял. Ещё до того, как она заболела, у меня была любовница-студентка. А уж после... Я стал недавно верить в Бога. Надеюсь, он меня простит. Я не хочу жить, братец. Еду на юг именно для того, чтобы не прыгнуть с моста в залив. Но море есть и в Туапсе.

Чувство вины, муки совести, запоздалое раскаяние – достаточно причин осудить себя. Приговорить себя. Таким, как я, не место среди нормальных людей. И всё-таки охота разобраться напоследок. Где это началось? Когда? Думаю, в пионерлагере, на юге. Курьёзная петля – я возвращаюсь в точку А.

Меня зовут Галя. Это я помню точно. Здесь они все называют меня Галя. Хорошее имя, а главное – редкое. Непроизносимое татарское отчество я сменила ещё в школе. Папа едва ли обиделся, хотя мне начихать. Он к тому времени нас бросил. Галина Михайловна – звучит неплохо. Годится для завкафедрой или декана. Однако я не стала ни тем, ни другим. И вообще никем – из-за одного подонка. Я о бывшем муже, если что.

Я знала – моим научным руководителем будет только он. Самый умный преподаватель, лекций никто не пропускал. Плюс у Антона все защищались,

даже высокие блондинки. Этих кукол, в смысле аспиранток, у него тогда было четверо. Одна хвалилась, что уже переспала с Антоном. Остальные пока мечтали. Я хоть и шатенка, данными Бог не обидел. Класса с восьмого говорили: похожа на Одри Хепбёрн. Лицом – да, но фигура у меня богаче. Из фильмов подучилась кое-чему. Поначалу он меня не видел. Ещё бы, такие вешалки рядом. Я из любопытства включила Одри: элегантная простота, узкие юбочки, наивный взгляд. И бимбы отодвинулись в тень. Кроме того, у меня в голове не пластик.

Я не то чтоб увлеклась им как женщиной. Не высокий, плотный. Очки – самая заметная часть лица. Всё это имело значение, пока Антон не откроет рот. Уболтать он мог хоть книжный шкаф. Мне-то в смысле экстерьера было из чего выбирать. Но особи попадались убогие. Весь из себя Орlando Блум, а получит гостинец – и в спячку. Самцы. Антон не такой, я это сразу поняла. Ему, кроме секса, много чего надо. Например, познакомиться (шутка). И мне.

Ухаживал ненавязчиво, без пафоса и спешки. Это и ухаживанием назвать трудно. Гуляли, беседовали. Кофе, стихи, театр... Он много рассказывал, чего на лекциях нельзя. Про диалоги Гумилёва и чекиста Якобсона. Про душевную болезнь Цветаевой и самопиар Ахматовой. Про тайный шкафчик в кабинете Блока... Когда Антон говорил, его не хотелось перебивать или спрашивать. Хотелось одного: чтобы это не кончалось как можно дольше. И в

постели тоже, хотя в другом, конечно, смысле. Вышло у нас так.

Поехали в Ленинград с друзьями, вчетвером. Прибыли вечером, Антон с хозяевами на кухне заболтался. Сокурсники его, кажется. Квартира огромная. Комнаты три, почти без мебели и жутко запущенная. Антон проговорил всю ночь, я заснула. Наши друзья удалились в соседнюю комнату. Видимо, занимались сексом. Утром хвалили меня за крепкий сон. Ну, поехали в Петергоф. Июнь, белые ночи, сирень. Музыка, солнце и фрейлины в шелках...

Помню состояние нереального счастья. Антоша увивался, пытался брать за руку. Языком молод безостановочно. Об истории города, дворцов, кто что строил и переделывал. Даже фонтаны знал, как называются. Он был звезда, только детсадовского типа. Не знаю, как лучше сказать.

Видимо, решил меня дожать. Вечером пошли на стриптиз. Это по-другому тогда называлось. Театр какой-то, но сильно откровенный. Антон купил мне розу за двадцать пять рублей, сумасшедший. Он почти двое суток не спал. Я раньше не видела, как стриптиз влияет на мужчин. Оба возбуждались, у Антона появилось в глазах что-то такое странное... Теперь я знаю, что это. Похоть.

В квартире друзья наши снова потерялись. Антон поведал душещипательную историю: якобы у него было только раз. С методисткой из

пионерлагеря. Она его заманила в комнату, дала водки. И он неотчётливо помнит, как там случилось и удалось ли. Это трагедия – в двадцать семь лет не знать, мужчина ли он и так далее. Короче, убедил. Он стал ей дорог тем, что жил в тревогах. Она ему – участием своим. Секс был хороший. Понравился мне намного больше, чем... Неважно. Там просто лежала бревном, чтоб не отвлечь кое-кого от важных дел. Антон меня приятно удивил.

– А говорил, опыта мало, – пошутила.

Он тоже усмехнулся:

– Книжки надо читать, девушка. И не только для удовольствия головы. Теория – мать практики.

Утром он задал надоевший вопрос:

– Знаешь, на кого ты похожа?

– Конечно, – говорю, – на Одри Хепбёрн.

– Нет, – Антон надел очки, – ты похожа на девушку, рядом с которой я хотел бы просыпаться каждый день. Воспитывать общего ребёнка. Детей.

– И рожу богатыря мне к исходу сентября.

Антон на секунду задумался.

– Времени мало. Лучше так. И рожу мне... короля в середине февраля. Попробуемся?

– Только не сейчас.

К середине февраля он стал мне изменять. Или чуть раньше, не суть. Беременность и роды украшают дам только в фантазиях идиотов. И характер улучшают там же. Чем не повод сходить налево? А

выдаёт запах. Женский нюх, и так чувствительный, обостряется до сумасшествия. Особенно если муж пахнет грязными девками. Антона стали чаще посылать в командировки. Конференция, семинары, выездные лекции... Устроить это при его связях было легко. Возвращался довольный, с цветами, подарками. И с запахом чужого. Мне это померещилось, – внушала я себе. – Мне померещилось. У меня лучший муж на свете. Много работает, хорошо получает, всё несёт домой. Не пьёт, любит дочь...

В этом самогипнозе я жила пятнадцать лет. Без малого пятнадцать лет! Согласилась на второго ребёнка. Антон уговорил стать домохозяйкой. С помощью родителей купили двушку на спальной окраине. Начали откладывать Кате и Андрюше на университет. Дочь мечтала о филфаке МГУ... Глянец, а не семья: известный профессор, молодая жена, красивые, смышлённые дети. После того как он заразил меня весёленькой болезнью, спали врозь. На приёме в больнице чуть не сдохла от стыда, думала: убью. Но смолчала. Только попросила его больше меня не касаться.

Когда появились цыгане, я была дома одна. Услышала неместный гам на лестничной площадке. И лай. Я посмотрела в глазок. Цветасто одетые люди кричали невнятно соседям через дверь. Вот же напасть... Опять менять домофон. Вдруг быстро надвинулось чьё-то лицо. Тёмный глаз встретился с моим. И я отомкнула замок.

В элитный пионерлагерь меня рекомендовали как лучшего студента. Вожатых набирали из многих педвузов страны. Разумеется, я согласился. Целое лето на море! На всём готовом плюс зарплата. К несчастью, мне достался старший отряд. Линия между вожатыми и подопечными здесь тонка, почти размыта. Девятиклассники-акселераты. Светловолосые модельки с наивными лицами и загорелыми конечностями. Низко расстёгнутые блузки, высоко обрешанные шорты. Отшлифованные морем и солнцем ноги... Воздух был отравлен кокетством, запретными намёками, страстями. Звон цикад мешал уснуть. После отбоя мальчишки лезли к девочкам, но чаще наоборот. Сохранять невозмутимость мне удавалось с трудом. Отрядные лолиты то и дело пытались обратиться в моей комнате. Когда на дискотеке объявляли белый танец, мне приходилось скрываться. Помню, ехали в автобусе с уборки яблок. И первая мисс лагеря, Даша Бессчастливая, якобы не отыскав сиденья, уселась ко мне на колени.

Самоудовлетворение мне не помогало. Не помог даже роман с методистом Ангелиной. Возможно, потому, что она была невысокой и тёмненькой. А ещё – слишком быстро и украдкой приходилось действовать. Неуставные отношения между персоналом грозили отчислением. Не говоря уже про отношения персонала с воспитанниками. Даже намёк мог сломать жизнь. Думаю, тогда во мне поселилась

это болезнь. Фиксация на юных блондинках модельного типа. Все мои шлюхи такие. И все студентки тоже, которых поймел. Сначала они были моложе вдвое. Затем – втрое. Правильно – жёны стареют, а студентки второго курса – никогда. Я знаю, что использовал статус профессора, власть. Тем не менее любил их, как ни дико это звучит.

Я так и не отважился сознаться жене в первой измене. Проститутки – не в счёт. Это не измена, а так, снятие давления в котле. Галя уехала в отпуск тогда с маленькой дочкой. Два года Кате было. И в тот же день, вечером, ко мне заходит Ася обсудить реферат. С двумя стаканчиками мороженого зачем-то. У меня было шампанское. Налил, она предлагает: «Давайте на брудершафт». Она ещё долго была на вы. Выпили. Ася говорит: «На брудершафт просто так не пьют». Ну и что мне было делать?

Ей восемнадцать, мне тридцать шесть, я счастливо женат. Но я подумал тогда: если объясню Асе, что люблю жену, хочу быть верным, то сваляю дурака. Мне просто голову снесло, и было от чего. Я хотел жене признаться, но... Короче, явился на вокзал. Обнял их. Катя в смешной панамке: «Папа плехал! Папайка зласуй!» Как сказать жене? Плюс Ася замуж не хочет и семью разбивать тоже. Ну вот.

Хочу верить, что ты напишешь про меня. Именно поэтому настолько с тобой откровенен. Если пытаюсь сам, выходит какая-то бесстыжая неправда. Потому что всё непросто. Вслух непросто

объяснить, когда о себе! Ведь эту студентку я тоже искренне любил. Тут можно говорить часами, а верных слов не отыскать. Я знаю, что такое мораль. Не убий. Не укради. Но в области секса морали нет. Есть темперамент. Мораль в области секса изобрели попы и фригидные женщины. А может, только фригидные женщины, без попов...

Цыгане затолкались в прихожую. Две тётки, чумазый ребёнок с пальцем в носу, бородатый мужик и собака. Дворницкой породы, упитанная, грязная. Шерсть клоками. Завоняло мокрой псиной.

– Нам бы воды попить, дочка, – произнёс бородатый.

– А мы тебе погадаем!

– Всё скажем... – загадели женщины.

– Истинную правду...

– Разбежалась, – медленно ответила я. Слова давались нелегко. – Я уйду, а вы тут по карманам, да? Идите на лестницу, я вынесу.

– Соседи твои плохие люди, – будто не слыша, продолжал старик, – а ты хорошая. Доля тяжёлая... – он смотрел мне в глаза. – Только воды попить. И накормить животное. Видишь, Полкан отоцал совсем.

Узнав своё имя, пёс напрягся. И вдруг меховым снарядам рванулся на кухню. Я за ним. Тварь была уже на столе. И мой бутерброд – в зубах!

– Ах ты, дрянь!

Я схватила полотенце. Шавка, легко спрыгнув, умчалась в коридор. Я достала бутылку воды. В прихожей ничего не изменилось. Собака укралась за ноги хозяев. Бутерброд свисал из пасти.

– Натё! – бросила воду. Бутылка угодила в плечо старика. – Берите и вон отсюда! Или я звоню в милицию!

Цыгане молча вышли. На пороге старик обернулся.

– Не надо, – грязный палец упёрся в меня. – Не надо никуда звонить. Они сами за тобой придут. Скоро уже.

Я проверила сумочку, одежду. Тщательно всё продезинфицировала. Побрызгала освежителем. Грязно оставалось только на душе. Мучил вопрос: зачем я им открыла? Это вышло невольно. Так люди дышат, моргают, вытирают пот со лба. Движение тела без участия головы. Чтоб не объяснять эту странность Антону и детям, я умолчала о происшедшем. Ночью выяснилось кое-что похуже. Собака осталась в квартире.

Меня разбудил чуть слышный цокающий звук. Иногда он замирал, потом доносился снова. Одновременно запахло чем-то вроде тлеющего мусора. Дымом свалки... Нет, скорее, псиной. Собакой, которая шляется чёрт знает где... Минуточку. Не утренний ли это пёсик? Забежал назад, когда я поднимала бутылку. Хотя ведь я... Значит, раньше. Я

вышла в коридор, зажгла свет. Никого. Проверила кухню, ванную. Плотно затворила все двери. Поколебавшись, открыла входную. Запах шёл не из подъезда. Но откуда?! Я щедро спрыснула вокруг освежителем.

– Галь, что такое?

– Ничего. Запах какой-то. Показалось. Спи.

Наутро я увидела лужу рядом с обувной полкой. Воняло соответственно. Скоренько замыла, освежила воздух. Появился заспанный Антон.

– Что у нас пахнет, как в борделе?

«У кого чего болит», – подумала я.

– Говорила же, угар нашёл из подъезда.

– Странно, не заметил. Позвонить газовщикам?

– Я разберусь.

Призрак собаки изводил меня неделями. Осторожные, когтистые шаги по ночам. Комочки шерсти, лужицы в коридоре. Однажды я нашла аккуратную кучу дерьма за тахтой. Я старалась ликвидировать всё это незаметно и быстро. Не рассказывать же домашним, что у меня... Кстати, что у меня? Галлюцинации? Крыша поехала? Больница исключалась, город у нас маленький. Объявления типа «избавлю от порчи» всегда меня смешили. Я выбрала знахарку, живущую подальше.

Открыла женщина в халате, похожая на... цыганку. О, нет... В квартире, однако, чистенько, ароматно. Пекли что-то. Макбук на кофейном столике. Чайный сервиз, кекс. Хозяйка достала с полки карты.

– Наливай чаю, а я на тебя раскину.

– Зачем? Я, вообще-то, не...

– Я для себя. Бесплатно.

Карты мягко упали на стол. Гадалка их подвигала туда-сюда.

– С мужем плохо живёте?

– При чём тут это? Нормально живём.

– Пьёт, бьёт? Гуляет.

Я встала.

– До свидания.

– Да ладно, сядь. Рассказывай, что стряслось.

Рассказала.

– Я знаю их, – кивнула хозяйка, – это нехорошие цыгане. Порчу навели. Но мы её уберём. Значит, будешь делать так. Как откроешь дверь или форточку, брось этой собаке наружу вроде гостинца. Затвори, повернись через левое плечо. И скажи потихоньку «итсон немер вос йинег ниш оловенм». Я запишу.

– Что это?

– Мантра. Снимает порчу, чистит ауру.

– И долго так?

– Пока не исчезнет.

Собака пропала. Возвращалась, только когда я подолгу забывала исполнить ритуал. Понятно, я старалась делать это наедине. Антон, если и заметил, не подал виду. Мы давно жили параллельно. А Катя однажды спросила на кухне:

– Новый шаг в борьбе за чистоту?

– Ты о чём?

– Твои камлания у окна.

Надо же «камлания»... Дочь филологов. Но я готовилась к вопросу.

– Ну да... Это... знаешь... Мантра. Знакомая посоветовала. Чистит квартиру от всякой гадости.

– От гадости? – дочь обернулась на футбольный шум из зала. – Понятно.

Меня напряг зачёт по физкультуре. Какой-то умник поставил льжи в середине дня. Возвращаться на лекции потной, как мышь? Обойдутся. Прогуляла, короче, справку достать не удалось. Девчонки советуют: пошепчись с Антон Николаичем. Дяденька влиятельный, может помочь. К блондинкам неровно дышит. Ну, это я давно заметила, разглядывал меня всегда. И непротивный, в общем-то. По его предмету у меня было окей. Но говорю: мол, реферат завис, то-сё, хотелось бы приватно обсудить. Не ожидала такой удачи, что сразу пригласит домой. У него как раз жена уехала в отпуск с ребёнком. Это я после узнала.

Я купила два мороженных с орешками, не вино же покупать. А «Лакомка» тает, надо решать быстро. Он типа: зачем, Анастасия? Но достаёт сервизные блюдечки, фужеры. Шампанское. Я за это время шарфик размотала, там чуть спустила, здесь подтянула. После бокала осмелела. «Давайте, – говорю,

– на брудершафт?» Он помялся. Выпили. Я его рукуто придержала. Жёсткая рука... «На брудершафт, – шепчу, – просто так нельзя». Ну, мужичок задышал, куда он денется. Мне вначале было прикольно. Антон с моим отцом почти ровесники. А потом ничего, зацепило. В постели оказался – мистер фантастик, хоть староват и росту компактного. Точно говорят: маленькие в этом деле шустрые. Рост – чепуха, мы по улицам особо не гуляли. Встречались больше в горизонтальном положении. А зачёт устроил, молодец.

Встречались сложно – романтика! Его курица вечно дома, он – на работе. Случалось, в аудитории трахались – дверь на ключ, рот на замок... Я тогда автоматически на вы переходила, Антон смеялся. Иногда брал отгул, на телефоне его прикрывали. И вёз меня в отель на берегу. Покупали сладости, вино... Нет, с Антоном хорошо было, и разговор такой лёгкий всегда. Деньги «на мороженку», подарки... Привыкла, в общем, за два года.

Потом объявилась эта докторша. Антон её в больнице склеил, когда лежал с инфарктом. Редкостный кобель. Звали её Лена. Я бы сроду не запомнила, если б не его трепотня. Лена – кардиолог Божьей милостью, сердце чувствует лучше, чем УЗИ. Лена – талантище, верлибры сочиняет, у нас духовная близость и всё такое. Одним бабам трепаться про других – не креза ли? Антон мне вечно болтал про студенток. И про шлях своих не забыл – в разных городах. Якобы выкупил одну из борделя за двести штук, классика жанра.

– А если жена узнает? – спрашиваю.

– Не узнает. Она в финансах по нулям. А и узнает, мне пофиг, сам заработал. Скажу, проиграл в казино.

У них с женой тогда совсем разладилось. Антон говорил, она малость двинулась, чертей ловит по квартире. Вообще-то, надо разводиться и честно жить с Леной. А у Лены, вот незадача, муж и сын.

– Она тоже разводится? Ты хоть спросил?

– Спросил. Она так согласна жить.

– Где?

– Где что?

– Где жить собираетесь?

– Господи, какая ты зануда. Это детали. Они сами решаются, главное – выбор.

Он меня даже познакомил с этой Леной на каком-то сейшне в доме творчества. На зверька похожа: такая белочка, молью поюзанная. Старше меня лет на десять. И стерва. Чего он там нашёл? А он и правда нашёл – встречаться мы стали реже. Год были как друзья с лёгким постельным оттенком. Потом совсем разбежались. Закончили таким разговором, что вспомнить стыдно. Эх, и обозлил он меня!

После универа взяли секретарём в городскую администрацию. По знакомству, конечно. Как-то недалеко от мэрии встречаю Антона. Небритый и одет холодновато. «Из больницы, – говорит, – сбежал пройтись». У него случился второй инфаркт, но уже отпустило. С докторшей там вышло хуже

некуда. Она мужу сказала, что уходит к другому. У Антона с жильём непонятки, короче, он включает тормоза. И вот она, докторша, жене его позвонила, чтоб ускорить события. Это Антон так думает, что она позвонила. Но, как у всякого бабника, есть варианты. У жены крыша слетает напрочь, в психушку увезли. Отец его и дети взяли сторону жены. Антон оставил им квартиру, универ дал общежитие. «Может, пойдём, – говорит, – ключ есть, вспомним молодость». Удивительный человек.

Понимаешь, брат, о чём я хотел бы написать, да не могу? О человеке, который производит хорошее впечатление. Его любят, уважают, ценят. Он добрый, щедрый, талантливый. И мало кто знает, что в нём бушуют страсти. Безграничная любовь к женщинам заводит его в тупик.

Тяга к искусству заставляет меня быть откровенным. Беспощадным к себе. У меня была светлая, преданная, любящая жена. Она меня совершенно не подозревала. В Сочи, например, я говорил ей вечером, что не могу уснуть. Выйду, мол, прогуляюсь, загляну в бар. А сам – к млядям. Возвращаюсь под утро, она спит. Верит, что я просто так гулял. Разве я не подонок? Притом что для многих женщин я остался добрым волшебником, отзывчивым собеседником, тонким психологом, щедрым рыцарем. Это не я так думаю о себе. Это говорили мне они.

Влюбчивость – удел креативных людей. Возьми хоть Довлатова. Ходок был тот ещё. Четверо детей от двух жён и любовницы. Плюс других баб немерено. Умер на квартире у одной, пока жена с детьми были за городом. А Пушкин, Есенин, Высоцкий?.. Та же история. И ничего, уважаемые люди.

О шляхах. Там не все Сонечки Мармеладовы, через одну. Но, ты знаешь, много умных, адекватных. Помню, одна мне цитировала Гомера. Если не врёт, училась на филфаке СПбГУ. Я ведь умею слушать человека, отношусь к девушкам по-хорошему. Не делаю разницы. Ты бы в жизни не угадал, у какой замужней, образованной дамы это было в прошлом. Иногда они рассказывали мне про известных личностей, которые у них отметились. Тоже уважаемые люди... Но я сбился. Были и другого типа, конечно. Я нередко спрашивал, каким ветром тебя в этот бизнес занесло? Одна меня поразила. «Душа, – говорит, – просит. Деньги так, бонус. С интересных мальчиков не беру. За приятность брать неловко». Она не в борделе работала, самостоятельно. Впрочем, мы похожи, так что я её не осуждаю. А ещё есть категории: порядочные женщины, оставшиеся с ребёнком. Воспитательницы, медсёстры, учительница одна была. Ну, ещё студентки, этим всегда мало.

Для меня, как литератора, такой опыт бесценен... Ты помнишь историю про Джекила и Хайда? История двух разных людей, спрятанных внутри одного, очень типичная. Цельных людей почти нет. Но эти два человека у всех разные. То есть

один-то примерно похожий: хороший. А другой – разный. Мистер Хайд был убийцей, мой – развратник и циник. Но мой хороший человек очень мучается, поверь. Мне с этим трудно жить: я знаю, что меня ценят достойные люди. Но если бы они узнали, что творится у меня внутри, то отвернулись бы с негодованием.

– Мне б Антон Николаича.

Игривый женский голос в трубке.

– Его нет. Кто это?

– Его любовница. Одна из. Не удивлены, конечно.

– До свидания.

– Нет, подождите! – торопливо. – Нам с вами есть о чём поговорить.

– Не думаю.

– А вы подумайте. Вот, например... Сколько юбок Антон Николаич перемял в этом году? Знаете? Я вам отвечу: как минимум шесть. Это не считая проституток. Он в командировки часто ездит, правда? А там...

– Пошла в задницу, – оборвала я. – Меня его шлюхи не интересуют.

– Ой, прям Жаклин Кеннеди! – обозлился голос. – А финансы семьи тебя интересуют? В банковские счета давно заглядывала? Так загляни, овца. Девочки теперь недёшевы, ха-ха-ха!

Я позвонила в банк. Потом время упёрлось в стену. Будто в трансе кормила детей, желала им спокойной ночи. Слегка мутило от запаха псины. Я открывала форточку, шептала мантру. Ждала поворота ключа.

– Где деньги Кати, Антон? – спросила я. – Куда ты их дел?

Я знала, что этот миг наступит. Миг тишины.

– Что ты с ними сделал?

Он медленно опустил кейс на пол. Снял и вновь надел очки.

– Я... В общем... я их проиграл. В казино. Ну, получилось так, извини.

– Антон...

В подъезде хлопнула дверь, загудел лифт. Медленные ватные звуки.

– Антон, почему ты мне врёшь? Что происходит?

Я готова была расплакаться.

– Почему? – повторила я. – Куда исчезли деньги?

– Я же тебе сказал...

– Ты врёшь, подонок!

Хлесть! Смазала его по щеке, очки полетели. Замахнулась ещё, он перехватил руку.

– Прекрати истерику. Детей разбудишь...

– Вспомнил о детях? Пусти. Пусти, кобель дражный! Мне твои шляхи звонят. Мне! Мне звонят грязные...

– Кто? Кто звонил?!

– Уходи, Антон. Прямо сейчас. Мы разводимся. Я не могу тебя видеть. Не хочу. И... – я сорвалась на всхлип. – И заberi, наконец, эту паршивую собаку!!

– Какую собаку? Галя. Тебе надо серьёзно лечиться...

Я распахнула дверь.

– Пошёл вон!

Антон молча вышел. Я побрела на кухню. И там – второй раз в жизни – увидела цыганскую собаку. У неё оказалось до странного много зубов. Она подвернулась кстати.

– Ххрр...

– Ага... и тебе не хворать... Обожди, дорогуша, – бормотала я, нащупывая ручку сковороды (жаль, не чугунная, давно пора купить), – сейчас тебе будет...

Собака прыгнула.

И в полёте увесисто огребла сковородой. Хрясь!!

И ещё раз! И ещё – уже мягкую. Чвяк! Чвяк!!

– Мама!

– Мама, что с тобой?!

На пороге стояли дети.

– Марш отсюда! – я замахнулась. – Марш!

Незнакомые мальчик и девочка попятились, глядя куда-то за меня. Я обернулась. На полу чернели комья земли, останки кактуса, фрагменты горшка. В голове что-то лопнуло и погасло.

Недавно я чистил электронный архив и увидел письмо от старого друга. Непрочитанное, странное письмо, будто куски дневника. Как я его не заметил? «Может, ты когда-нибудь напишешь обо мне. Если я раньше тебя уйду в иной мир. Только без юмора, что-то печальное. Чтобы жизнь моя прошла не зря. Я с недавнего времени стал худо понимать, что со мной творится...»

Друг этот пропал года три назад. Я пытался отыскать его, да без толку. Но уверен, что он жив, это возраст у нас такой. Человеку просто хочется исчезнуть. Уехать туда, где нет знакомых, потихоньку жить, думать, читать. Смотреть на воду. Иногда, глядя внутрь себя, я различаю осенний пляж.

Солнце только что встретилось с морем. Километры песка меняют цвет. Я вижу силуэт человека в шортах и панаме. Его тень похожа на детский рисунок. Сзади трудно понять его возраст. Плечи свободны, шаг расслаблен. В руках – хваталка для мусора с длинной ручкой и сумка-тележка. Его должность называется «смотритель пляжа». Это значит: собрать бутылки, пакеты, лохмотья водорослей, полить газон...

Его лечит эта работа. Вместе с пляжем он как бы чистит свою душу. И душа, пусть на время, становится лучше, новей. Печали – эфемернее, а счастье – бесконечным, как море или небо. По краю

горизонта бахромой зависли облака. Чуть ниже элегантно позирует корабль. Тихо сегодня. Еле слышно шелестит прибой, а вода похожа на мех. Хочется погрузить туда руки, словно в нежную, мягкую шубу. Или накинуть её на плечи, будто мантию. Чтоб она тянулась за тобою без конца, размывая следы, удаляя ненужное прошлое...

«Антон... – шепчу я. – Антон!»

Человек медленно оборачивается.

Общага и дипломат

В институтские годы все мои «домашние» приятели завидовали сокурсникам, жившим в общежитии. Общага соблазняла цинизмом взрослой жизни, упоительным отсутствием родительской тирании. Но – с присутствием финансовой помощи из дома – единовременной, что важно. Мне, например, выдавался рубль в день. Или трёшка – это если повезёт и у родителей не окажется рубля. За этот жалкий рубль меня будили и выгоняли из дома в нечеловеческую рань – к первой паре. Кроме того, возвращение за полночь и / или в нетрезвом виде грозило тяжёлой и продолжительной нотацией.

На рубль мне следовало поесть. А ещё – желательно – выпить пивца с друзьями. Бутылка пива стоила тогда сорок четыре копейки. Иногда я выпивал две. В эти дни обедать приходилось пирожком с «кошатиной» за девять копеек. Удивительно вкусным – съедался мгновенно и голода не утолял. Сдача бутылок приносила ещё два пирожка. Или один

и сигареты «Прима» – самые дешёвые, за четырнадцать копеек. Отчего эти цифры так прочно застряли в моей памяти? Ведь я забыл намного более важные события и числа. Например, я хронически не помню дни рождения ближайших родственников. Не говоря уже о своём.

А как же стипендия? – спросите вы. Какая стипендия? А, ну да. Дело в том, что в компании моих друзей – типичных лоботрясов – стипендию получал один, максимум двое из пятерых, с циклической ротацией. Обыкновенно со стипендии получающие вели неполучающих в кабак. Финал понятен. Дома об этом знали, поэтому утренний рубль отстёгивался автоматически.

В общаге – иное дело. Средства из дома присылались целиком, раз в месяц. И люди тратили их, как хотели: кто с размахом, кто с расчётом. Мой приятель Миша, о котором речь впереди, растягивал месячное пособие недели на две. А на последние копейки отправлял домой телеграмму: «кислородное голодание срочно тридцать атмосфер». И мама высылала ему дополнительную тридцатку. В общаге можно было проспаться занятия. Вернуться до рассвета, нетрезвым, ошибиться корпусом, этажом... Во тьме чужой комнаты громко упасть... А утром занять у хозяев денег. Наконец, что не менее важно, там обитали девушки. Много девушек – весёлых, независимых и смелых. Короче, общага требовала срочного освоения. И мы её освоили, конечно. Началось это так.

Скучаю как-то раз на лекции, рисую автопортрет на фоне пальм и моря с парусами. Приходит записка от Валеры. Он сидел не со мной, как обычно, а где-то в первых рядах: видимо, опоздал. В записке три слова: «Предлагаю напиться. Немедленно!!!» И три восклицательных знака. Отвечать я не стал, какой смысл? В курилке сосчитали деньги, заняли у кого-то ещё рубля три и пошли в магазин. Хватило ровно на две бутылки «Зубровка». А может, «Зверобоя». На третью «З» – закусу – денег не осталось. И сигареты кончились, как назло. Мы коротко обсудили ситуацию. Можно было выпить в ближайшем сквере из горла – дело нехитрое. Но без закуси, а главное, без курева – это ж весь кайф сломать.

– Поехали, – говорю, – в общагу. Может, найдём братьев по разуму.

– Или сестёр.

– Ещё лучше.

Здание общежития напоминало перевёрнутую букву «П» – девятиэтажные корпуса, соединённые внизу широким коридором. Днём в этом коридоре работал буфет, а по субботам гроыхала дискотека. Мы вошли в левое крыло и без проблем миновали вахту. Похоже, новичкам везёт не только в карты. В лифте наугад ткнули кнопку 8. Идём мимо комнат, прислушиваемся – не играет ли где музыка, не звякает ли посуда... Видим, на последней двери под цифрами 815 наклеена этикетка от «Агдама».

– Во! Наши люди, – обрадовался Валера. И постучал.

Открывает худо выспавшийся юноша в очках наискосок.

– Привет. Выпить хочешь? – спрашивает Валера. Он в нашей компании самый простой.

Человек молчал секунд пять. Потом говорит:

– Ну.

– Закусить есть?

– Хлеб.

– А покурить?

– Найдём.

– И чего мы ждём?

– Заходи...

– Я – Валера.

– Миша.

– Макс.

Мужская комната без излишеств. Три полузаправленные койки. На стенах вырезки из журналов: красотки в бикини вперемешку с футболистами. На столе – грязные стаканы, исцарапанная ложками сковорода. Фрагмент чёрного хлеба, надорванная пачка «Примь». И здесь «Прима», – подумал я, будто всерьёз ожидал увидеть «Столичные». О «Приме» тогда ходил анекдот. Директор Чапаевской табачной фабрики звонит коллеге в Сызрань. Слушай, почему вашу «Приму» хоть изредка покупают, а нашу совсем не берут? Давай сверим ингредиенты. Мы кладём пятьдесят процентов сушёного дерьма,

сорок процентов опилок и десять процентов табака. А-а-а, вон оно что. Значит, вы ещё и табак кладёте...

Выпили сначала за знакомство, потом за «дай Бог не последнюю». Потом за творчество и чудотворство. Именно так Миша, оказавшийся филологом, назвал наш спонтанный визит. К последнему разливу успел Мишин сосед.

– Ну, блин! Как всегда... – расстроился он. – Все мягкие и тёплые, один я жёсткий и холодный. Не, я требую продолжения банкета.

Он достал червонец.

– Тебе бежать, Мишпаня. И консервов каких-нибудь возьми.

Миша спрятал деньги и отбыл. Через минуту сосед вспоминает:

– Э! У него же тары никакой. В чём он напитки мимо вахты понесёт?

– Точно, – говорит Валера, – крикни ему в окно – сейчас бросим что-нибудь.

Тут эта пьяная скотина хватает мой новый...

Пардон – маленькое лирическое отступление. В те годы в моду вошли плоские кейсы с замочками, так называемые дипломаты. Естественно, обладание дипломатом стало моей навязчивой идеей. Я был, в целом, неплохо упакован. Имел фирменный джинсовый костюм, румынские кроссовки и треники «adidas». Для полного комплекта не хватало только дипломата. Магазины исключались – они в те годы существовали без участия покупателей и товара.

Знакомые спекулянты разводили руками. Даже мой школьный приятель Ваня – король фарцовки – оказался бессилен. И тогда я написал слёзное письмо дяде в Луцк. Кто не знает – это на (или в?) Западной Украине. Вскоре на местной барахолке дядя приобрёл новый дипломат югославского, кажется, производства и выслал мне в подарок. Дипломат был из мягкого кожзаменителя тёмно-вишнёвого цвета. По периметру – две тонкие металлические окантовочки. Внутри – обит ласковым бежевым шёлком. Друзья беззвучно стонали от зависти...

И вот, этот пьяный дебил Валера хватает мой новый (полгода всего носил!) дипломат и бросает его в окно с восьмого этажа. По звуку снизу я понял, что дипломата у меня больше нет.

– Ты что же делаешь, сука, а?! – едва выговорил я. И наотмашь вмазал другу в левый глаз. Но не попал. Валера, понимавший кое-что в единоборствах, ловко перехватил мою руку и больно завернул. В ответ он услышал такие слова, воспроизводить которые здесь ни к чему.

– Может, склеим как-нибудь... – примирительно вздохнул сосед.

Вернулся Миша. Дипломат он держал обеими руками, потому что открывался он с трёх сторон.

Надо ли говорить, чем закончился тот день? Думаю, нет.

Скажу только, что с Валерой мы помирились через полчаса. Дипломат починить не удалось. Но

ничего, кроме нас. Чаще – скандалим и разбегаемся надолго. И делаем вид, что незнакомы. Убедить себя в последнем несложно, особенно если у тебя нет архива и фотоальбома. Хорошо помогает тёплое молоко с мёдом на ночь, в крайнем случае – маленькая волшебная таблеточка. И ещё. Надо исключить из жизни случайности – вроде этих приплюснутых сигарет без фильтра. Одна-две затяжки – и ты уже там, в нелепой, полунищей юности. Пирожки с «кошатиной», бездарные свидания, чернильный портвейн... пятьдесят процентов сушёного дерьма, сорок процентов опилок и десять процентов табака.

Легко и приятно

Лет пятнадцать назад... (или двадцать назад?)
Время в последние годы опасно ускори-
лось, а память, наоборот, буксует. Ладно,
пусть будет – пятнадцать назад) ...мне по учёбе, а
больше из любопытства, случалось ходить на вся-
кие психологические тренинги. Назывались они
кудряво: «трансактный анализ», «нейролингвисти-
ческое программирование», «психодрама» и тому
подобное.

Наиболее престижными считались занятия
у трёх профессоров МГУ. Трёх «С». Смолин, Со-
ловьёва и Симаковская. К ним в группы записыва-
лись за месяц. Должен сознаться, что лично мне эти
тренинги помогли как мёртвому горчичники. Мои
комплексы, фобии и вредные привычки остались
целы и невредимы. Ведущие здесь ни при чём – все
трое были компетентными и интересными людьми.
Смолин, например, любил такую шутку. Думаю,
что он позаимствовал её у Фрейда или ещё у кого-
то из классиков.

– Я знаю, – говорил он студентам, – что половина из вас пришла на этот факультет, надеясь решить свои личные проблемы.

– А вторая? – спрашивали из зала.

– А вторая... уже поняла, что даже диплом психфака МГУ им в этом не поможет.

Соловьёва мне нравилась. Невысокая, стройная. Короткая причёска из мелких бежевых кудряшек. Отдалённое сходство с актрисой Неёловой. Мне хотелось с ней поговорить. В перерыве около неё всегда толпились студенты. Я дождался, пока мы остались вдвоём и сказал:

– Евгения Фёдоровна, я занимаюсь психологическими защитами. Что рекомендуете почитать?

Соловьёва взглянула так, будто увидела пятно Роршаха у себя на юбке и ответила:

– Читайте меня.

Профессор Симаковская напоминала заслуженную учительницу младших классов. Она вела занятия по телесно-ориентированной терапии. Что это такое – забыл. Если честно, и тогда нетвёрдо знал. А ведь именно на этой телесной ориентации произошёл случай, который задержался в моей памяти. Который помог мне кое в чём. Что-то изменил. Как помог и что изменил – не скажу. А случай – вот он.

Мы, около тридцати незнакомых людей, сидели в душевной аудитории. Дело было зимой, а

топили в МГУ на совесть. Иногда приходилось вставать, отодвигать стулья и выполнять какие-то упражнения. Потом мы вновь усаживались и записывали их смысл.

– Последнее задание, – объявила Симаковская. – Сидящие в первом и третьем рядах повернитесь к тем, кто у вас за спиной... И возьмите этого человека за руки.

Оборачивается ко мне девушка, улыбается. Смотрит уверенно – много тренингов за плечами. Симпатичная, даже очень. И протягивает руки. Тут я с ужасом осознаю, что у меня безобразно потные ладони. В аудитории жара, вытереть потихоньку уже некогда. От волнения ещё сильнее вспотели. Катастрофа. Взялись за руки. У девушки всё в порядке (как это они умудряются?), а у меня.... Позорище. Потная свинья... И ведь, как назло, красotka попалась! Уж лучше б страшненькая...

Симаковская тем временем отдаёт команды, мы что-то делаем. А я способен думать только об одном: как моей бедной партнёрше не терпится вымыть руки. Наконец попытка завершилась. Девушка отвернулась. В её лице мне на секунду померещилась брезгливость. Я немедленно полез за платком, хотя... какой теперь смысл?

Ведущая говорит:

– А сейчас, как обычно, – ваши мысли, чувства, комментарии.

Поднялось несколько рук.

– Давайте начнём с вас. Сидите, вставать не надо.

Со второго ряда привстал сутулый юноша ботанического типа. Затем сел обратно и произнёс:

– Я, может быть, не совсем по теме... Дело в том, что здесь, в аудитории, очень жарко. И у меня страшно вспотели руки. И когда я... взял за руки девушку, которая сидит впереди, мне стало очень неловко. Кроме того, эта девушка мне понравилась... В общем, я только об этом и думал во время упражнения. Извините.

По аудитории прошелестел нервный смешок. А я вдруг понял, что со мной случилось нечто важное. Будто щёлкнули внутри какие-то колёсики, повернулась невидимая шестерёнка... И встал на место фрагмент большого пазла, который мы складываем всю жизнь.

Пока упикивали себя в куртки и шубы, «моя» девушка несколько раз взглянула на меня. Надо было спросить телефон.

Спецфакультет

10 октября, 1989

09:40

«Спецфакультет психологии. Собеседование: 3-й этаж». Молодой человек направился к лестнице, расстёгивая плащ. Солидное здание: колонны на фронтоне, массивные двери, гулкий вестибюль – не угнетало его. Напротив, Слава чувствовал лёгкость и гасконский азарт. Он шагал через две ступени. Элегантная сумка покачивалась в такт. Шарф и плащ развевались. Терять ему нечего, а цель – Париж. То есть Москва. Пускай гасконец был на десять лет моложе, – думал Слава, – но тогда и жили быстро. Ничего, мы тут ещё сделаем фигуру из пальцев. Пукнем так, что они содрогнутся.

[Через девять лет он будет одолевать эти ступени, неся тяжёлый камень внутри. Он войдёт сюда в последний раз – забрать из офиса жалкое имущество. Личный архив, подарки студентов, фиалку в горшке... Ширма разделяла офис надвое. Хорошо,

что соседка забегала нечасто. В основном когда давали зарплату, трогательную, будто милостыня. Поэтому Слава думал и говорил: «Мой офис». Фраза приятно щекотала, особенно с довеском «мой компьютер». У меня в офисе завис компьютер. Пришлите кого-нибудь наладить... На этом компьютере Слава напечатал финальный вариант диссертации. Затем книгу по мотивам в соавторстве с Рюриковой. Начальница выбила грант и почти не мешала. За это её фамилия шла первым номером, а как же... Из окна сквозило в левое плечо. Слава работал остеохондроз. Следом за выходом книги он лишился офиса так же моментально, как и получил его. Минуй нас пуще всех печалей... Да.]

10 октября, 1989

09:42

Он прошёл мимо будущего офиса, интуиция не шелохнулась. Взгляд зацепил табличку «Деканат» и мужской туалет напротив. Широкий коридор был наполнен взрослыми абитуриентами. Провинциалы выделялись багажом и обособленностью лиц. Москвичи вполголоса беседовали. Слава отыскал вакантное место рядом с блондинкой, затянутой в деним. Освободился от сумки и плаща. Сел.

По коридору пафосно вышагивал длинноволосый тип. Светлый френч с заклёпками, очки в тонкой оправе. На морде снисходительное презрение к универсуму. Такие пижоны с детства вызывали у Славы блевательный рефлекс.

[Спустя два года он поймёт, как замордован и узвим человек в белом френче. Увидит его сброшенные латы, а под ними – больную душу невротика с элементами паранойи. Только подшофе Вадим Дроздов становился мягким и открытым. И откровенным, за что в итоге поплатился его незаменимый собутыльник и конфидант, товарищ по комнате в аспирантском общежитии Слава Смирнов.

На факультете они без лишнего усердия скрывали взаимную неприязнь. Затем та нехотя уступила место взаимному терпению, чему способствовала общая компания. Обнаружив Дроздова за столом напротив, передающим ему водку или торт, Слава какое-то время удивлялся. Но постепенно свыкся, как хронически больной с давнишним, почти родственным недугом. Мало того, отыскал в Дроздове положительные стороны. Их всегда можно найти, длительность поиска и старание требуются разные.

Вадим Дроздов классно играл на гитаре. И пел задумчиво, негромко – Вайханского, Бокова, Ланцберга, Сергеева... Интеллигентные девушки любят бардов. Тем более в исполнении загадочных грязноволосых юношей в модных очках. Сначала Вадим обаял Алису Потоцкую, затем Татьяну Далматову, чей корректный, спокойный голос всегда бывал решающим. Через них пролез в Славину компанию. Кроме того, до спецфакультета он работал учителем. Слава, отмучившись три года в деревенской школе, испытывал невольную эмпатию к собратьям по несчастью. Наконец, Вадик имел

диктофон с записями одиннадцати лекций академика Запрудина. И мог поделиться, если что. А эта валюта на спецфаке ценилась.

И всё-таки особого тепла между будущими коллегами не возникало. И не особого тоже. До того, как на экзамене в аспирантуру по истории философии Вадим бросил Славе шпаргалку. Если бы не маленький клочок бумаги, жизнь Славы Смирнова ушла бы по очень другой колее. Без диссертации, степени, печатных трудов, интернатуры, эмиграции и удачной женитьбы. За этот необъяснимый жест Слава полюбил Дроздова вместе с его тараканами. И заранее простил ему всё.]

10 октября, 1989

09:45

– Извините, девушка, не посмотрите за вещами? Пожалуйста. Я на минуточку.

– Хорошо, – ответила блондинка, не удостоив Славу поворотом головы. Короткая стрижка, волосы окрашены с тщательной небрежностью. Фу-ты ну-ты, какие мы гордые, – подумал Слава и добавил:

– Кстати, меня Слава зовут. Можно Вячеслав.

Девушка повернулась. Славу измерили медленные, дымчатые глаза, одновременно тревожные и бесстыдные. Такие глаза на смазливом личике превращают мужчин в баранов.

– Алиса.

Проблемный вариант... – думал Слава, направляясь к туалету. – Испорчена вниманием – это

минус. Но не москвичка – это плюс. Ничего, поступим – разберёмся.

Пять часов в самолёте, – легко вздохнула Алиса Потоцкая, – глаза еле открываются. Сейчас бы ванну да прилечь... А мальчик повёлся. Не вариант, конечно: молод, простоват. Впрочем, поступим – разберёмся. Заснуть в полёте ей не удалось. Ломило ноги и затёкшую спину. Донимали мысли о надвигавшемся (втором уже) разводе и жалость к себе. Отчего при её внешности, мозгах, тщательной селекции ухажёров рядом неизменно оказывались подонки? Что со мной не так?..

Отбытие в Москву напоминало бегство. Ну и пусть. Зато появилось время оглядеться. Отодвинуть неприятности. Замазать укусы жизни бальзамом новых впечатлений. А может, и встретить достойного человека. Бывают же достойные люди на свете...

[Алиса знала, что поступит на спецфакультет. И не ошиблась. Три дамы из комиссии глядели с прищуром, особенно стерва-деканша. Но они – реквизит, декорация. Сморчок-дедуся – тоже. А вот главному боссу она понравилась. Улыбался так, что лысина вспотела. И говорил на собеседовании большей частью он. Снисходительно, весомо говорил. Алиса кивала, потупив взор.

Училась она хорошо, но и про достойного человека не забывала. Воздыхатели привычно

атаковали её, словно голуби – хлебозавод. Алису интересовали москвичи. Сперва её провожал лейтенант Танаев, человек физкультурной наружности с распахнутым лицом и объятиями. Лейтенант водил её по ресторанам и свободным квартирам знакомых. Домой не звал, из чего Алиса сделала правильный вывод, что мерзавец женат. Затем её видели с небритым мачо Олегом. Олег тоже водил Алису по ресторанам, где часто и стремительно напивался. Вслед за чем декламировал белые стихи, выяснял, добавит ли Лариса, то есть, пардон, Алиса, денег на такси, – короче, становился обременительным. После зимней сессии мачо был отчислен за неуспеваемость.

Тут Слава увидел шанс и решил, как говорят футболисты, сыграть в подкат. Дважды Алиса позволила ему эскортировать себя в театр. Вполне невинные домогательства, как то: ошибшаяся коленом ладонь или аллюзия на тему рюмки чая в свободной комнате – пресекались ею с мягкой улыбкой. Слава понял, что лишний на этом празднике жизни. Однако не расстроился – девчонок вокруг хватало. Не расстроился до того, как увидел Алису с Дроздовым.

У ревности, как ни странно, тоже есть шкала. Когда девушка твоей мечты исчезает на «Вольво» с рослым белозубым шведом, это пережить легко. Тут и переживать-то нечего. Радоваться надо, причём за всех троих. Иное дело, если тебе предпочли нелепого чудилу с походкой капельдинера и

бликом вместо глаз. Вот когда охота грызть подушку и шептать: «Нет. Нет, нет... Мне померещилось. Кто угодно, только не этот».

Увы, оказался именно этот. Слава надолго приуныл. Спас его Шоренко. Ясным полднем в конце апреля они возвращались с занятий. Шли за вином, настроение летело к облакам. И тотчас плюхнулось в лужу, когда впереди замаячили Алиса и Дроздов. Парочка обжималась на ходу. Слава поморщился и отвёл глаза.

– Идеальная комбинация двух ничтожеств, – заметил Шоренко. – Прямо вырвать тянет на асфальт. Бээ... А тебя?

– М-м... Частично.

– А-а, я понял! Она тебе нравится, да? Она. Тебе. Нравится, – повторил Шоренко, смакуя каждый звук. – И этого человека я называю своим другом! Слава, очнись. Она же фальшивая, как... Как пирожок из дерьма. Давно забыла, какая она есть на самом деле. Пластмассовая кукла естественней в разы.

Шоренко явно имел суггестивный талант. Славе полегчало.

Ревность отскочила, как засохшая болячка. И сама Алиса как бы исчезла. Она по-прежнему мелькала в аудиториях, коридорах, на гулянках. Где всё нежнее тискалась с Дроздовым. Только Славе почти удавалось не видеть её. Видеть сквозь неё. Алиса почувствовала что-то, хотя не сразу. На выпускном банкете, случайно оказавшись рядом, мурлыкнула: «В чём дело, Слав? Ты какой-то странный последнее

время. Я тебя не обидела?» Нетрезвый Слава повторил ей всё услышанное от Шоренко. Пирожок из дерьма только упустил, а зря.

Впрочем, Алисе хватило. Говорили, что она плакала в жилетку Татьяне Далматовой. Если и плакала, то от досады. Уж очень просто её объяснили, а главное – точно. Славе было её не жаль. Отомстила Алиса полгода спустя.

Она появилась в Москве зимой, живая и весёлая. Чмокнула Славу, прижалась холодной щекой. Несколько дней провела в аспирантском общежитии. Флиртвала, улыбалась, шинковала салаттики, пила вино. А ночами уединялась с Дроздовым в комнате соседа по блоку. Вадим башлял его неявку до утра. Слышимость была отменная. Слава улавливал тихую речь, потом другие звуки. Ему казалось, что Алиса нарочно стонет погромче. Он брал сигареты, уходил далеко в коридор. Курил, перематывал и снова включал издевательский голос Шоренко. Она же пластик, кукла... Слава, опомнись... И этого человека я называю своим другом...

Наутро в книге телефонных звонков Слава увидел запись. Каракули вахтёрши добавили ей сюра. «Смирнову. Я в Москве. Буду немедленно. Готовь закуску. Шоренко».]

10 октября, 1989

09:47

– ...не только в этом. Я, вообще-то, люблю поезда. Бывают люди интересные, можно

выпить, поговорить. А нет, так отоспаться хоть по-человечески.

– Ну-у. Какое в поезде спаньё.

– Хм, не скажи...

Двое курили у окна. Говорил в основном усатый – постарше, в новом, слегка мятом костюме. Куртка переброшена через руку. Второй – пониже ростом, молодой. Короткий плащ нараспашку.

– Только прибыли рановато, а здесь – дождь. Как грибок, понимаешь, мокнул с шести утра. И дверь закрыта...

Слава пописал, ополоснул руки. Вытереть было нечем. Он достал сигарету губами.

– Ребяк, шфичек не буэк?

– Эт запросто, – усатый, глянув с любопытством, полез в карман, затем в другой. Вблизи он походил на кого-то из героев Шукшина. Крепкий, скуластый. Взгляд с прищуром. Такой взгляд берёт человека, словно шахматную фигуру. И вникает, поворачивая так и эдак.

Молодой щёлкнул зажигалкой. Простецкая улыбка, очки в массивной оправе. Лицо добродушного отличника. Покрытое (руки тоже) матовым загаром, необычным для октября. Тепло устроился.

– Спасибо.

– На собеседование?

– Ну.

– Откуда?

– Из Самары. А вы?

– Алтайский край.

– А я из Мурманска.

– Красиво там нынче загорают.

– Красиво, – отличник усмехнулся. – Живу в Мурманске – иногда. А работаю в Туапсе. Пионер-лагерь Орлёнок. Слышал?

– Ещё бы. Даже был там пацаном, классе в шестом.

– Ух ты! Какая дружина?

– Стремительная...

В туалет зашёл сутулый, тощий парень и направился к дальнему окну. Отвернулся, быстро закурил. Его чёрные джинсы и свитер казались взятыми напрокат. Волосы того же цвета умоляли о стрижке. Во, чучело, – удивился Слава, – никак тоже поступает...

– Познакомимся? – отличник протянул руку.
– Антон.

– Слава.

– Виталий.

[Антон Ивашов и Виталий Говоров займут комнату 215. И как-то скоро в эту комнату потянется народ. Очень интересно было с этими двумя. Даже молчать. Слава, к примеру, часто наблюдал, как друзья играют в шахматы. Антон волновался и злился, особенно когда проигрывал. Виталий снисходительно посмеивался. Однажды, проиграв, Антон сгрёб фигуры в коробку, бросил её на тумбочку и заявил: «Так. Мне эти ухмылочки надоели.

Понял? Больше с тобой не играю». И держался почти неделю.

Во многом непохожие, Антон и Виталий тем не менее совпали, как пазл. Виталий – человек серьёзный, зрелый, явился в Москву не кудрями трясти. Не как эти, понимаешь... тинтель-минтель... всю жизнь бы учились от скуки. Или новую семью здесь устраивают. Или старую забывают... Нет. Тылы у Виталия были крепки, что отличает людей именно серьёзных. Два счастливых брака, один развод, алименты – всё как положено.

Он вот уже пятнадцать лет трудился директором школы-интерната. А что такое директор школы, тем более в селе? Более собачей работы хрен найдёшь – вот что. Но это мало кто понимает. Угля достань. Учебники добудь. Продукты для кухни обеспечить, довези. А машина одна в деревне – на четырёх копытах и с хвостом. А то и на собственном горбу. Учителей опять-таки найди да поклонись им. Молодых назначат – через год бегут, подлецы. И все от тебя чего-то хотят. Родители, комиссии, учителя... Детишки права свои узнали. Сопли до колен, а им уже, бляха, – права... Каждому что-то надо. А оно, это «что-то», не резиновое. На всех не хватает. Так и отдираешь от себя кусками вместе со здоровьем.

Однажды Виталий решил: хватит. И стал подыскивать тихую должность в районо. Связи у него имелись. А тут прошёл слух – через год освобождается кресло заведующего. Виталию намекнули

– шанс есть. И новый диплом, особенно по модной сейчас психологии, будет весьма кстати. Виталий поехал за дипломом.

Антон оказался первым из будущих сокурсников, встреченных им в Москве. Он сразу понравился Виталию. Открытый, умный, начитанный. Виталий уважал начитанных людей. Сам бы побольше читал, но... Э! Какое там, если годами брешешься и завтракаешь одновременно? Антон напомнил ему младшего брата, которого у Виталия не было. А хотелось. Вот такого – интеллигентного, доброго, с книжным знанием жизни. И надо ему в этой жизни маленько подмогнуть. Подсказать. Чтоб не била лишний раз граблями-то. Как с девушками, например, себя вести. Когда от умных бесед переходить к делу. Это самый важный момент, его нельзя упустить. А то девушка теряется, не понимает, чего от неё хотят.

– Ну и как? – спрашивал Антон.

– Что как?

– Как отследить этот момент?

– А психология тебе на что? Наблюдай. Видишь – девушка заскучала, глаза кверху поехали. Ты ей сразу...

– Мадемуазель, позвольте вам впендюрить.

– Хм. Поизящнее можно бы. Но ход мыслей верный.

– А если «позвольте-с»?

– Во. Неси зачётку. Или допустим: она зеваает, мол, поздно, то-сё. Пора спать. А ты...

– Мне тоже, Лена. Давайте спать вместе.

– Молодец. Но почему – Лена?

– Для тренировки.

Самому Виталию нравилась Татьяна Далматова. Однако методов своих он к ней не применял.

Ещё Виталий намекал Антону, что заправлять постель хорошо бы как минимум раз в неделю. И носки менять иногда. Но делал это без осуждения или сарказма, как бы исподволь. Ему очень нравилось это слово – «исподволь». Например, он интересовался:

– Антон, ты уже различаешь свои носки на левый и правый?

Если не помогало, Виталий задумчиво говорил:

– Знаешь, Антон, у нас в казарме был прикол. Бросали портянки вверх – типа чьи не упадут.

– Ты же в армии не служил.

– А, ну да.

Антон почти безропотно сносил эту опеку. Ему было двадцать шесть, а Виталию – сорок. Поначалу Антон не слишком уверенно говорил ему «ты». Он тянулся к Виталию и слегка перед ним робел. А мог бы тоже пошутить. У Виталия жили свои насекомые в голове. Взять, допустим, хлеб, который порой заменял ему нож, салфетку и гарнир. Без хлеба Виталий не ел ничего. Никогда. Но Антон не ожидал, что даже кусок торта он положит на хлеб. Очень странный получился бутерброд.

Только одной своей привычки Антон не уступил. И Виталий сдался. А именно – чтение

ночами, иногда до пяти утра. Попав на факультет, Антон закупил гору литературы в области психологии и сопредельных наук. И осваивал её вместо сна. Это ему, как матёрой «сове», давалось легко. А днём засыпал в местах удобных и не очень: на лекциях, в курилке, под душем... Однажды, будучи в Ленинграде, Антон уснул в музее Пушкина на Мойке 12. По музею водили три экскурсии. Антон спал. И не как-нибудь, а прислонясь к дверному косяку. В чём ощущался подозрительный литературный фарс.

Как-то раз Антон задремал на семинаре у доцента Птициной. Это случилось не впервые. Голос у Птициной такой, каким бабушки читают внукам сказки на ночь. Вдруг Птицина замолчала и уставилась на Антона. И все посмотрели тоже. Виталий толкнул его коленом под столом.

– Ивашов, я вам не мешаю? – громко спросила Птицина.

– Что вы, Елена Ивановна, совсем наоборот, – вяло произнёс Антон и, поняв ошибку, добавил: – Извините, я хотел сказать, что... так лучше усваиваю материал.

– Ну, хорошо. На экзамене мы это проверим.

Вечером начинался его день. Заходили гости, сидели весело, тесно. Болтали о лекциях, тестах, новых книгах, готовились к экзаменам. Руководил занятиями Виталий, обладатель самых подробных конспектов. Дурачились в ролевые игры – здесь по праву лидировал Антон. Дроздов приносил

гитару. Антон и Слава бежали за выпивкой. Алиса изображала девочку-подростка. Татьяна угощала растворимым кофе: «С лимоном! Насыпай, голытьба, от души отрываю».

– Таня, при чём здесь кофе? – протестовал Слава. – Водка ещё не остыла. На-ка, хлопни рюмаху... За недоношенных психологов!

– Слав! Ну, сколько повторять? Нельзя мне – потеряюсь для общества. Погибнет вечер. Ты выпей за меня.

Заглядывал дитя степей Ерлык, способный часами без отдыха рассказывать анекдоты. Даже когда его пытались остановить. Забегала миниатюрная Ольга с волосами цвета грейпфрута. «И Ольга ясная, как знаменье, к себе приковывает взоры», – шутил Антон. Забрехали соседи из 217-го – Прошкурин и Дядьев. Мужчины без затей, несхожие только ростом и волосяным покровом. Дядьев – компактный, шевелюристый – носил отточенную мэфистофельскую бородку. Прошкурин – длинный и лысый – владел на редкость тупой физиономией. Иногда Слава думал: как этот несчастный бреется перед зеркалом? Легко ведь порезаться от смеха. Однажды явился сосед Дроздова по комнате, носитель экзотической фамилии – Базлай. Без ненужных предисловий спросил картофелину, луковицу – и удалился. Согласно Дроздову, он был патологическим жадюгой и занимал этот суповой набор ежедневно, чередуя комнаты. Зимой в общезитии стал всё чаще появляться Шоренко.

Когда Рюрикова затеяла тот разговор, Слава быстро подумал: Шоренко. Спалился, морда. Морда жила в Славинной комнате несколько дней.

– Смирнов, что там происходит в общежитии? – начальница подняла от бумаж злобные глаза сиамской кошки (Слава обожал этот взгляд). – Мне звонили. Говорят, наши там... безобразничают. Гулянки, музыка. Гости живут неделями. Особенно жалуются на Далматову, как её... Татьяна? И на Виталия Говорова. Знаете что-нибудь об этом?

– Нет.

– Нет?

– Даже если б знал... Я бы... не хотел продолжать эту тему, Ольга Павловна.

– Почему?

«Потому что сам участвую в безобразиях», – чуть не ответил Слава.

– Потому что это мои друзья.

– Кто?

– Те, про кого вы сказали. И... ещё другие.

– Странных вы заводите друзей, – Рюрикова поморщилась. – Плюс Шоренко этот ужасный. Запомните, сейчас ваш лучший друг... – она ткнула пальцем в свой медальон, – это я.

Слава кивнул.

– Ладно. Идите уже.

С тех пор бесед о личном между ними не случилось. До того, как Слава, тогда уже кандидат наук, попросил начальницу взять на кафедру Дроздова.

– Уверен, что тебе это надо?

Рюрикова к тому времени перешла с ним на ты.

– Да.

– Смотри. Взять-то можно. Дроздов – хороший специалист. Но человек – гнилой. И ты это знаешь лучше меня. То есть я думала... что лучше. Оказывается – хуже. Убедила?

– Нет.

– Ладно. Пусть несёт документы. Но когда он тебя подставит – а он это сделает рано или поздно, – я помогать не буду.]

10 октября, 1989

10:05

– Там шум какой-то, – сказал Виталий, – может, пойдём?

Коридор почти опустел.

– Молодые люди! Вы из какой группы? – окликнула их женщина в завитушках с круглыми глазами.

– Из первой, – беспечно отозвался Слава.

– Проходите на тестирование. Вот сюда.

Абитуриентов рассадили поодиночке. Каждому досталась стопка размыто откопированных заданий. Славе они показались весьма дурацкими. Например, истории в картинках с тремя более-менее подходящими вариантами финала. Интуицию проверяют, – решил он, – или чувство юмора. И пометил финалы наобум. В следующем тесте из четырёх изображений полагалось вычеркнуть

одно лишнее. Особенно забавной Слава нашёл компанию тигра, лося, зебры и милицейского жезла. Усмехнувшись, он вычеркнул зебру.

Закончил, вышел в коридор. Удивительно – он был не первым. Лохматый парень из туалета, узнаваемый со спины, читал прошлогоднее расписание занятий.

– Быстро ты, – обронил Слава.

Парень оглянулся. Глаза его, в тон чёрному прикиду, состояли из одних зрачков.

– Что?

– Ну, тестирование...

– Херня.

И снова уставился в расписание.

Понурым лицом и осанкой он напоминал брошенную собаку. Выпил, наверное, крепко вчера, – догадался Слава, – прижало бедолагу.

[Фамилию бедолаги преподаватели и студенты запомнят через месяц. Как иначе, если на переключке за ней то и дело виснет тишина? Тем более что фамилия в конце списка. Шоренко.

Появляясь на факультете, Шоренко сторонился компаний. Антон и Слава изумились, когда он внезапно обратился к ним в курилке:

– Пацаны. Я живу один. На Павелецкой... ведомственная гостиница. Свой номер, телевизор... Короче, достало одному. Поедем ко мне, оттянемся. Есть шампанское, бутылок восемь. Можно водки присовокупить. Магазин рядом.

Первое впечатление от гостиницы – Шоренко стало жалко. Несмотря на видак, телевизор и персональный душ. Андрей (так звали Шоренко) казался совсем одиноким в большом полупустом здании. Ощущение усиливалось с каждой минутой. Пили шампанское. Включили тягучий гангстерский фильм с болезненно скучным Де Ниро. Много говорили, особенно намолчавшийся Шоренко. О факультете, преподавателях, тестах, концепциях личности. О Фрейте, «главном шарлатане двадцатого века». О серийных убийцах, которых надо «не расстреливать, а изучать под микроскопом». Постулаты Шоренко звучали как минимум спорно. Слава не возражал. Ему нравилась речь Андрея, цветная и пластичная, словно бензиновые кляксы на воде.

– Откуда у тебя эти хоромы? – спросил Антон.

– Отец устроил. Вы заезжайте в любое время. Можно ночевать, диван раскладной. Только звякните на вахту – убедитесь, что я дома. Вот телефон.

Шоренко заинтриговал Славу. Они стали часто выпивать и беседовать. Иногда после долгих бесед валялись утром с квадратными головами. И снова дискутировали. Шоренко настаивал на пропуске занятий и срочной опохмелке. Слава, напротив, убеждал посетить лекции и затем опохмелиться с чистой совестью. Крепнущая дружба не осталась без внимания.

– Смирнов, – объявила как-то Рюрикова, – передайте Шоренко: если завалит практику – отчислю, к чёртовой матери.

– Где ж я его найду, Ольга Павловна?

– Вам лучше знать. Он же ваш друг.

Во время практики в детдоме Шоренко исчез. Улетел в Тюмень по каким-то делам. Откуда привёз документ с важными росчерками, свидетельствующий об успешной практике по месту жительства.

К зиме обычный прикид Шоренко – всякий чёрный свитер, аналогичные джинсы (иногда треники) и кроссовки – разнообразился. Появилось кожаное пальто – в белёсых затёртостях и трещинах, будто из шкафа бабушки-чекиста. Как-то раз Слава не выдержал.

– Андрей, давно хотел спросить. Что ты ходишь, как босяк? Деньги вроде есть, и старики у тебя не последние...

– Какой смысл? – задумчиво произнёс Шоренко. – Один хрен все сдохнем.

– Не вижу связи.

– Элементарная математика: если взять за условие тот факт, что все мы скоро помрём, то цена спокойствия о том, какой лейбл у тебя на жопе, измеряется в отрицательных величинах.

– Не согласен. И потом, что значит скоро? Я, вообще-то, могу подождать.

– А тебя, вообще-то, не спросят. Кроме того, время – это фикция. Ещё большая, чем всё остальное. Хотя это объяснять не надо?

– Не надо. И всё-таки – твоя версия?

– Ну, хорошо. Прошлого нет, потому что оно

прошло. Будущего нет, потому что оно не настало. И вопрос, настанет ли. А настоящее – совсем уже хитрый предмет. Вроде бы есть, а потом сразу нет. Значит, объективно времени не существует. Так? Так. Оно, – Шоренко постучал себя по лбу, – исключительно между ушей. Разное. Это метафизика, сынок. Один может за день прожить целую жизнь. Набитую доблестями, подвигами и славой. Я не о тебе...

– Да куда нам.

– А другой пердит лет шестьдесят. Оглянётся, а вспомнить – и получаса много.

Рассуждения Шоренко оказались не чистой теорией. Как-то вечером Слава нашёл в его комнате одинокую шатенку модельно-глянцевого типа. Проверил цифру на двери. Та.

– А... где Андрей?

– Ты Слава? – произнесла модель. Слава едва не поразился, что она умеет говорить.

– Возможно. А вы кто?

– Я – Маша, его жена. Идём.

Слава знал, что Шоренко женат, но чтобы такое... Маша постучала в одну из дверей.

– Андрей, Слава приехал.

Выглянула лохматая физиономия Шоренко с дикими глазами.

– Машк, зайди. А ты постой, Слав, я мигом.

В полутьме комнаты двигались тени. Едко повеяло горелым ацетоном. Друзья вернулись в номер Шоренко. Слава не вчера родился и всё-таки спросил:

– Что там за дела, Андрей?

– Жена с друзьями приехала, – обыденно сказал Шоренко, – наркоту варим.

В комнате был накрыт стол. Две бутылки вина, закуски, конфеты.

– Ты садись, наливай, – продолжал Андрей. – Да садись, что ты как неродной!

Слава уселся на диван.

– Что это у них? Рубин. Не твоя песня. Сходи за водкой, я угощаю.

Андрей полез в карман.

– Так я привёз.

– Ну и ладушки. Значит, короче, сиди здесь, расслабляйся. Мы сейчас вмажемся и придём. И всё будет ништяк.

– А мне кольнёте? Давно любопытно.

– Слав... – Шоренко уселся рядом. Обнял Славу за плечи. В руке его ощущалось напряжение. – Слав, не проси меня. Мне не жалко, правда. Ты меня знаешь. Я тебе последний свитер отдам...

– Вот это как раз не надо.

– Надо. Погоди, о чём я? Да. У нас правило такое – друзей на это говно не сажать. Понимаешь? Нельзя. Свои же ребята в морду плюнут. Хотя не в ребятах дело...

– Да ладно, проехали. А жену-то посадил.

– Я? Её?? Ха-ха. Это она меня посадила. И друзьями мы тогда не были.

– А кем были?

– Никем. Трахались, как зайцы.

Слава включил телевизор, убавил звук. По экрану метались хоккеисты. Налил, выпил, закусил конфетой. Уйти, что ли? – подумалось. Вернулись Шоренко с женой и тремя незнакомыми парнями. Все счастливые до упора. В комнате стало шумно и тесно. Незнакомцы добавили матчу громкости и, перебивая комментатора, заговорили вчетвером. Маша, пригубив вино, курила золотой Chesterfield. Слава охотно угостился. Шоренко подливал ему водки, убеждая догонять компанию. Говорил Андрей безостановочно и нёс совершенную чепуху. Например, в числе прочего он сказал:

– Предлагаю соавторство. Тсс, больше никому. Изобретаем тест, который будет мерить всё! Это но-белевка, Слав!

– Что – всё?

– Всё. Весь человек – как на ладони. Я генерирую идеи, ты занимаешься деталями.

– Опоздали лет на двадцать. Этот тест есть уже.

– Ты про Кетелла? Нет, скажи, какой чудак все-рьёз ответит на двести вопросов? Наш тест будет коротким. Максимум вопросов тридцать. Зато какие!

– Какие?

– Э-э-э, погоди. Сначала выпить за конкорденс. В смысле консенсус. Только себе, брат: мне и так хорошо...

Вскоре Славе надоело, и он ушёл по-английски. Уйди он по-русски – эффект остался бы тем же.

– А я слышал, нарики не пьют, – сказал он Шоренко через пару дней.

– Меньше слушай. Пьют и требуют ещё. Даже системщики, не такие, как я. Но я знаю, откуда эта байка.

– Откуда?

– Когда есть алкоголь и доза, нарк выбирает дозу. Без вариантов.

– Почему?

– Кайф сильнее намного. А ещё... интеллектуальнее, что ли. От водки кайф сви́нский. Без обид.

– Ну, опиши, что ты чувствуешь?

– Я чувствую... Это сложно. Я чувствую, будто долго жил связанный. Или в смирительной рубашке. Мысли тоже были связанные. Вдруг эту рубашку снимают, и ты взлетаешь. Ты двигаешься и мыслишь вдвое быстрее. В голове нечеловеческая свобода и ясность. Будто ты наконец всё понял...

– Что понял?

– Всё. Жизнь. Себя. Людей. Ты – фокус мировой гармонии. Такая... алмазная ясность в голове. Вроде полярного сияния. Поток мощнейших идей.

– Так запиши.

– Пробовал, Слав. Много раз. Потом читаешь и... Короче, одна досада.]

10 октября, 1989

11:00

Измеренные тестами соискатели вновь заполнили коридор. Из деканата вышли пятеро. Впереди – коренастый, лысый. Главный. Слегка похож на орангутанга после тщательной эпиляции и облачения

в двубортный костюм. Вся свита оказывала ему знаки внимания и уважения, и выход его получился очень торжественным. Как Понтий Пилат! – цитатно подумалось Славе.

– Запрудин, – шепнули сзади.

Запрудину что-то говорила дама с недовольным лицом. Пегие волосы забраны в хвост чёрной бархатной лентой. Блеск каратов там и сям. Начальник чуть заметно кивал. Одетая в светлую кружевную блузку и чёрный костюм, дама напомнила Славе актрису Терехову в фильме «Собака на сене». Кто мало видел, много плачет. Теряют больше иногда.

– А с ним кто? – спросил вполголоса.

– Рюрикова. Декан.

– Здравствуйте, Ольга Павловна! – раздалось из толпы.

Рюрикова цепанула взглядом. Глаза цвета тёртых джинс. И сразу досадливо отвернулась. Шедших далее Слава не заметил. Я хочу быть с ней рядом. Я хочу её узнать...

На собеседование вызывали по алфавиту. Быстро выяснилось: просят рассказать о себе. И ещё – зачем нужен спецфакультет. На человека уходит минут пять.

– Проходите, Вячеслав Николаевич. Присаживайтесь.

Слава пересёк зал. Уселся напротив комиссии.

– На представление терять времени не будем, пожалуй... – веским, монотонным голосом начал Запрудин.

– Нет, – ответил Слава. – То есть да.

– Ну, хорошо. Меня вы, полагаю, знаете. Это профессор Рюрикова, декан. Преподаватели факультета: доценты Лодочкин, Усатова и Птицина. Расскажите нам, пожалуйста, о себе. Откуда вы, где учились, чем занимались.

Если дядя Гера им звонил, – думал Слава, рассказывая, – то вся эта бодяга – мимо денег. А если нет...

– Зачем вам спецфакультет? – перебил Запрудин. – Что вы ждёте от этого образования?

– Понимаете, – Слава заволновался, хотя готовил эту речь, – есть масса несчастных людей. Они нуждаются в помощи. Я хотел бы им помочь. Допустим, есть люди, несчастные в браке. Есть которые ненавидят свою работу. Но одно дело, когда это сторож или, там, я не знаю, мясник. Он один страдает, так? А если свою работу ненавидит учитель? Или дантист? – Слава чувствовал, что его заносит. И страдающий мясник прозвучал как-то лево. – Я однажды попал к такому садисту. В смысле дантисту...

– Минуточку, – остановила его Рюрикова, – вы нам сейчас о ком рассказываете?

– О себе, конечно. О ком же ещё? Это был кошмар. Я ему кричу: больно! А он: Слава, будь мужчиной. И щипцами хрясь...

– Тут написано, вы работали в школе, – деканша заглянула в бумаги, – три года. А почему ушли? Что не понравилось?

– Всё понравилось, – соврал бывший учитель.
– Просто... У меня на уроках дисциплина, как это говорится... хромала слегка.

– Почему?

– Там место было специфическое. Рядом спирт-завод, колония. Ну и контингент, естественно, сплошные подо... я хотел сказать – подростки. Трудные.

Тут Рюрикова впервые посмотрела на Славу иначе. Что-то вроде предулыбки смягчило её лицо. Это был не женский интерес, увы, просто хорошее настроение. Редкое состояние для Ольги Павловны. Что Славе вскоре предстояло узнать.

[Ольгу Павловну Рюрикову мало кто любил. В основном боялись или терпели. Бедное провинциальное детство, комплексы, скверный характер. Эффектная внешность и карьера. Неразборчивость в средствах, аморальность, цинизм. Кроме того, Ольга Павловна была наблюдательна и людей читала, как букварь. Ей понадобилось меньше двух лекций, чтобы заметить взгляд тощего юноши со второго ряда. Быстров, кажется. Он ещё пытался шутить на собеседовании. Взгляд отражал чистейший, бескорыстный интерес. Любопытство на грани восхищения. Так разглядывают экзотический цветок или породистую кошку.

Шли недели. Вячеслав Смирнов задавал на лекциях удобные вопросы. На семинарах имел надёжные ответы. Интерес в его глазах не увядал,

даже когда вся аудитория зевала. А это случалось часто, ибо лекции Ольги Павловны сильно напоминали учебник общей психологии под редакцией Б.Г. Ананьева. Временами она туда подглядывала, иногда решительно читала. Ольга Павловна не сомневалась, что Смирнов вскоре что-нибудь попросит. Интуиция её не подвела.

Перед Новым годом она сделала иногородним студентам бяку. Назначила свой – последний – экзамен двадцать восьмого декабря. Неделей позже остальной сессии.

– Но почему? Зачем так поздно?! – возроптали студенты.

– Чтобы вы как следует подготовились. Гонять буду жёстко. Вы меня знаете.

– А досрочно можно сдавать? – поинтересовался Виталий Говоров.

– Рискните.

Рискнул не Виталий, а Слава. И не потому, что рвался домой. Славе нужен был размашистый жест, чтобы Рюрикова оценила его амбиции.

– Смирнов, время я найду. Но вы учтите: досрочников я спрашиваю не по билету. А по всему курсу. Устраивает?

– Да.

– Тогда завтра к десяти утра.

Рядом с телефоном-автоматом курил Шоренко. Слава жил без постоянного соседа. К нему подсаживали командировочных. А когда не подсаживали, в его комнате зависал Андрей.

- Я еду с тобой, – объявил Шоренко.
 - Куда?
 - К Рюриковой. Сдавать досрочно.
 - Это суицид. Она тебя завалит.
 - Не завалит. Я общую психологию знаю лучше неё. Я лекции читал вечерникам.
 - Как можно читать лекции без диплома?
 - Можно. Если папа и ректор – школьные друзья.
 - Тогда надо позвонить и сказать, что...
 - Нет. Поставим её перед фактом.
- Вот чёрт, навязался, морда, – досадовал Слава, – а что сделаешь?

Увидев Шоренко, Ольга Павловна секунды три молчала. Наконец выговорила:

- Шоренко, а вам здесь чего?
- Я тоже сдавать досрочно. Можно?
- Нельзя, – Рюрикова передвинула взгляд на Славу. – Смирнов, что за фокусы?
- Смирнов ни при чём, Ольга Павловна, – быстро вставил Шоренко, – я случайно узнал и...
- Послушайте, Шоренко. Вас, по-честному, и к сессии допустили зря. И хватает же наглости... Вы, вообще, знаете, кто у меня первый кандидат на отчисление?

– Догадываюсь. Но это всех устроит. Если я отвечаю на двойку, вы мне её ставите. Сейчас. Зачем тянуть до пятницы? И больше меня не видите.

Получив законное «отлично», Слава ждал на улице. Выкурил две сигареты. Наконец появился Шоренко с торжествующей ухмылкой на лице.

–Тройка, Славик! Трочка. Значит, учимся дальше. А Рюрикова меня удивила. Оказалась меньшей скотиной, чем я думал.

Последняя встреча Славы и Андрея вышла какая-то недоделанная. «Смирнову. Я в Москве. Буду немедленно. Готовь закуску. Шоренко», – прочёл Слава. И дальше номер телефона. В холле аспирантского общежития тянуло зимой. Вахтёрша согревалась пуховиком и чаем.

– Можно позвонить?

– Только недолго.

– Здорово, кабан!! – заорала трубка голосом Шоренко. Слава чуть отодвинулся. – Короче, я выезжаю в десять. Чтобы продмаги открылись наверняка. У тебя буду в одиннадцать. Есть повод оцетиниться по-взрослому!

– Привет, морда. Чего не предупредил? Я бы тебя встретил. Я о тебе, кстати, думал вчера.

– Это и было моё телепатическое предупреждение. Ладно, сейчас я тебя допрошу с пристрастием. И ты мне всё расскажешь.

– Андрей... – Славе очень не хотелось проносить этого. – Я сейчас не могу. Читаем с Рюриковой лекцию в Зеленограде. Прикинь, в местном УВД.

– Слав, блин, ну, отмени, к чертям, лекцию! Перенеси. Или пусть сама читает.

– Да я читаю! Я! А она так, хвостом помахать перед местным начальством.

– Слушай, я в Лондон улетаю ночью. К брату. И сильно постараюсь оттуда не вернуться. (У Шоренко в Англии жил старший брат. Занимался чем-то нелегальным, конкретики Андрей избегал. На вопрос «Кто он по жизни?» коротко ответил: «Бандит».)

– В Лондон??

– А я тебе о чём?! Образовался тут удачный вариант. Короче, звони Рюриковой и говори, что заболел. Может ведь человек заболеть.

– Не может! Она таких вещей не понимает, Андрей. Ты мне хочешь карьеру сломать?!

– Ладно, скотина, – вздохнул Шоренко, – когда ты вернёшься?

– Около двух. Дождись обязательно.

Слава приехал в четыре. Дроздов читал в кровати.

– Где Шоренко?

– Пьют у Астахова.

Из комнаты соседа доносилась разухабистая музыка и такие же голоса. К этому фону окружающие давно привыкли. Саша Астахов, аспирант-философ, регулярно выпивал и дискутировал. Интеллектуальный уровень собеседников, а также их наличие значения не имели. Наутро Астахов по долгу рассуждал о том, как страшно жить. Выговаривал эту фразу, акцентируя поочерёдно каждое слово. Пока ему не давали опохмелиться.

Стало ясно, как Шоренко оказался у Астахова. Узнав, что Славы дома нет, Андрей постучал в

ближайшую комнату. Открыл сосед, дальше понятно. Иначе говоря, Шоренко не выносил Дроздова настолько, что предпочёл бывшему сокурснику общество кого угодно. Впрочем, они с Астаховым мигом поладили. А у Вадима и без Шоренко настроение в тот день было глубже подвала. Он потерял любимую девушку. Но что хуже – ещё более любимые деньги.

Гуляли в парке Сокольники. Вадим, как типичный пижон, нёс Алисину сумочку. И забыл её где-то на лавке. Хватились почти сразу, метнулись назад. Сумочке уже приделали ноги. А там паспорт, деньги и билет на Владивосток. Пришлось идти в милицию, затем разбираться в аэропорту. Прощались холодно и, как оба знали, навсегда. Мало того, Вадим, компенсировав ущерб, серьёзно потратился.

Слава приоткрыл дверь. Вдохнул смесь алкогольных и табачных паров. Узнал возбуждённый голос Шоренко.

– Человек, Сань, это пауза между стимулом и реакцией. А что она такое – эта пауза? Ответ своей умной головой.

Слава вошёл.

– А-а! – воскликнул Шоренко. – Вот она – эта пауза – в морде лица! Которая затянулась на два часа. Ну... иди сюда, кабан.

Обнялись. Шоренко под свитером был очень худой. Славу вдруг охватило нехорошее чувство. Что он вряд ли увидит Андрея когда-нибудь ещё.

– Что, прочёл свою лекцию? – Шоренко взял Славу за уши и потряс. – Ты прикинь, Сашок, он променял друга на какую-то блядскую лекцию!

– Да ты рассказывал... – Астахов вяло махнул рукой. – Привет, Слав.

Сашок уже прилично размяк. Шоренко, напротив, был весел, пружинист и резок. Не иначе ширнулся потихоньку или нюхнул чего-нибудь.

– Штрафничок опоздавшему! – потребовал он. – Давай-давай, полнее. Накатим, пацаны, за мою счастливую дорожку. У нас сегодня большие запасы и великий оттяг.

И великий оттяг состоялся. Общага чувствует, где наливают и закусывают. Потянулись знакомые, малознакомые и вовсе незнакомые любители халавы. Завязался сложный философский диспут с матерным переходом на личности. Затем компанию украсили две Ларисы с шестнадцатого этажа, аспирантки физмата. Похожие более на элитных шлюх, хотя кто сказал, что это вещи несовместные? В поисках Ларис зашёл и остался негр Патрик. Заглянул угрюмый Дроздов, якобы веселье мешает ему спать. Однако, будучи наделён рюмахой, с удовольствием выпил. А после четвёртой сходил за гитарой. Как сладко пелось нетрезвым хором. Не вее-ерь разлукам, старина-а, их круг... беззлобный дворник, дядя Костя, алкоголик!

Около двенадцати возник незнакомец в заснеженном пальто.

– Андрей, пора. Такси ждёт.

Шоренко натянул богатую дублёнку (видимо, забыл, что скоро все помрём). Стал искать шапку – исчезла. Гости толпой кинулись на помощь. Комнату Астахова взьерошили и сравняли с землёй.

– Новая, блядь, ондатровая шапка! Отец подарил, – сокрушался Шоренко. – Я знаю, это Дроздов, сука. Надо обыскать вашу комнату!

– Зачем ему твоя шапка? – удивился Слава. – У него своя есть.

– Моя лучше. Или нарочно спрятал, чтобы мне подгадить. Как ты можешь жить с этим подонком? Пошли!

– Да он спит уже.

– Ничего, мы потихоньку.

– Что опять такое, Слав?.. – застонал Дроздов. – Что не угомонитесь никак?

– Ничего, спи. Андрей шапку потерял.

– Он без шапки пришёл, – буркнул Вадим, накрываясь одеялом с головой.

– Точно?

– Да в шапке я был!

– Андрей, забей на шапку, у тебя самолёт!

– Андрюха, я тебе как брату... – твердил Саша Астахов. – Найду. Выверну общагу наизнанку. Завтра же найду и вышлю курьерской почтой.

– Да ладно, хрен с ней, – поморщился Шоренко. – Слава, а ты куда оделся?

– С вами. В аэропорт.

– Нет. Ты не едешь. Как ты ночью доберёшься назад? Проводи нас до машины – и всё.

На крыльце снова обнялись. Шёл плотный снег.

– Андрей, если у тебя срastётся, ты же вытацишь меня отсюда?

– Не вопрос. Буду жив – вытаци.

– Потому что... Если забудешь, я ведь тебя когда-нибудь найду.

– Чтобы плюнуть в морду?

– Обязательно.

– А как же карьера? Аспирантура?

– Как Бог даст.

Если бы троечнику филфака Смирнову нагадали бы второй диплом с отличием, а затем аспирантуру, Слава не то что усомнился бы. Он бы вообще не понял, о чём речь. Он, конечно, знал такое слово «аспирантура». Но о смысле его как-то не задумывался. Особенно применительно к себе. Спецфакультет это изменил.

На одной из первых лекций Рюрикава сердито заметила:

– Тут я услышала, как наш факультет назвали девятимесячными курсами. Курсами! От наших же студентов услышала. Запомните – это вам не курсы! Это – полноценное высшее образование. С интенсивным изучением профильных дисциплин. Этот диплом обеспечит вам право на любую работу в контексте новой специальности. И даже на поступление в аспирантуру.

Слава запомнил. В таинственном слове «аспирантура» мигали заманчивые перспективы. Задержаться в столице ещё года на... А там... Плюс общение с интересными людьми. С влиятельными людьми. Диссертация, научная карьера. Кафедра. Престиж. Спокойно, – остановил трезвый голос, – не верь ей. Это не для тебя. Ты – ноль из мухосранска. Ноль. И шансы твои нулевые. Никакой дядя Гера здесь не поможет. Согласен, забудем об этом на время. Для начала – просто хорошо учиться. Не хорошо, а отлично. Лучше всех. Красный диплом и ни баллом меньше. Затем: стать любимчиком Рюриковой... Невозможно. Она любит только себя. Полюбит. Больше личной преданности в глазах. Кроме того, она тебе нравится. Неужели? Нравится, нравится – это облегчает задачу. Только без перебора. И диплом писать у неё. Почему не у Запрудина? Потому. Его карьера сделана на много лет вперёд. А у Рюриковой большие планы, ей нужны свои люди. Выращенные, обязанные ей. За таких она будет грызться.

К весне Славу открыто называли фаворитом Ольги Павловны. Он уверенно шёл на красный диплом. И всё-таки сомневался насчёт аспирантуры. По слухам, конкурс предстоял жестокий – тринадцать человек на место. И не каких попало человек. С мозгами и поддержкой. Иначе не совались бы. Хотя чего он теряет? Только время. На работе воспримут кисло, да...

Окончательно Славу убедил Антон Ивашов. В конце мая они шли по Крымскому мосту. В театр или кино. Москва на закате розовела, будто пряник.

– Эх, неохота уезжать отсюда... – вздохнул Слава.

– Тебе-то чего вздыхать? – удивился Антон. – Ты что, в аспирантуру не подал ещё?

– Не. Шансы никакие. Пустая суета.

– Ну ты даёшь! У тебя лучшие шансы в мире! Красный диплом, Рюрикова...

– И что Рюрикова? Оно ей сильно надо?

– Ещё как. Подумай. Это её факультет, эксперимент, первый год. Скептики есть, я уверен. Результаты успеха нужны до зарезу. И вот с этого факультета её – заметь – дипломник поступает в аспирантуру. Да она за такой результат всех порвёт.

– А кто-нибудь с факультета подаёт?

– Пока один Дроздов.

– Дроздов?

– Ты разве не знал?

– Нет. И кто руководитель?

– Запрудин, естественно.

Ах так, – подумал Слава, – Дроздов. Опять Дроздов. Ну ладно, сука, поборемся.

Назавтра он подал заявление в аспирантуру.]

10 октября, 1989

12:38

Разговоры стихли. Ожидание придавило соискателей. Наконец с листком в руке вышла доцент

Усатова. Острым безжизненным профилем доцент напоминала сушёную рыбу.

– Внимание, – сказала доцент, – те, кого я сейчас назову, зачислены на спецфакультет. Иногородные могут ехать и оформляться в общежитие по адресу метро Спортивная, Усачёва, 62. Завтра в девять – на лекции. Расписание вывесим. Зачитываю.

Пошли имена, фамилии, отчества. Слава особо не вслушивался. Читали вроде бы по алфавиту. Ааев блабла блаблаевич, вававава ...ина оовна, дооова ...яна ииевна... И вдруг. Сафронова Наталья Алексеевна, Ткачёв Сергей Владимирович...

Эй! Подождите! – закричал кто-то в голове у Славы. – Какая Сафронова? При чём тут Сергей Владимирович? А где я?! Он представил, как едет в метро на Казанский вокзал. Выстаивает очередь за билетом. Затем тащится в рюмочную. Нет, сначала рюмочная, а потом очередь... Не позвонил дядя Гера, сволочь.

– ...и Смирнов Вячеслав Николаевич. Поздравляю, – Усатова опустила лист. – У кого есть вопросы, обращайтесь в деканат.

Слава вышел на улицу, закурил. Над головой легонько хрустнуло, будто сломалась ветка. Пространство чуть сдвинулось и встало на место. Началась вторая из трёх его жизней. Самая лучшая.

Зоомагазин

Когда-то я работал в центре города, недалеко от большого зоомагазина, и привык ходить туда в обеденный перерыв – смотреть на зверей. Я люблю зверей, особенно некрупных и меховых: кошек, собачек, зайцев. Морских свинок – не очень. Их пронырливый облик как-то настораживает.

Вскоре со мной начали здороваться продавцы. Затем – клерки из соседних контор, подобные мне любители халявной фауны. Хозяева магазина отличались гуманизмом, то есть качеством, непременным для этого бизнеса. Звери жили в чистых, просторных вольерах, оснащённых всем необходимым для фитнеса, отдыха и развлечений. По магазину свободно перемещалась чета упитанных лопухих зайцев. Иногда, если вблизи не было детей, они разрешали себя потрогать. В центральной витрине неизменно дрых полосатый котёнок размером с хорошую собаку. Когда он потягивался или зевал, движение прохожих на улице сбивалось с ритма.

Однажды в магазине появились два белых ангорских кролика. Трогательные, бестелесные создания, гении чистой красоты. Их длинный, тонкий мех светился изнутри. Они были похожи на ангелов. А ещё – на маленьких овечек. Надо сказать, что история эта происходила в Новой Зеландии, где на десять миллионов человек приходится сорок миллионов овец и баранов. От долгих лет такого дисбаланса многие живые существа в этой стране, включая людей, стали малость напоминать баранов. Задумчивость какая-то утвердилась на лицах. Как съязвил Михаил Веллер, «одни бараны пасут других». Со временем даже в своей физиономии я начал замечать подозрительные изменения.

Нет, зря я смеюсь над Зеландией. Всё-таки она дала нам вид на жительство и пособие. На него мы худо-бедно питались и снимали комнату в общежитии Армии Спасения. Соседи, правда, были те ещё. Помню, на первый велфер купили мы свежей рыбы. Положили в коммунальный холодильник. Через полчаса вернулись – рыбы нет. И на кухне её никто не готовил. Либо в комнате зажарили, либо так сожрали, гады. Тогда же мне пришлось на время бросить вредные привычки, что стало главным стимулом в поисках работы.

Нас почти сразу определили на курсы английского языка. Где я с удивлением обнаружил, что половина слов, выученных на инязе, произносится не так. А вторая не употребляется вовсе. Утром мы

подолгу бегали трусцой, заодно исследуя окрестности. Многие встречные улыбались нам. Некоторые говорили «morning». Для меня это не было культурным шоком. До Зеландии я около года жил в Мюнхене. Раз толкнул кого-то неслабо в метро, а он говорит «entshuldigung»...

В частных двориках за низкими оградами сидели кошки. Кошки тоже улыбались, но отзывались только на «пус» и никогда на «кис». Даже они знали английский лучше нас. В Зеландии я впервые увидел добродушного, общительного бультерьера. Мы с женой гуляли вдоль океана. Вдруг – бежит навстречу опасная собака с палочкой в зубах. Кладёт её у наших ног и отступает на шаг, виляя тем местом, где должен быть хвост. Мы замерли. Тогда псина двинула трофей чуть ближе и глянула вверх – озадаченно. Наконец жена взяла палочку и бросила в сторону океана. Счастливый бультерьер устремился за ней, забавно подпрыгивая на кривых ногах. «Ты заметил, что он смотрел на нас, как на идиотов?» – спросила жена... В довершение позитива, новое гражданство дало нам возможность узнать, что такое «к одним паспортам – улыбка у рта». Кстати, эта фраза всегда казалась мне косноязычной. Но – вернёмся к нашим баранам. То есть к ангорским кроликам.

В магазине они стали звёздами первой величины. Рядом с их вольером постоянно толпился народ. Ангорцы держались спокойно и равнодушно,

как настоящие знаменитости. Их долго не покупали. Сто двадцать баксов за пару (а продавались они только вместе) было вдвое дороже обычной кроличьей цены. Но мне казалось, что дело не только в цене. Думаю, людей смущала мысль, что вот эти ангельские создания можно пошло купить, как двойной чизбургер или банку пива. Через некоторое время цену понизили до сотни, затем до восьмидесяти долларов. Меня это, помню, расстроило. Я бы сам их купил, но жили мы тогда... Впрочем, не в этом дело. Вскоре цена упала до шестидесяти баксов. Одновременно ангорцев перестали чесать.

В считанные дни элитные красавцы превратились в бомжей. Их длинный мех свалился и висел пыльными клоچьями. Местами сквозь него просвечивало беззащитное розовое тельце. Даже выражение лиц у несчастных изменилось. Посетители вмиг утратили к ним интерес, обычное дело... Я стоял у вольера один. Затем кто-то подошёл. Не оглядываясь, я понял, что это моя жена. Она работала в университете, на холме, но иногда спускалась в центр по делам, и тогда мы встречались в зоомагазине. Тут важно сказать, что жена моя любит зверей ещё больше, чем я. И уж точно больше, чем людей. «Боже, какой ужас! – прошептала она. – Как ты можешь на это смотреть?!» С этими словами жена решительно направилась к двери с табличкой «Для персонала». Я не пошёл за ней и останавливать не стал – в таком состоянии её лучше не трогать.

Кроме того, я знал, что ничего плохого жене не грозит. В Зеландии панически боятся скандалов. Лозунг «клиент всегда прав» для местного сервиса не формальность. Правда, клише здесь слегка другое – «customer focus», что означает фокус на клиенте. Обвинение в нехватке этого фокуса огорчает продавцов больше, чем ревизия. Сообразив, как легко зеландцы ведутся на подобную демагогию, я стал нагло требовать скидок, льгот и дополнительных услуг там, где их не полагалось. И почти всегда успешно... Ну вот, что я говорил? Жена уже возвращалась, конвоируя длинного, тощего парня в униформе. Он нёс контейнер с инвентарём. А на следующий день ангорцы исчезли. Нам сказали, что их купили. Надеюсь, им достались хорошие люди.

Ещё в этом магазине был вот какой случай. Привезли новых котят. Мы – сразу к ним (жена опять была со мной). Видим – пять или шесть котят задорно гоняются за своими и чужими хвостами. А один скомкался, как тряпица, в дальнем углу. Ему явно нездоровилось. Полосатая шерстка всклокочена, под глазами засохли слёзы. Иногда бедняга мяукал, но беззвучно – не слышно из-за толстого стекла. И эта беззвучность добивала окончательно. Тут один из игравших котят выдрался из кучималы, подскочил к нему, напрыгнул... и – моментально всё понял. Дальше – самое удивительное. Он не убежал, нет, а прилёг рядом и тщательно вылизал больному заплаканные глаза. А когда тот

шевельнулся, приобнял его лапой: «Спокойно, братец. Я с тобой».

Неподалёку прибирался служитель, тот самый. «Извините, – обратился я к нему, – но один из ваших котят серьёзно болен. Вон тот, в углу. Вы его лечите как-нибудь?» «Не беспокойтесь, сэр, – ответил парень, – всё под контролем. Сегодня доставим к ветеринару. Через пару дней будет как новый».

И правда, котёнок скоро выздоровел. Носился по вольеру кусачей меховой пулей, словно компенсировал упущенное за время болезни. Вдруг он увидел нас с женой. Замер. Подошёл ближе к стеклу. Сделал жалкое, болезненное лицо и мякнул – как тогда. В следующий миг он снова ринулся в драку. Мы попытались осмыслить, что произошло. Неужели котёнок нас узнал? И вспомнил, как мы смотрели на него позавчера, когда ему было худо? Ну да – ведь он *показал* нам это.

Кажется, в этот момент я впервые задумался о том, что мне давно твердит жена. Что все мы одинаковые. Что случайные различия, которые упорно выпячиваются, исследуются – ерунда перед этим глобальным сходством. «Общая душа» называл его Бунин. А может, и не Бунин – не суть. Главное, додумать эту мысль до конца...

(Я вспомнил, как в нашем аквариуме умирала рыба. Мы лечили её, как могли, ничего не помогало. И другая, здоровая рыба часами лежала рядом с больной на дне. Зачем она это делала, кто мне

объяснит? А ведь я полжизни считал их безмозглым ингредиентом для заливного.)

...Значит, мы отличаемся только снаружи, и то несильно, как бутылки разных форм. А внутри мы – взаимозаменяемая... (забыл, забыл одно умное слово – а! вот оно) взаимозаменяемая инкарнация... Понять бы ещё – чего. То есть вот этот, например, котёнок легко мог бы оказаться... немолодым эмигрантом без особых перспектив. Приехавшим в маленькую, непонятную страну на краю земли из гораздо большей, но такой же чужой и холодной. А я – лежать больным... нет, избитым и ограбленным ментами. На лавке, на автобусной остановке у метро «Сокол». Под вечер, под обрывки разговоров беззаботных, смеющихся людей, сколько их прошло?.. Но кто-то остановился и сказал: «Вставай, брат, держись за меня. Я провожу тебя домой». И довёл до самой квартиры. Не спросив моего имени, не назвав своего... Уж не ты ли это был, Господи? Как и кому я отдам этот долг? Ещё легче представить себя живым товаром, на который всё снижают да снижают цену. А если и купят, то намного дешевле, чем ты стоишь. И от этого унижения так логично околеть, если бы не тёплое существо рядом, к которому можно прижаться. И переждать – до лучших времён.

Самый счастливый момент в жизни

Я – человек тщеславный, более того – склонный к дешёвым эффектам. Что в мои годы выглядит как бикини на толстой попе. Долгая борьба с этим атавизмом когда-то закончилась победой. К тому времени я досыта налюбовался своей фамилией в печатных изданиях нескольких стран. Мне случалось выпивать в интимной компании трёх проректоров. У меня дом в спокойном районе, новая машина, красавица жена... Ещё бы кошку завести, но это другая тема. В общем, забота о пушистости хвоста, казалось, навсегда оставила меня в покое. Если бы не пагубное увлечение сестратурой. Угодил, как в бабушкин сарай: темно, и грабли наготове.

Видимо, тщеславие – болезнь неизлечимая. Моему начальнику шестьдесят четыре года. Внушительный список его регалий засоряет десятки статей и книг. Его от этого списка должно тошнить. Но

вот он издаёт очередную книгу. И вызывает меня – одарить (я там помогал кое в чём).

– Обрати внимание, – говорит, – какая шикарная полиграфия, а рецензии! Вот, прочти-ка...

Читаю. Делаю серьёзное лицо.

– М-м-м, Джеф, рецензии хороши. Особенно вот это: «выдающийся учёный современности».

Он смутился притворно:

– Ох, эти американцы, вечно они преувеличивают!

Но светится, будто китайский фонарик. Тут я вспомнил свою недавнюю победу в каком-то дурацком литконкурсе. И щенячий восторг на эту тему. Как я напился и доказывал жене, что рядом с ней – гений. Только, сказать по правде, эйфория моя была малость фальшивой. Мешало ей что-то. Да и может ли человек, которому серьёзно за, быть вполне счастливым? Целлюлит или скепсис, долги или геморрой – что-нибудь непременно лежит в противоположной чаше весов. И хорошо, если что-то одно.

А если отмотать ленту назад? – задумался я. – И отыскать хоть один подлинно счастливый эпизод в моей бестолковой жизни. Стук таможенной печати в Шереметьеве? Жалкий штампик ПМЖ рядом с элегантной визой новой родины? Не то... Дисбаланс награды и усилий. Эффект Мартина Идена – слишком трудно всё это далось. Защита и последующий банкет? Тоже нет. Помню одно желание

в тот сумасшедший день – чтобы он поскорее закончился. Любовь, секс? Интересный вопрос... И вдруг! – я вспомнил этот момент. Минута абсолютного, чистого, как белый героин, ничем не омрачённого счастья. Рассказываю.

Я тогда работал в пионерлагере «Маяк». Грузчиком и радистом. Обязанности грузчика почти не утомляли. Дважды в неделю разгрузить машину. Порубить мясо. Доставить рацион на кухню. Вывезти мусорные баки. И, как бонус, – дружба с поварами. Тяжелее давалось проснуться в несуетную рань и воскликнуть по громкой связи: «С добрым утром! По лагерю “Маяк” объявляется подъём. Вожатым построить свои отряды...» Голос мой в этот час редко бывает задорным. Чаще сирым, иногда нетрезвым. Зато потом – свобода. И как, по-вашему, двадцатилетний раздолбай будет тратить свободное время? Внимание: правильный ответ.

Мы сидели на полянке у дороги, символически прикрытые кустами, и выпивали литр водки на троих. Участвовали: мой знакомый Юра Круглый – гладкий, румяный юноша, сын повара из лагеря «Вымпел». И Санёк – цыганистого типа мальчик с открытой улыбкой – дружок Юры и мелкий хулиган, имеющий шансы превратиться в среднего бандюгу. Закуски было навалом: огурцы, помидоры, арбуз. А главное – ещё тёплый ломоть пирога с мясом. Работники кухни испекли его для себя, но пришлось делиться.

Разговор, помню, шёл о танцах с живой музыкой, намечавшихся в тот день в санатории «Заря». О том, как бы проникнуть туда и захватить своих дам. Через забор же они не полезут... Ещё у Санька была назначена драка с кем-то на этих танцах. И он сказал, что рассчитывает на нас с Круглым, если что. Последняя тема меня не вдохновила. Саша этот был мне никто, и подставляться за него – без надобности. И вот я думал о том, как бы сохранить и физию, и реноме. Тут Круглый говорит:

– Видите, четыре пацана идут?

По дороге мимо нашей поляны шли четверо стильных ребят, двое с гитарами в футлярах, один – с рюкзаком.

– Ну и что?

– Команда из «Центрального». Это они сегодня в «Заре» лабают.

– Странно, что идут, а не едут, – сказал я.

– Так надо их пригласить! – возбудился Санёк. Он вышел на дорогу и крикнул: – Эй, мужики! Вы не в «Зарю» идёте?

Четверо остановились. Обернулись.

– Ну, допустим... – хмуро отозвался ближайший к нам. – А в чём дело-то?

– Да так, познакомиться... – улыбнулся Санёк. – Мы сегодня туда на танцы собрались.

– А далеко ещё идти? – спросил другой: худой, длинноволосый тип в круглых очках (под Леннона косит, догадался я. А похож...). – Машина сломалась на полдороге, а нам там обед заказан.

– С полчаса, – радостно сообщил Санёк, – только на обед вы опоздали по-любому. Так что... прошу к нашему столу!

Музыканты переглянулись.

– Хавчика полно, – дожимал Санёк, – и выпить есть.

– Мы на халяву не пьём, – сказал Леннон. И достал бутылку «Зубровки» из рюкзака.

Через полчаса наступило глобальное потепление, и все заговорили одновременно. Мне в собеседники достался Леннон, его и звали подходяще – Женя. Оказалось, что наши музыкальные пристрастия совпадают до запятой: Beatles, Creedence, Smokie. Нашлись и общие знакомые.

– Значит, так, Макс, – говорил Женя, – жду тебя в «Центральном» в любое время. Даже когда меня там нет. А я там практически каждый день... то есть вечер. Заходишь и говоришь: я к Жене, клавишнику, я его друг. И аллес – ты внутри. Я предупрежу кого надо, боссы ручные. Я ж не только клавишник, я – франт вокал, понимаешь?! У меня столик персональный...

– Опять Жека хвоста задрал, – заметил кто-то из группы. – Слышь, франт, нам двигать пора.

– Всё, идём, – Женя встал. Его слегка качнуло. – Но с ребятами не прощаемся. Спасибо вам, ребята, классно посидели.

– С тебя песня, – сказал я, – с объявлением. Ну, там... для нашего друга Макса его любимый рок-н-ролл.

– Червонец, – Женья похлопал меня по плечу. – Шутка. Ноу проблем, братан. Только напхни.

Нам повезло: в «Зарю» в тот вечер пускали всех желающих. К санаторию активно подтягивался готовый к веселью народец. Я (ей-богу, не вру!) шёл с двумя эффектными блондинками, сёстрами Галей и Олей. С одной из них, кажется с Галей, у меня в то лето был роман. Тяжёлый пульс живой музыки с эхо-эффектом слышался издалека, заставлял ускорить шаг. Внутри мы быстро нашли Саньку и Круглого, скачущих в большой кампании нетрезвой молодёжи: обслуги, поварёшек, вожатых и местной шпаны. Многие я знал. Нас шумно встретили и приняли в круг. Середину его украшала авоська с «Агдамом».

Бригада лабухов отжигала на совесть. Снимали почти в ноль «Машину», «Динамик» и «Альф» (начинать полагалось с отечественных песен). Сам Женья неплохо имитировал гнусавость Макара и подвывание Кузи. Потом «по многочисленным просьбам» сгоняли актуальный тогда шлягер про белый теплоход, от которого у барышень окончательно снесло крышу (визг, ор, стриптиз). В перерыве отглавливаю Женю:

– Ну что, договор в силе?

– Ты о чём? А-а, да не вопрос! Как только услышишь «Imagine», следующая твоя.

Вскоре Женья запел «Imagine». Я ждал близости к оригиналу, но не до таких мурашек. Пригласил Галю, шепчу ей на ухо:

- Следующая песня будет для меня.
- Как так?
- А вот так. Объявят: для Макса рок-н-ролл.
- Они тебя знают, что ли?
- Любят. Сейчас услышишь.
- Сейчас для Макса песня будет, – хвалится Галя

сестре.

И тут, без намёка на объявление, звучит... «Stand by Me». В образ вошёл, блин! – обозлился я.

– И забыл, скотина.

– Трепло, – усмехнулась Галя.

– Н-да, – сказала Оля.

Сквозь потные ряды танцующих я устремился к эстраде. Жестикулирую новому другу: какого хрена?! Он поморщился: забыл, извини! И показывает: ок. Сейчас, мол...

И вот наступил момент истины. Представьте, я – молодой, красивый. Джинсы Dakota. Забот – ноль. Девушки – только свистни... И Женин голос, с чистыми комсомольскими интонациями (мне б такой с утра), летит над танцплощадкой:

– Друзья... зья... яа! Минуточку внимания... учку... мания... ания... – Женя щёлкнул каким-то тумблером и заговорил по-человечески: – А сейчас... Для нашего друга Макса. Из лагеря «Маяк»... Исполняется... его любимый... РОК-Н-РОЛЛ!!!

Толпа взвыла. Вспыхнули, как салют, фонари над эстрадой. Сотни рук потянулись ко мне. Десяток блондинок кинулись мне на шею. Время

растянулось, как эластичная плёнка, и... клик, клик, клик – лопнуло, прошитое аккордами суперхита Creedence. Танцплощадка рванулась в последний бой! Драммер сыпанул картошки, и Женя завопил фальцетом:

Seven thirty seven coming out of the sky,
Won't you take me down to Memphis
on a midnight ride?

I wanna move!
Playing in a travelling band. E-yeah!
Well, I'm flying 'cross the land, trying get a hand,
Playing in a travelling band! Wow!

Не помню, чем закончился тот вечер, но драки не было точно. Кажется, шли куда-то после танцев шатким чёрным лесом. А потом снова что-то пили. Или наоборот, сначала пили, а потом шли. А может, и не шли вовсе, а вели кого-то в жопу пьяного домой. И это, скорее всего, был я.

Лето, ёжась, спешило прочь. Начался учебный год. Едва ли не с каждой стипендии мы наведывались в ресторан «Центральный». Только называли его «У Жени». Цены там, правда, кусались, зато напитки заносились почти легально, и двери открывались ногой. Нельзя сказать, чтобы мы с Женей стали друзьями. Перезвонились раз-другой. Обменялись пластинками. Песен я ему больше не заказывал.

Через год мне пришлось уехать далеко и надолго.

А вернувшись, я обнаружил на месте любимого ресторана обувной магазин. Женин телефон не отвечал. Позднее я узнал, что «франт вокал» подался на заработки куда-то на юга. Круглый бегал от следствия: попался на махинациях с икрой. Его мама рассказала мне, что Санёк угодил в колонию за угон мотоцикла. Институтские друзья тоже не спешили в мои объятия. Один увяз в семейных драмах. Другой стал фермером и торговал на рынке говядиной. У третьего поехала крыша... Однажды, мучась бессонницей, я набормотал что-то вроде стиха. Мои друзья, как выяснилось, живы. Но стали словно траурный обряд их встречи, а вернее перемены, которые о большем говорят. Всех не собрать уже ни в ресторане... ну и так далее. Много позже, через двадцать с лишним лет, я понял, *что* сочинил тогда. Всех не собрать у Жени в ресторане...

Я сделал это открытие на работе. И весь путь домой размышлял: что это? Простое совпадение или трюки бессознательного? А дома налил себе рюмаху коньяку, отыскал на YouTube «Imagine». И, глядя на человека за роялем, выпил за другого, подарившего мне самый счастливый момент в жизни. Возможно, момент этот слегка того, глуповатый. Так ведь... и жизнь получилась не шибко умная. А другой всё равно не будет. Эх, ладно! По второй – и закусим, господа!

Три семёрки

Марина взяла отгул и поехала на шопинг. Около полудня звонит мужу на работу.

– Ты в портвейне разбираешься?

– Естественно. В каком смысле?

– В том – какой самый лучший портвейн.

– «Три семёрки».

– Оставь свой школьный юмор. Я в Дэн Мерфи и...

– Лапуся, я забыл о портвейне, как только мы слезли с бенефита. Что вообще за странная идея? Возьми лучше бренди.

– Ладно, я перезвоню.

Марина заехала в питейный супермаркет. И возникло у неё желание купить портвейна. У неё случаются внезапные порывы. А там целая стена креплёных вин. Она говорит с мужем. И видит, как симпатичная дама тоже разглядывает эти полки.

– Извините, – спрашивает Марина, – вы, случайно, не знаете, какой самый лучший портвейн?

– Увы, – качает головой дама, – я в похожей ситуации. Но выход есть. Сейчас позвоню домой, у меня отец разбирается.

Она звонит и попадает на маму, с которой минут десять говорит о здоровье, холодах и ценах на электричество. Наконец выясняется, что отца дома нет. Зато есть дядя. Отлично, давай его скорей.

– Нам повезло, – это она шепчет Марине, прикрыв трубку. – Дядя – гениальный специалист, знаток.

– Дядя Питер, это я... Да! Обнимаю. Как удачно! У меня к тебе вопрос. Какой самый лучший портвейн? Какой? Ага, поняла, вторая нижняя справа, ищем... Вот он.

И вытаскивает простенькую на вид бутылку. Другую протягивает Марине.

– Но, дядя, это всего пятнадцать долларов. Ты уверен?.. Я понимаю, что не в цене... Что? Похоже на три семь. А что это три семь? Три раза по семь? А-а... ясно. Спасибо. Ну, пока.

– Ваш дядя никакого отношения к России не имеет? – интересуется Марина.

– Ещё как имеет. Он лет шесть там работал, давно, при Горбачёве. Строил химический комбинат в Ново... кушинске.

– В Новокуйбышевске.

– Точно. А вы, наверное, из России.

– Из России.

Портвейн действительно оказался с ностальгическим вкусом. Дёрнул стакан – как тридцать лет долой. Старшие классы, друзья, подъезд. Занюшка рукавом, бычок по кругу... И – на танцы.

За скобками

Когда меня уволили из школы и я, сказав директорисе всё, что долго о ней думал, вышел на крыльцо, там стоял мой враг – малолетний бандит Масьянов.

– Что, Максим Леонидыч, выгнали? – с фальшивым участием спросил Масьянов.

– Угум, – кивнул я.

– Закурите? – он вынул пачку «Астры».

– Давай.

До сих пор не могу понять, зачем я взял его сигарету. Скорее всего, из любви к дешёвым эффектам. Я тогда ещё подумал, что запомню этот момент надолго. Слева – окно завуча, справа – окно директорисы, а посередине – я. Курю в обществе главного негодяя Рождественской средней школы.

Нет, всё не так. Вторая попытка.

Когда меня... (после мелкого, но вонючего скандала, который мог завонять всерьёз, и если бы

не зав. районо... В общем, оценив ситуацию, заведующий пообещал мне непыльную бумажную работу в соседнем ведомстве, если я перестану гнать волну и тихонько напишу заявление. Хороший был человек Евгений Михайлович, справедливый. Он потом утонул в Чёрном море. Или уплыл в Турцию. Или свалил таким хитрым способом от домашних проблем. Эта версия обсуждалась чаще всего, поскольку ни Евгения Михайловича, ни его тела отыскать не удалось. Своё обещание он, кстати, выполнил. Так вот, когда меня...)

...уволили из школы и я, сказав директорисе всё, что долго о ней думал... (ну, «всё» – это громко, даже трети не сказал. Во-первых, цензурных слов не хватило, а обложить её матом я не решился – договор же был уйти по-тихому. Во-вторых, мучительно хотелось поскорей – и навсегда! – избавиться свои глаза от её физиономии. Директриса, бывший партработник, посланная в школу за какие-то грехи, лицом, фигурой и характером напоминала бультерьера. Через год на психфаке мне объяснили её диагноз. А до того я по-простому думал, что она – инвалид на всю голову. И что сослать её надо бы в другое место, с крепкими замками и мягкими стенами. И трёхразовым седативным уколом.

В школе её ненавидели и боялись все: от сопливых первоклассников до военрука. Боялись даже её шестёрки и стукачи. Хотя почему «даже»? Когда на перемене директориса проходила по коридорам,

вокруг метров на тридцать возникала зона тишины и страха. Не боялись её только два человека: Витя Масьянов, о котором речь впереди, и учитель физкультуры Николай Иванович, работающий пенсионер. Я иногда перекуривал у него в бытовке, где уютно пахло спортивным инвентарём. Раз директриса застучала нас и прикрикнула на Иваныча. На что физрук спокойно заметил:

– Ты, Наталья Николаевна, дома на мужа ори. А здесь – не надо. Или будешь учителя искать в середине года.

Директриса больно куснула взглядом – не физрука, меня. И вынеслась, аж лыжи зазвенели. А муж у неё, как ни странно, был. Она взяла его на самую левую в школе должность: учителем труда. Неприметный мужик с озадаченным лицом зайца, которого фокусник вынул из шляпы. Будто он вечно недоумевал: как его угораздило жениться на этой стерве. Про директрису можно рассказывать долго. Например, о том, как дважды в неделю, заглянув на кухню, она уточняла, что поднести к её авто и сколько. А если повара спрашивали «где ж им взять», шипела: «А то вы не знаете, где взять!» Или о том, как повара и завхоз, собрав доказательства, накатали на неё «телегу». И было возбуждено, а затем развалено уголовное дело... Нет, хватит о ней. Там ведь ещё Масьянов ждёт на крыльце, будь он неладен. И так, я...)

...вышел на крыльцо, где стоял мой враг – малолетний бандит Масьянов. (Человек, за полгода

сделавший из меня неврастеника и мизантропа. Человек весьма хлипкой конституции, но сумасшедшей, космической наглости. Этим Масьянов выделялся из неслабой когорты школьных отморожков. Когда приходилось махаться, его не волновало, кто перед ним и сколько. А также есть ли поблизости учителя. Учителя для Масьянова не существовали. Вернее, существовали исключительно как объект издевательств. После уроков в седьмом «Б» молодые учительницы старели. Ветеранши, думая о пенсии, глотали корвалол. Однажды с группой коллег я побывал у Масьянова дома. Застали мы только его маму. Отец и брат Масьянова сидели в тюрьме. Мама предложила нам бражки. А когда мы отказались (я – с тоской), выпила сама и говорит:

– Зря вы всё ходите, ходите... Упекли бы лучше паршивца в колонию, я бы хоть отдохнула маленько.

Утром, войдя в класс, я обнаружил, что Масьянов кривляется за моим столом, а на доске написана какая-то похабщина. Тут я сделал то, что при тридцати свидетелях делать было категорически нельзя. Выдернул его из-за стола и впечатал в доску, размазав написанное его спиной. А потом отшвырнул к дверям. Я думал, Масьянов полезет драться, но он улыбнулся и сказал:

– Надо бы встретить тебя как-нибудь. Вечером. С пацанами.

– Встречай, – ответил я.

– Или директрисе заложить? – спросил он. – Может, это не я написал... А ты меня ударил, все подтвердят. Заложить?..

Маленький подонок явно хотел увидеть страх на моём лице. И, кажется, ему это удалось.

Несколько дней я ждал неприятностей и думал, как быть с Масьяновым. Наконец придумал. Учителем немецкого языка в нашей школе работал Веня Токмаков, мой сокурсник и собутыльник. Ещё осенью он сошёлся с колхозным бухгалтером Татьяной и переехал к ней жить. А у Татьяны имелся сын от первого брака, Никита, ученик десятого класса всё той же школы. Многие звали его Никиша, видимо в шутку, потому что это был здоровый лоб под метр восемьдесят, похожий на актёра Кевина Сорби. Девушки заметили это сходство гораздо раньше самого Никиши. Но вскоре и он разобрался, что к чему, и зажил интенсивной личной жизнью. Дома застать его было непросто. В один из таких редких случаев я спросил:

– Никиш, ты знаешь Масьянова из седьмого «Б»?..

– Кто ж его не знает? Придурок отмороженный, как и брат его. А что?

– Надо бы припугнуть его в укромном месте... чтобы не борзел у меня на уроках. Сделаешь?

– Ну... – Никиша пожал широкими плечами. – Такого легче убить, чем напугать. Может, вмазать ему пару раз?

– Вмажь. Только без крови. И не болтай об этом.

– Нет проблем, – кивнул он, – с вас бутылка.

Бутылку я ему не поставил. Да и видел ли Никишу с тех пор? Масьянов ненадолго затих. Посматривал на меня с усмешливым любопытством. Затем стал наглее прежнего. А потом – что скрывать? – я вышел на работу с безобразного похмелья. Правда, отработал все шесть уроков, как положено. Однако дыхнул то ли на парторга, то ли на профорга. Директрисы в школе не было, но ей, конечно, донесли. Надо мной устроили судилище. Вынуждали уйти, грозили увольнением по статье. Но я знал, что это блеф – доказательства-то реальные где? Тогда директриса стала меня выживать: отдавать мои часы под разными предлогами другим учителям. Те понимали, что их используют, но... Думаю, на их месте я бы тоже не вякал. Вскоре я остался почти без работы и зарплаты. Предупредил в районо, что обращаюсь в суд. Вмешался заведующий, ну и так далее.)

И вот я курю его вонючую сигарету, точнее докуриваю её, подходя к пристани, и думаю: всё-таки необычный был момент. Непростой. Почему в последний день моей учительской карьеры я встретил именно их – директрису и Масьянова? Людей, в наибольшей степени виновных... Да нет, виноват, понятно, я сам... В наибольшей степени

причастных к её – карьеры этой – невесёлому финалу. Ну, директриса ясно – она подписала заявление. Но Масьянов-то как там оказался? Будто Господь сказал мне: «Взгляни, Максик, ещё раз на этих двоих и пойми – хватит. Хватит с тебя школь». Экзистенциальный, я бы сказал, момент. Ещё бы вспомнить, что означает это слово. А учитель я вроде был неплохой.

Средство от тревог

— **Л**екарство против страха, — Фомин чуть потряхнул сумкой, внутри увесисто брякнуло, — а лучше: средство от тревог.

— Не, — помотал головой Славик, — универсальный антистрессор.

— А страх, по-твоему, что?

Славик поморщился, глянул на тучи. Холодная капля угодила ему в глаз. Досадно. А хотели подлечь на свежем воздухе...

— Эмоция. Функциональный смысл — выживание. Когнитивная оценка — опасность. Адекватная реакция — бегство...

— Какой ты грамотный, аж тошнит.

— Книжки надо читать, а не юбки мять.

— О, о, о...

— Хотя бы в паузах. Соответственно, учащается пульс, напрягаются мышцы ног...

— Далеко ещё напрягаться? — Фомин поднял воротник. Дождь крохотными молоточками ударил по больной голове.

– Таких эмоций восемь. Гнев, радость, печаль и так далее. И каждая из них, если зашкалит, способна вызвать... Всё, пришли.

Друзья остановились у белой высотки, известной в народе как «свечка». Престижный дом, элитные жильцы. Славик потыкал в мокрые кнопки домофона. В лифте нажал девятку.

– Откуда знаешь код?

– У меня здесь дядя живёт.

– На каком этаже?

– На двенадцатом.

– Крупная шишка?

– Средняя. Зато подъезд – сказка. Подоконник – зацени – спать можно. И вид из окна.

– Годится, – Фомин поставил сумку, она глухо звякнула, разъехалась боками. Возникли две бутылки «Жигулёвского», газета, сектор чёрного хлеба. Пакет мелких, блестящих килек цапнул задиристым духом. Оба сглотнули. Славик ловко откупорил, используя бутылку друга.

– А мне?

– Уммумм, – Славик кивнул на железную скобу перил.

– Эгоизм – одна из твоих бесчисленных гнусных черт.

Друзья прислушались к счастливым изменениям. Пшикнули вторично, забулькали. Помаленьку отпустило... Фомин ел килек целиком. Славик

оставлял головы аккуратной кучкой. Пижон, – думал Фомин. Вид черноглазых треугольников мешал его равновесию.

– Ты ешь, как проститутка. Кому их оставляешь?

Фомин хотел сказать «институтка», но с удовольствием оговорился.

– Тебе не понять. Там лица. Они когда-то любили, страдали...

– Кто?

– Об чём я и говорю.

– Пижон. И трепач.

– А в бубен? – вдумчивые глаза Славика подобрели.

– Мне? За что? За вчерашний облом? Эх-х, мать... таких самок упустили! Миллион раз просил: оставь ты эти умные беседы! Девушки ходят в кабаки не для умных бесед. Их это смущает. У них когнитивный дисбаланс.

– Диссонанс.

– Вот именно. Они не понимают, чего мы от них хотим: угостить и трахнуть или наоборот...

– Трахнуть и угостить?

– Нелогично.

Славик медленно взял за голову новую кильку.

Накануне осели в «Мечте». Пиво, винегретик. Водка под столом. Хозяева лояльные, если не борзеть. Фома склеил девиц, пересели. Каблуха, – думал Славик, – техникум – потолок. Мне столько не вышить. Вечно его тянет на убожество.

Он добавил, потом ещё. Фома лгал о том, как на спор брал автограф у Депардьё. Кинофестиваль, знакомый осветитель, тусовка, гламур... Эмпё ун аутограф, силь ву пле? Депардьё оказался бухой и заговорил чистейшим русским матом. Выяснилось, что это не Депардьё, а Юрий Лоза... Девицы хихикали в более-менее верных местах. Славик заскучал. Затем Лариса (или Оля) пригласила его танцевать. Умело притиснулась, задышала в ухо фруктовой резинкой. Стало щекотно внутри. Славик воспрянул духом и заговорил о литературе.

– Идеальный текст, – кричал он уже за столиком, – должен быть как воздух! Прозрачным, незаметным. Мы ведь не замечаем, как дышим. Возьмём Набокова. Ларис, вы читали Набокова?

– Я Оля.

– Весомый аргумент. И всё-таки?

– Не успели. Мы вчера с деревьев слезли.

– Умница, зачёт. О чём я?.. Да, Набоков! Говорят: лучший русский язык. Ни хрена подобного! – Славик показал Фомину кукиш. – Его язык тяжёлый, искусственный, мёртвый. Метафорические изыски – заумны и нелепы. Герои – сушёные бабочки. Зачем, для кого это написано?! Единственный полуживой рассказ – «Машенька». Да и тот, как известно, пародия на Бунина. Вы, конечно, знаете Бунина.

– А кто это?

– Нас вчера под телегой нашли.

– Уймись, Слав, – Фомин незаметно пнул Славика в колено. – Девчонки, слушайте новый анекдот. Идёт Жан-Клод Ван Дамм...

– Фома, отдохни! – Славик, морщась, потёр ногу. – Перебил только мысль. Лучший русский язык у Бунина. У Пушкина и Лермонтова! Я ехал на перекладных из Тифлиса... А?! Эту фразу пьёшь, как...

– Агдам, – подсказал Фомин.

– Мартини, болван! А ведь кое-кому, – Славин голос треснул от печали, – это надо уже переводить! Да-с. Однако свежий воздух – только у Чехова. Не вязкий от запутанных конструкций. Не спёртый от банальностей и пафоса. Но и без парфюма. Именно свежий! Так выпьем же за... Девчонки, вы куда?..

– Ну и заклинило тебя вчера. Идеальный текст, идеальный текст... Идеальный текст – это как... бутылка пива в утреннюю супь. Заходит радостно, стремительно, внезапно, с лёгким удивлением в финале, – Фомин мощно глотнул. – Уф... А новая – это уже повторное чтение. Дарю, сынок.

Где-то сдержанно загудел лифт.

– Кстати, о воздухе... – Фомин приоткрыл окно, достал сигареты.

Зябкая радость сквозняка. Дождь, зависший капроновой сетью. Эскиз площади внизу. Вкусный

«Честерфилд»... Пиво в системе. Друг. Чего вам ещё?..

Вид делила надвое стела, увенчанная фигурой с крыльями в поднятых руках. Символ местных, ныне убиенных, авиазаводов. Остроумцы наградили стелу кличкой «Паниковский». Левее нарушал баланс пятиэтажный куб с флагом. Такой же белый, как элитная высотка, скрывающий примерно тех же людей. Далее – распахнутая лестница к набережной. Волга, недавно скинувшая лёд. По хмурой, заспанной воде бойко двигались плавсредства. Гудки и птицы рвали туман. Весна...

– Что у тебя с работой? – голос Фомина извлёк Славика из приятной задумчивости, окунув в неприятную реальность. Славик учительствовал в деревенской школе за Волгой.

– Отстранили до выяснения. Они выясняют, а зарплата идёт.

– Что выясняют-то?

– Был я пьяный или нет.

– Ну и?

– Доказать это нельзя без медицинской справки. Я с адвокатшей говорил. Осмотр был? Нет. Прогул был? Нет. Теперь они, значит, ищут на меня компромат. Копают мои бумаги, журналы, учебные планы. Школьников трясут: может, я оби-дел кого.

– А ты обидел?

Славик вздохнул.

– Попал случайно одному... указкой по башке.

– За что?

– Он Достоевского в жопу послал. Прикинь?

Идите, – говорит, – в жопу с вашим Достоевским. Нашёл о ком писать: мокрушник и скокарь. Их у нас в посёлке через одного... Дай-ка сигарету.

– Боишься?

– Не-а. Надоело. Прорвёмся как-нибудь, – Славик в три глотка уложил полбутылки.

– Вот. Поэтому тебе чужда моя идея страха. Ты... – Фомин щёлкнул пальцами, отыскивая нужную фразу, – ты нечувствителен к...

– Трансцендентности бытия?

– Вроде того. Я бы на твоём месте извёлся. Но у тебя другие проблемы. И всё-таки я убеждён: люди пьют от беспокойства. От неуверенности. По крайней мере, начинают. Вот смотри: я по детству чего только ни боялся...

– Например?

– Воспитателей. Хулиганов. Насекомых. Смерти...

– Как удивительно.

– Ты не понял. Боялся, что забьют в ящик. Закопают, и лежи там один в темноте. А личинки тебя медленно едят. Я ещё думал: хорошо Ленину. Светло, люди кругом. Почётный караул...

– Хэх! Ну, ты, брат, даёшь!

– Ага, смешно. Я когда в первый раз похороны увидел, год без включённой лампы заснуть не мог.

Шахта мусоропровода лязгнула. С шумом пронесли отходы чьей-то жизнедеятельности.

– И девчонок боялся... – Фомин скривился.

– Ты? Да ты гонишь.

– Мм-мм. Я ещё не пил тогда. Увижу где на танцах занятную кукленцию. Охота пригласить, а сам... Стою пеньком и думаю: откажет – катастрофа. Согласится – ещё хуже. Её тем временем уведят, или музыке конец. Иной раз вытянут меня на дамский танец. Топчусь, как деревянный, язык жую. Друзья издевались, подонки. Но потом мне объяснили: стакан вина – и ты герой. Небо и земля, Слава. Никакого стеснения. Язык работает, как автомат, и всё по теме. Руки не отстают. Самочки посыпались штабелями. До сих пор остановиться не могу.

– Эта часть нам известна.

– Нда... Но сломала меня другая история. Выпивали с пацанами на седьмое ноября. У меня свободный флэт образовался. Это класс девятый. Старшие ребята купили нам водки и чернил типа «Листопада». Я водки до того не пил, развезло. И остальные забалдели, короче, без девушек никак. А у меня тогда появилась одна, Света, жила через двор. Знаю, что она дома. Да не одна – с подругами. Телефона нет, придётся идти. Плохо, что в её доме шпаны – как грязи. Мне долго везло, умел их обогнуть.

Прихватил бутылку вина, сигареты и – на улицу. Нараспашку, без шапки, чтоб освежиться. Во

дворе прохладно. Стемнело уже. Захожу в подъезд – опа... Три районных отморозка: Платон, Матвей и Сола. Из тех, которые рождаются в наколках. Под кайфом, глаза нулевые. Хотя Платон и без кайфа – увечный на всю голову. У него, знаешь, фишка была: креативно сходить по нужде. В чей-нибудь ранец, например, или почтовый ящик. Или в таз с замоченным бельём. Как-то облегчился в графин секретаря комиссии по делам несовершеннолетних. Дама вышла на минуту, а он успел. Его потом, я слышал, зарезали в колонии. Большая услуга обществу. Остальные двое чуть вменяемей, но только на фоне Платона.

И вот что я тебе скажу. Трезвый я бы мигом сделал ноги. А тут – охренеть! – нету страха, один кураж. Иду мимо них спокойно так, без ускорения. Даже кивнул Матвею, он в параллельном учился. Уже на лестнице слышу:

– Эй! Ну-ка, иди сюда.

Платон, сука. Возвращаюсь, опять-таки не спеши. Здесь главное не спешить. У них реакция на страх, как у зверей. Но опять чувствую – не боюсь. Первый раз в жизни не боюсь этих уродов. Ну, дадут в глаз, куртку почикают ножиком. Да плевать!

– У тебя курить есть?

– У меня, – говорю, – и вышить есть. Отметим?

Достаю бутылку, открыл, глотнул пару раз. Протягиваю им. Они её по кругу. Раз – и нет бутылки. Вынимаю «ВТ», на праздник берёг. Пропали, – думаю, – сигареты. А, хрен с ними... Закурил.

– Угощайтесь, пацаны.

– О, интеллигентские...

Отсыпали половину. Сола последним угостился. И суёт пачку в карман. Матвей ему:

– Отдай человеку, не грехи.

– С какого?

– А чё, нормальный пацан. Тебя Фома, что ли, зовут?

– Куда идёшь?

– К Светке. С пятого этажа.

Знаю, тут проблем не будет. Правильная девушка, не их контингент.

– А-а, у неё собачка такая... мелкая? Болонка, да?

– Ты её болонку выгуливаешь? – заржали.

– Было дело.

– Она и сама как болонка. Иди, чё стоишь?

– Сигареты верни, – окончательно наглею...

– Отдали? – удивился Славик.

– Отдали.

– Девчонок-то привёл?

– Привёл... Не в этом дело. Я тебе объясняю, что такое избавиться от страха. Страх – это боль. И алкоголь для беспокойного индивида, типа меня, – это наркотик. Эйфория, в которой хочется жить дальше. А ты когда подсел на ликёро-водочные?

– На изделия-то? – Славик затынулся. Сунул окурок в пустую бутылку. Тот шикнул, затих. – В ДОКе.

– Это где корабли чинят?

– Это где доски пилят. Сразу из школы в универ не поступил. Мать достала: иди работай. Да и самому деньги нужны.

– А чего не поступил-то? – Фомин сощурился на потолок. – Что дядя-то не помог?

– Филфак МГУ – не его уровень. Завалили меня обидно... По всем экзаменам – отлично, а за сочинение – трояк. Глазам не верю. Я в школе по сочинениям ниже четвёрки не имел. Но если человека надо завалить, валят на сочинении. Тема не раскрыта – и поди докажи. Я нарочно свободную взял. Подаю апелляцию. А там приличных ошибок – ноль! Ноль, Фома. Так я сроду их не делал!

– И что там?

– Стилистические – нет, ты понял? Стилистические ошибки! Волнистой линией подчёркнуты. Например, я пишу: «Остальной дом, высокий и чёрный, казался необитаемым». Мне подчёркивают слово «остальной». Что здесь не так, – спрашиваю?

– Какой остальной?

– Отключи тормоза. Два окна горят всего! А остальной дом, высокий и чёрный, казался необитаемым! Динь?

– Да пошёл ты!

– А они не догнали. Якобы. В чём проблема? Это не по-русски. Звучит, как перевод с иностранного языка. Чуть собачья! Дальше смотрю. «Сбросив шубу, визитёр оказался юношей в мундире корнета лейб-гвардии гусарского полка». Как это

– оказался? Разве в шубе он юношей не был? О, боги! Да был! Просто шуба скрывает возраст. Особенно – с поднятым воротником, на улице-то метель. Они что-то мычат через губу. Им же надо что-то мычать. Но с попонами я их уел.

В шахту сбросили что-то тяжёлое и квадратное. Неприличный грохот провалился вниз.

– Ты о чём писал-то?

– О старинной жизни. Короче, у меня такая фраза: «Они прошли тёмным, устанным попонами коридором». Чем это, – спрашивают, – устан коридор? Накидками для лошадей? Усмехаются – поймали. Уважаемые, – интересуюсь, – вы читали рассказ «Баллада»? Бунина Ивана Алексеевича. У меня тут выписано. «Под эти праздники в доме всюду мыли гладкие дубовые полы, от топки скоро сохнувшие, а потом застилали их чистыми попонами». Полагаю, Бунину можно доверять. У них языки в задних проходах. Одна только нашлась бойкая, Адамович фамилия...

– Родственница?

– Пёс её знает. Выщип такой бесцветный, об лицо порезаться можно. И дура феерическая. К сожалению, говорит, читатель Бунина уже давно в мире ином, и никто сегодня не вспомнит диалектное употребление слова «попона». Это в лучшем случае нелепо. Если слово берётся в необычном значении, тому должны быть оправдания внутри

текста, а не в авторитете Бунина. Стало быть, – перебиваю, – я тоже давно в мире ином. Что? Там же, где его читатель.

– Ну вот. И пошёл я вместо МГУ рабочим в ДОК. Платили нормально, даже без квалификации. Вредная работа: шум, опилки. Травматизм. И люди такие... зазубренные.

– В смысле?

– В смысле шершавые. Опохмеляться начинали с утра, на перекуре. Две пол-литры на бригаду. Где-то им по сотке выходило на лицо. Луком заедят, курнут – воняют, как циклопы. И блиц-турнир в дурака. Больше секунды думаешь – проиграл.

Помню юмориста одного, Колёк звали. Сидел напротив входной двери. Другим из-за шкафов не видно, кто зашёл в бытовку. Дверь открывается, Колёк: здравствуйте, Виктор Иванович! Виктор Иванович – это директор. Ну, мужики пугаются слегка. Водку – под лавку, стакан – в карман. А там свой. От, бляха! Опять развёл, сукин кот.

Дальше – как в притче. Однажды реально явился директор. Такое раз в году бывает. Здравствуйте, Виктор Иванович! – орёт Колёк. Никому даже не смешно. И входит квадратное пальто в норковой шапке. Все малость зависают, особенно Лёха, напарник Колька. У него как раз доза в руке. Пьёте? – каменеет директор. Лёха сориентировался в момент. Закинул сотку – хоть бы одна морщина дрогнула. И наполняет стакан водой из графина: хотите,

Виктор Ивыныч? Я потом на вожатской практике исполнил этот трюк. Дверь не закрыли, а тут начальство с проверкой... В общем, оживлённый коллектив.

– Гоняли тебя работяги?

– Не особо. Молодой – на погрузку, молодой – на конвейер... Выпить не предлагали где-то до зимы. Мы тогда с Кольком и Лёхой накидали полевому машину обрезков. С прицепом – червонец. Я по возрасту заканчивал в четыре. Ну, беги, молодой, возмёшь две «Столичных». Только не спались. Перед вахтой сунул бутылки под ремень. Сверху телогрейка – незаметно. Прошёл. И упираюсь в начальницу цеха.

– Слава, ты ещё здесь?

– Да забыл одну вещь...

– Какую вещь? – хватать меня за телогрейку.

Я увернулся. Одна бутылка прыгает в снег. Она её – поп. А другая скользит по штанине до валенка.

– Кому нёс?

– Никому.

– Ладно, кому нёс, тот сам ко мне придёт.

Захожу в цех.

– Принёс? А где вторая?

– Петровна отняла.

– Как отняла??

И понеслось:

– Ты каким мизинцем деланный?!

– Раззява!

– Что ей насвистел?

– Ничего, – говорю, – мужики, я завтра поставлю...

– Скажи ещё, через месяц!

– Ладно, замяли, – Колёк утомонился первым. – Я схожу к ней. Давай наливай.

На холме из опилок уложили пол-литру минуть за две. Сто семьдесят граммов на брата, как точно заметил поэт. Я столько залпом до того не пил. Да и потом – редко. Колёк ушёл к начальнице, мы с Лёхой закурили. И тут меня, брат, отпустило по-взрослому.

– Ага.

– Что ага? Не то, что ты подумал. Я их не боялся. Досадно просто было за косяк...

Дверь из мутного стекла бесшумно отворилась. Возникла нестарая дама в розовых микки-маусах. Уютные шлёпанцы. Пакеты с мусором. Типичная Эдита Пьеха, – подумалось Славику. – Сейчас затянет с акцентом «На тьебе сапо-олся кли-инам бьельый све-ет».

– Это что ещё такое? – произнесла брезгливо дама. – Только недавно сменили домофон. И опять устроили бордель. Ну-ка, марш отсюда!

– Ошибаетесь, мадам, – грустно улыбнулся Славик, – бордель – это нечто совсем другое. Это такое место, где...

– Где вы, должно быть, начали карьеру, – Фомин знающе подмигнул.

– Не хами бабушке, – Славик укоризненно качнул головой. – Возможно, она там закончила

карьеру. Большая разница, не правда ли, мадам? А у нас тут просто... лёгкий завтрак на траве.

– Пикник на обочине.

– Человек в пейзаже.

– Но вскоре он исчезнет без следа...

– Садитесь, мать, прошу, вот в это кресло.

Фомин встал, уступая место на подоконнике.

Дама попяtilась.

– Какая я тебе мать, алкоголик чёртов?! Сейчас милиция разберётся, кто из нас исчезнет без следа!

И быстро удалилась, не выбросив пакетов. Где-то чвакнула дверь. Остатки трапезы скользнули в люк. За ними с весёлым грохотом погнались бутылки. Бамс-бэмс! Дыдых! Хряпс! Друзья поспешили на волю.

Кончился дождь, он же туман. Изношенное до лохмотьев небо оголило синеву. Повеселели лужи. Воздух наполнился обещаниями. Вдалеке, брэнча, появился трамвай.

– Куда? – уточнил Славик.

– Ко мне. Надо закрепить успех. Купим лёгкого пшеничного вина. И на десерт чего-нибудь фруктового.

– Минтая из спинки?

– Во. Заслушаем «Pink Floyd» на виниле. И – к девчонкам.

– Что за девчонки?

Лицо Фомина озарилось снисходительной ухмылкой.

– Вчерашние! Вчерашние, сынок! Я у Ольги адрес взял.

– Далекое?

– Общежитие педа на Антонова-Овсеенко.

– Педа? – Славик ощутил подвох. – Факультет не спросил?

– Филологический. Третий курс.

– У-у-у-у-у...

– Ага. Но предупредили: о литературе – ни слова!

Фобии

Сергей, мой троюродный брат, – человек отважный. Сейчас объясню. На исходе девяностых он унаследовал папину строительную компанию. Затем расширил бизнес – купил два ресторана и похоронное бюро. Сравнительно небогатым юношей брат полюбил рестораны, особенно где варьете. Посещать их тогда удавалось реже, чем хотелось бы. В смысле не каждый день. Потому, наверное, и купил. Устроил себе коммунизм в отдельно взятых помещениях. Ешь, пей до упаду, танцорки – все твои. И бесплатно.

А ритуальные услуги... Тут, видимо, юмор фаталиста.

Вскоре эта идиллия кого-то сильно огорчила. Почему всегда так? Если человеку хорошо, сразу находятся люди, которым от этого плохо. Вдруг мы узнаём: обстрелян Серёжин автомобиль. В брата, к счастью, не попали. Он заказал бронированный «Лексус», но водил по-прежнему сам. Шофёром и

охраной пренебрегал. Выкинутые деньги: если серьёзным людям надо, завалят по-любому.

Однако его не хотели убивать. Его хотели напугать. Однажды ночью, когда брат, выйдя из ресторана, садился в машину, ему прыснули чем-то в лицо. Затем жестоко отпинали: повредили глаз, сотрясли мозг. Сломали два ребра. Серёжа надолго улёгся в больницу. Бюстителям закона твердил: мол, память отшибло. А если что вспомню – разберусь сам. Похоже, ему это удалось. Мне было любопытно – как, да спросить отчего-то не решался. Враги его по-тихому исчезли, остались только друзья. И вся собственность осталась при нём.

То есть про него можно сказать всякое. Например, можно сказать, что брат – жмот: покусился на охрану. И вообще, не сильно ладит с головой. Но сказать, что он трус? Нет, это вряд ли. Теперь дальше. Этот же самый герой панически боится лечить зубы. Не знаю, как сейчас, но в 2003-м его улыбка напоминала изгородь в заброшенной деревне. А как иначе, если день начинается и кончается сигаретой? Притом что в кабинетах дантистов братец не замечен со школы. Если вообще бывал.

– Как ты общаешься с людьми? – спросил я. – Ведь стыдно же. У тебя партнёры, жена, любовница...

– Две.

– Тем более. Богатый человек, поместье вон целое отстроил (мы как раз осматривали его новую

виллу). Ты можешь себе поставить лучшие зубы в мире. В Швейцарии или Беверли-Хиллз...

– Не могу, – ответил брат. – Понимаешь, у меня две м-м... фобии. Зубные врачи и самолёты. Я по жизни мало чего боюсь, – его лицо исказила досадливая гримаса. – Все серьёзные люди знают, что мне угрожать бессмысленно. Бессмысленно и вредно для здоровья...

Мы помолчали, отдавая дань Серёжиной крутости.

– Но как подумаю об этом кресле, – продолжал он, – колотит хуже, чем после запоя. Я у психоаналитиков был, веришь? Сам не верю. Туеву хучу денег выкинул на этих клоунов. И на гипноз...

– А под наркозом?

– Говорю тебе. Я близко туда подойти не могу.

– Погоди. Глотаешь дома пару таблеток валиума. Вырубаетесь. И тебя отвозят...

– Всё. Закрыли тему.

Брат глянул так, что я вдруг понял, куда исчезли его обидчики на закате девяностых. И ещё я догадался – его ужасает не боль. Это другое. Может, полная беспомощность в руках дантиста? Совершенно невыносимая для человека, привыкшего контролировать, указывать, решать... Особенно – беспомощность под наркозом.

Как бывший психолог, я, разумеется, знаю, что такое фобии. Но об их причинах лженаука толком не договорилась. Самая известная, она же

единственная, гипотеза такова: в несознательном возрасте человек сильно испугался. И затем всю жизнь страшится напугавшей его бяки. Или как-то увязанной с нею буки.

Предположим, младенца расстроил борода-тый друг семьи. Склонился над колыбелью, в шутку зарычал. Ребёнок в истерике. Повзрослев, он необъяснимо опасается бородатых людей. Или собак вроде терьеров. А раз своего малолетства люди не помнят, значит, об источнике фобии догадаться нельзя. И всё же...

Серёжа боится чинить зубы и летать на самолётах. Здесь есть нечто общее. В обоих случаях – тотальная зависимость, потеря контроля. Откуда страх перед ней? Что с ним произошло? Самый лёгкий ответ: младенцем брата жёстко пеленали. И в таком виде уронили, допустим, со стола... Если мы когда-нибудь увидимся, расскажу ему об этом.

Но вот ещё более странный пример. Мой школьный приятель Ваня – тоже не из робких индивидов. Ныне серьёзный коммерсант, владелец магазинов, заправок, автомоек. Поднялся в те же девяностые, однако без могучего родителя, с нуля. В юности – удачливый фарцовщик, а также нападающий местной хоккейной команды. Все эти занятия с робостью мало совместимы.

Однажды смотрим вдвоём футбол у меня дома. Чемпионат мира, четвертьфинал. Тот самый, где Марадона забил англичанам рукой. Родители в

гостях, у нас по этому случаю бидончик пива. Скумбрии копчёной порезали. Я отлил у папы две рюмахи водки. Добавил ему водички из крана, ничего – здоровее будет. Ваня поставил литр коньяка на англичан. Я согласился на пари, и, кажется, удачно. Аргентина вела 2:0.

Вдруг на улице стемнело. Тяжело и редко закапало. Небо разодрали две беззвучные молнии. Хлёстко, с оттяжкой бабахнул гром.

– Быстро выключай! – потребовал Ваня.

– Кого?

– Телевизор, идиот!

– Зачем??

Ваня метнулся к телевизору. Экран погас.

– Не понял. Это что сейчас было?

– То! Молния долбанёт в антенну, и телек взорвётся!!

Тут уже я испугался. Что если Ваню – прямо здесь, в моей квартире, – накрыло острое умопомешательство? Куда бежать? Кому звонить?

– Вань, – спокойно произнёс я, – не дури. Включи телевизор. Садись в кресло, и досмотрим футбол.

– Дебил!! – Ваня старался перекричать хлынувший ливень. – Ничего я не включу, пока эта сука не кончится! И тебе не дам!

Я встал.

– Ты не забыл, чья это квартира? Ну-ка, вали отсюда.

– Хорошо, я уйду.

Ваня исчез в направлении прихожей. Дать ему зонт? Ладно, идти недалеко, обойдётся. Я глянул на экран. Трибуны бесновались – англичане забили гол!

– Ооо-бля... – простонал я. – Всё из-за тебя, скотина!

– Когда от тебя останется кусок сторевшего дерьма, не говори, что я не предупреждал.

Ваня захлопнул дверь.

Как известно, Аргентина победила 2:1. Мой друг выставил коньяк. Мы легко помирились и забыли этот случай. Случай между тем называется астрапофобия. Причины неизвестны. Заболеванию, согласно науке, поддаются впечатлительные лица с ранимой психикой. У Вани ранимая психика? Смешно.

Но – время рассказать о моей фобии. Это, увы, банальные тараканы. Боязнь отвратных насекомых появилась у меня годам к тридцати. То есть гораздо позже, чем достойные фобии у нормальных людей. Вечно опаздываю.

«Чем провинились тараканы? – спрашивает классик. – Может, таракан вас когда-нибудь укусил? Или оскорбил ваше национальное достоинство?» Отвечаю. Тараканы ужасают своей необъяснимостью. Они – синоним хаоса. Неясно, чего ждать от усатых безумцев. Таракан может геройски кинуться под занесённый тапочек. Или подло упасть вам на

голову в душе. Или ночью заползти в ухо. Эта история впереди.

В отрочестве-юности мне было не до них. Отвлекали более насущные вопросы. Например, куда девать руки на свиданиях. Как, возвращаясь домой, избежать скоплений поселковой шпаны. А если не избежал, то как, отдав им сигареты, с достоинством удалиться. Тараканов я почти не замечал. Они изредка возникали на кухне, где мама их стабильно побеждала. В аспирантском общежитии мы встретились по-взрослому.

Свидания к тому времени превратились из тягостной необходимости в приятную рутину. Руки нашли своё место. Я выучился меньше говорить и незаметней действовать. За это меня полюбили несколько девушек сразу. Шпана осталась в первой жизни. Вакантную площадь в шкатулочке страхов заняли тараканы.

Тараканы, они ведь как разруха. На кухнях после, а сначала – в головах. И таких голов в общежитии хватало. Аспирантка физмата Лариса сочиняла диссертацию только подшофе. Два года Лариса истратила на то, чтоб отыскать правильную дозу. Чуть меньше – авторский блок. Чуть больше – творческий криз.

Мой сосед, Дима, увлекался психологическими тренингами. Там незнакомых людей заставляли обниматься, кричать хором чепуху, стоять на одной ноге с закрытыми глазами, имитировать эмбрионы,

писать справа налево и вверх ногами. После тренингов Дима надолго замыкался в себе. И однажды замкнулся совсем. Отпугивал людей целлофановым взглядом. Вечерами исполнял загадочные ритуалы у окна.

Третий жилец нашей комнаты, философ Саша, регулярно выпивал и дискутировал. Интеллектуальный уровень собеседников, а также их наличие значения не имели. Наутро философ подолгу рассуждал о том, как страшно жить. Выговаривал эту фразу, акцентируя поочерёдно каждое слово. Пока ему не давали опохмелиться. Саша почти три года валял дурака. За месяц до защиты наскоро протрезвел и выдал двести страниц непостижимого текста. Что-то о проблемах социального отчуждения или разотчуждения. Творил целыми днями, лёжа в продавленной койке. На предложения выпить реагировал агрессивно. Исцарапанные гениальным почерком листы сбрасывал на пол. Неслышно появлялась его девушка Лена. Сортировала бумажный ковёр, перепечатывала рукопись на еле живой «Эрике». Вскоре Саша блестяще защитился, женился на Лене и увёз её в Магнитогорск. К Лене мы ещё вернёмся.

По ночам в коридоре шумели чеченцы. В комнате напротив гулял спекулянт водкой Алибек. Жил один. Вероятно, купил мёртвую душу либо начальство. Музыку, которая на-а-ас связала, то и дело глушили задорные женские визги. «Скоты, – шептал в подушку Дима, – Боже, какие скоты...» Когда началась первая чеченская война, многие с облегчением

решили, что Алибек свалит домой. Я в неявной форме спросил его об этом. «Э-э, нэт... – патриотично заметил дитя гор. – Ишаки воюют. А у мина здэс бизнес».

Через год я переехал в двушку. Нового соседа звали Слава. В прошлом – боец калужского ОМОНа, затем торговец живописью на Арбате. Расспросы о научных изысканиях Слава подавлял бетонным взглядом. Когда ночью по его щеке проползал таракан, сосед, не открывая глаз, ловил его и бросал в направлении меня. Такой у него был юмор. Явившись с торговой вахты, Слава, охая, сдирал кроссовки и развешивал токсичные носки на батарее. А потом говорил: «Слышь, Макс, ты опять курил в форточку? Я тебя скоро накажу, дышать же нечем, блин!» Возражать мне не хотелось. Габаритами сосед напоминал ресторанный холодильник. Кроме того, Слава был полумёртвой душой, а их ценят.

Если кто не в теме. Мёртвая душа – это человек, прописанный в общежитии, но там не живущий. «Поселив» его в своей двушке, ты наслаждаешься комнатой один. За мёртвыми душами охотятся. Их соблазняют, переманивают, оставляют друзьям в наследство. Соответственно, полумёртвая душа бывает в общаге наездами. В основном это учащиеся из дальнего Подмосковья и сопредельных областей.

Люди, о которых я рассказываю, более-менее терпимо относились к домашним насекомым. А

значит, сколько ни травы, всегда есть шанс получить живой сюрприз. Но это, как выяснилось позже, был детский лепет. Когда за стенкой поселился художник Айдархан, меня заколбасило всерьёз. Айдархан, друг степей, оказался чудовищным засранцем. Как только наступала его очередь мыть санузел, Айдархан забывал русский язык. «Жок! Шык уйден! – гневался он. – Дик шыкты!» Свинством и запахом его жилище походило на классический бомжатник. По столу, огибая пизанские башни грязных мисок, задумчиво бродили тараканы. Впрочем, они бродили повсюду – индивидуально, семьями и группами, наподобие туристов. Айдархан, такой же задумчивый, часами насиловал бандро, глядя внутрь себя. Его сосед, эталон флегматичности Вова, не парился на эту тему. Если таракан заползал на мольберт, Вова хмыкал в бороду и аккуратно ставил его на пол.

Вскоре искатели новых территорий зачастили ко мне. Дихлофос убивал меня быстрее них. Вместо павшего бойца являлись десять свежих. Заснуть мне удавалось только пьяным. Я всерьёз планировал долбануть Айдархана сзади чугунной сковородкой. Как-то раз поплакался на жизнь Лене, девушке философа Саши.

Лена, тоже философ, появилась на свет в Благоещенске. Мне сказали, что там преобладают китайцы. На политических картах *made in China* это давно их земля. Лена, продукт смешанного брака,

обладала миловидной азиатской внешностью. И от этого сильно комплексовала. Она мечтала сделать пластическую операцию и занять европейское лицо. В остальном – славная девушка: весёлая, улыбочивая, компанейская. Гулянок и танцев не пропускала. Пользовалась успехом, но любила только Сашу.

Саша защитился и уехал, наказав друзьям присматривать за Леной. Она по-прежнему тусовалась с нами. Компания и трёп напоминали ей о Саше. И вот я захожу к Лене по делам. Рассчитываю на халвный ужин. 93-й год, время самое диетное.

– Гречневую кашу будешь?

– Я всё буду. Даже спирт «Рояль».

– Садись. Чего такой грустный? С похмелья?

– Ага. Сплю плохо. Зафакал один придурок.

И рассказал.

– *Omnia relativum est*, – усмехнулась Лена. – Подумаешь, тараканы. Ты наших кафедральных змей не видел. Вот кого надо бояться. Это чистый террариум. Иди, я тебе фокус покажу.

Мы подошли к окну. Лена медленно отогнула край занавески. На внутренней поверхности отвратительным узором застыла колония тараканов. Штук тридцать. Они не шевелились: возможно, разомлели у батареи. В чистенькой, уютной комнате Лены они выглядели жутким сюрмом. Гречневая каша и полстакана разведённого спирта едва не выскочили из меня.

– Почему не травишь? – выговорил я.

– Зачем? – Лена снова улыбнулась. – Живи сам и не мешай другим. Это Диоген Синопский, если что. Они меня не трогают, ведут себя прилично...

Лена ошибалась.

Тёмным зимним утром, около шести, в дверь постучали.

– Кто там?

– Я! Открывай скорей!

В голосе Лены слышалась паника. Я натянул штаны, открыл дверь. Лена – пальто распахнуто, шапка набекрень – задвинула меня в комнату.

– Ты один?

– Один. Что случилось?

– Мневухозаползтаракан! – шепчет.

– Что?!

– Мне. В ухо. Заполз. Таракан!

Волоски на моих конечностях поднялись дыбом.

– И ты не почувствовала??

– Во сне... Глубоко. Он там шевелится!

Тут я заметил, что глаза её стали идеально круглыми. Как доллары – и без всякой пластики.

– Что будем делать?

– Надо в больничку. Поедем со мной, я одна боюсь.

Мы вышли в колкую пургу. Рассвет как будто отменили. Белые иглы неслись во все стороны разом.

Но чаще – в лицо. Я не чувствовал холода и ветра. Я мог думать исключительно о таракане у Лены в голове. Как он там внутри шевелит усами и лапками. Этот шершавый, хрустящий звук... О-о, матери! На её месте я точно сошёл бы с ума. В метро Лена заплакала.

Мы достигли центральной больницы. Отыскали круглосуточную помощь. Медиков позабавила наша травма. Улыбки сняли тяжесть с их лиц. Лена зашла в кабинет и быстро вернулась.

– Не могут достать. Боже! Направили в двадцатый.

Я задремал в коридоре. Наконец она вышла – счастливая. На щеках ямочки, глаза снова китайские.

– Достали! Представляешь, они его вымывали. Шприц здоровенный, таким в «Кавказской пленнице» Моргунову делают укол. А игла такая специальная...

– Давай без подробностей, а?

Этот случай надломил мою психику. Я сменил полушарие, четыре страны, шесть городов и десятки квартир. Фобия не уходила, она жива до сих пор. Вид таракана приводит меня в слезливую истерику. Ночами я просыпаюсь от мелкого движения по себе. Я включаю ночник, трясую одеяло... Только раз за двадцать лет это оказалось не галлюцинацией. В кровати был паучок! Ошибка не прибавила мне радости.

Передышка наступила в Мюнхене. Там я снимал квартиру, затем переехал в общежитие. И за год

не увидел ни одной ползущей твари. Ни одной. Что подкрепило моё убеждение. Чем меньше порядка в головах, тем больше насекомых дома. И наоборот. Удивительно, что теперь я живу в стране, где обитают тараканы-монстры. Они величиной с палец, мало того – летают. Птицы уступают им дорогу. Дважды я имел близкий контакт с этими зверюгами. Боюсь, третьего раза моё сердце не выдержит.

Однако есть новость и похуже. Недавно во мне поселилась ещё одна фобия – люди.

Летели из Нанди в Веллингтон

Летели из Нанди в Веллингтон. Рейс был паршивый – в семь утра. Регистрация, значит, – в пять. В четыре к воротам пансионата подали автобус, куда загрузилось несколько бедолаг, купившихся на дешёвый рейс. Бледно-зелёные, отрешённые, как марсиане. Некоторые, похоже, с похмелья. Один – точно. Автобусная тряска оказалась для моего организма явно лишней. Глядя на чёрные, резные силуэты пальм за окном, я мечтал об открытом буфете в аэропорту. Где славно бы взять пива или шампанского. А потом повторить... Куда там! Странно, что они аэропорт не забыли открыть. Очередь на регистрацию, затем на таможеню... духота накопителя... Казённый дискомфорт сидений. Наконец запустили в самолёт.

Жена заняла место у иллюминатора и тотчас задремала, сказав в полусне, что завтракать не будет. Я спать не мог. Есть, кажется, тоже. Взлетели.

Вскоре неторопливые стюардессы в бирюзово-малиновой униформе покатали между кресел тележки. Запахло самолётной едой. И тут я услышал:

- Не хотите ли шампанского к завтраку, сэр?
- Нет, спасибо. Только кофе.

Разумеется, это не я сказал про кофе. Я очень хотел шампанского к завтраку. И до него оставалось всего три ряда сидений.

Плюс ещё два препятствия. Жена могла проснуться в неподходящий момент. А она не любит моей спонтанности, тем более на публике. Алкоголь в 7.30 утра – это... не комильфо, даже если наливают. Помню, год назад жена заставила меня ходить по Риму в офисных ботинках. У меня были кроссовки, но она сказала: не фотогенично. И вот, целый день я осматривал достопримечательности (я вынужден повторить это) в жёстких офисных ботинках. Фотографии получились – заглядение, особенно к вечеру. Одухотворённость какая-то появилась в лице. Видимо, потому, что ботинки стали к тому времени испанскими пыточными сапогами. В зале ожидания я немедленно снял их и расслабился в кресле, закатив глаза. Просыпаюсь – надо мной двое карабинеров и карабинерша. Нельзя, говорят, наденьте. Я хотел с ними побеседовать. Например, заметить с ухмылкой Челентано: «Davvero? E dove sta scritto?» Но тут в меня вонзились пять отточенных ногтей... В общем, после микроскандала с меня было взято обещание вести себя в общественных местах прилично.

А шампанское ни свет ни заря – это неприлично. Как бы кто чего не подумал.

Как назло, этот «кто» расположился слева. Седой, почтенный гражданин, похожий на пастора, губы поджаты, типичный моралист. Он, как мне показалось, несколько раз неодобрительно покосился на меня. Странное дело: мне с похмелюги вечно мерещатся осуждающие взгляды. Сейчас закажу шампанского, сосед подумает: во свинья, вчера нажрался и сегодня заливает с утра пораньше. Хотя какая, к чертям, разница, что он подумает?! Какое мне дело до него? А ему до меня? Но жена... Надо что-то решать...

– ...яичницу с сосиской или оладьи? – наклонилась к пастору стюардесса.

Вдруг он подмигнул (мне!) и отвечает:

– Бокал шампанского, пожалуйста. А потом ещё один. И яичницу с сосиской.

– То же самое, пожалуйста, – с облегчением выговорил я.

– И мне, – неожиданно добавила жена.

Не люблю озвучивать банальности, но ведь действительно: как мало человеку надо для счастливой минуты. Бокал шампанского в нужный момент. Ошибиться в ближнем – в хорошем смысле. Всего-то... А с соседом мы премило проболтали весь остаток пути. Оказался профессором ихтиологии.

Круизная нарезка

Наиболее гнусный, тошнотворный снобизм – это заигрывание с обслугой. Явление многократно высмеяно в литературе и кино. Увы, нет ему конца. Очередь за кофе.

– Доброе утро, Лиз! – упивается собой очередной двухнедельный барин. – Как вам спалось?

Барменша-азиатка демонстрирует вежливые ямочки.

– О, да, – не унимается демократ, – качка сегодня тише, чем вчера. Мне бренди американо, дорогуша.

Эх, сказала б ты ему, дорогуша, по-советски. Прямо мечтаю услышать. Что тебе за дело, как мне спалось, старый пень? Бери свой кофе и вали отсюда.

Выпил за обедом банку пива. Выкурил сигарету. Гуляем с женой на верхней палубе. Слышу от неё что-то как всегда загадочное. Различил слово «шорты».

– Какие шорты?

– У меня шорты подвёрнуты ровно?

– В смысле?

– В смысле длины!

Слегка зависаю.

– Хм-м... Как я могу это видеть, если иду рядом с тобой? Надо отстать и посмотреть сзади...

– Когда ты напьёшься и накуришься, – раздражается жена, – ты совершенно неадекватен.

Я мысленно отмотал диалог назад. Новая версия.

– У меня шорты подвёрнуты ровно?

– Ровно.

– Опять врёшь. Как ты можешь это видеть, если идёшь рядом со мной?! Когда ты пьяный и накуранный, ты совершенно неадекватен.

Островная экскурсия в Новой Каледонии. Экскурсовод сверкает контрастными зубами. На голове засаленная повязка. Из неё торчит цветок.

– У нас здесь пятнадцать деревень, и в каждой – вождь. Если вождям надо договориться, они зажигают ритуальные костры. Обходят дома, беседуют с людьми. Созывают большой вигвам. А потом размещают информацию на Фейсбуке.

Ещё типаж – гиперсоциальная тётушка-болтунья. Гениально раскрыт в комедии «Стой, или мама будет стрелять». Беда, если такая оказалась рядом с вами в экскурсионном автобусе или на маленькой

яхте. Можно пересесть, однако это не спасёт. Жестяной голос слышен отовсюду.

– Откуда вы? – допрашивает тётушка новую жертву.

– Из Северной Дакоты.

– Там, наверное, ужасно холодно. А я из Новой Зеландии. Бывали?

– Нет... мы пока...

– Всенепременно посетите – забываемо, удивительно. Я сама живу в Окленде, у меня там семья. Ещё родственники в Напиер, Веллингтоне, Роторуа. Есть друзья в Пальмерстоне, Крайстчерче, Данидине... У меня, знаете, везде родственники и друзья. А вы, кажется, из Америки?

– Из Северной Дакоты...

– Понимаю. Холод, должно быть, собачий, приехали греться, да?

Тётушка грустнеет.

– Странно, ни одного знакомого в тех краях! Зато у меня есть друзья в Нью-Йорке, Ванкувере, Чикаго, Сан-Франциско и Майами. Сейчас подойдёт моя дочь – у неё обязательно найдётся кто-нибудь из Северной Дакоты.

Жена поделилась сценой у раздачи мороженого. Девяностолетняя бабушка выстояла очередь из трёх человек. Получив заветный конус, моментально откусила верх. Осмотрелась и быстро кусанула ещё два раза.

– Что старый, что малый, – улыбнулась жена.

– Или каждая минута на счету, – ответил я.

Ещё одна бабуся, а может, та же самая. Люди за девяносто похожи, как братья и сёстры. Как младенцы в роддоме. Движения излишне отчётливы. Взгляд сфокусирован на другой реальности. Коротче, Фиджи. Автобус-челнок, рейсы от корабля до центра города. Элегантная худая бабушка медленно двигается по салону. Открытый зонт над головой ей мешают. А в салоне, как назло, одни китайцы. Старушка, всматриваясь, жалобно кричит:

– Это автобус на корабль?

Сплочённое китайское молчание.

– Это автобус на корабль?!

– На корабль, – вздыхает кто-то.

Бабуся успокоилась, складывает зонт. Безуспешно. Так и везла его открытым, загородив проход.

С русским языком надо осторожнее. Соотечественников в круизе хватает, и они не всегда заметны. Хорошо, что русские обычно беседуют громко. И почему-то главным образом – о деньгах. Вспомнили бы там Чехова, Фолкнера... На худой конец, Водолазкина (удачная, кстати, фамилия для писателя. Можно давать премию, не читая). Так нет. Всё-то им: цены, курсы валют, дьютти-фри, поборы на таможне... Мы с женой общаемся тихо. Можно сказать, читаем по губам. Затем выясняется, что говорили на близкие темы. Я, например, о Чехове.

Жена – о Стейнбеке. Поэтому диалог живой и содержательный. Только раз я прокололся. Увидел в ресторане двух конкретных пацанов. Мощные шеи, пуленепробиваемые лица.

– Смотри-ка, – замечаю с ненужной экспрессией, – вон двое, типичные бандиты.

Ребята покосились в нашу сторону. Минуту спустя, один говорит:

– Ещё по сто, и валим отсюда.

Опа...

Наутро видел их в спортзале. Один жал штангу, другой качал бицепсы размером с мою голову. Оба глянули так, что я вдруг представил себя за бортом – ночью. Повсюду чёрная вода, захлёбываюсь... И огни корабля исчезают вдали.

Чем бы закончить позитивным? Люблю закат на океане. Линия воды параллельна нижней кромке облаков. А выше – театр масок, лиловых, розовых, изменчивых существ. Рыбы, мопсы, тигры, крокодилы... Караваны слонов. Отвернёшься на миг – там не слоны уже, а лица: клоуны, политики, диковинные злодеи. С галёрки надвигается туча, вот-вот грянут мокрые аплодисменты. И бармен подаёт сигнал.

Хорошая девочка Тиша

Недавно сочинилось одностишие: «мой вкус испорчен Чеховым и Чейзом». Ничего общего, кроме «Ч»? Хм. Оба кратки, вняты, динамичны. Описаний минимум. До описаний ли, когда происходит что-то интересное? Я к тому, что про свою кошку мог бы наступать страниц тридцать. Но уложился в три. Авось кто перепутает сестру таланта с братом.

Итак.

Мы отдали за неё сто девяносто австралийских долларов. По местным ценам недорого, особенно если кошка симпатичная. А Тиша с детства была – хоть на подиум. Хорошо ещё, что сирота беспородная. Ангора или шиншилла такого обаяния стоили бы втрое. И всё-таки я сомневался, пока не увидел её лично. Затем выяснилось, как она похожа на меня и жену. До чего она наша. И тогда я осознал: нам её, можно сказать, подарили.

Приехали в супермаркет. Жена пошла за котячей едой, лотком и шампунем.

– Придумайте имя, – сказала, – я быстро.

Я гладил оранжевый лоскут пальцем. Ладонью там гладить было нечего. И думал о том, что, если сто девяносто баксов разделить на двадцать лет без кошки, получатся... смешные деньги. Тут лоскут развернулся в существо. В потёмки моей души заглянули синие глаза. Послышалось беззвучное мяуканье.

– Да ладно, – сказал я, – поспи ещё. Всё хорошо. Тише, тише...

– Ну что, придумали? – спросила жена.

– Чего?

– Имя.

– Кажется, да.

– Лёгкое недомогание, – уверяла продавец, – обычное дело. Переход с жидкой еды на сухую. Через пару дней будет как новая.

Через пару дней Тише стало хуже. Её рвало, бедняга перестала есть.

– Плохо дело, очень тощая, – сказал ветеринар, – на сутки под капельницу. Пятьсот долларов.

– А дома нельзя?

– Можно. Купите у нас еду с лекарством. Давать через шприц каждые три часа. Вот так, смотрите...

– И ночью?

– И ночью. Ромашковый отвар из пипетки – в любое время. Активированный уголь можно развести. Шансы есть.

Жена её выходила. Кормила из шприца, поила отваром. Несколько суток, каждые три часа. Я малодушно ограничился стихами. Есть у нашей Тишки рыжие штанишки... Вот волос из турецкого дивана, вот лоскуток персидского ковра... Я опасливо брал Тишу на руки. Тела у неё почти не было.

Поначалу мы спали вместе. До того, как её вырвало мне на подушку. Переместили Тишу в мягкий домик с грелкой. Около четырёх утра я шёл в туалет. «Посмотришь?..» – вздыхала утомлённая жена.

Я осторожно просовывал в домик ладонь.

В жизни мне редко встречалось страшное. Повезло. Засовывая руку в этот домик, я чувствовал слабость в ногах. До паники боялся нащупать холодную, твёрдую шубку. Боже, помоги... Но шубка всякий раз оказывалась тёплой. И урчала еле слышно, благодарная за то, что её навестили. Я тоже помурлыкал бы от счастья, да не умею. Не тот звук.

Тиша поправилась и незаметно выросла. Ноги от подмышек, усы до плеч, глаза изменили цвет. Из голубых стали зелёными и, наконец, – медовыми. Подведены, как у египетской царицы. Мех сияет, будто осень на полотнах Чарльза Уайта. Элегантно взлетает на стол и дефилирует, роняя волосы в наши тарелки и бокалы. Хотя знает, что это не комильфо. Как-то слышу, жена говорит ей: «Порядочные девушки не ходят по столу. Усвой это,

наконец. Посмотри на меня. Я разве хожу по столу? А я ничем не хуже тебя. Только хвоста нет». И жена смотрит на то место, где у неё мог бы вырасти хвост. Далее – не шучу – Тиша зеркально повторяет жест, с гордостью осматривая свой хвост.

У неё есть любимая игрушка – розовая плюшевая мышь. Вообще-то, мышей две, но зелёную Тиша игнорирует. А розовую оставляет в значимых местах. Около своих тарелочек, у входной двери, которая её манит. В нашей постели. А вчера нашли мышь на столе. Манифест.

Как сказано, детей надо баловать, именно тогда из них вырастают настоящие разбойники. Тиша опровергла этот, казалось бы, железный постулат. Мы её баловали изо всех сил. А вышла кроткая, послушная тихоня. Правильное имя досталось. Стол – единственное исключение. Ещё она стеснительная. Целуется с домашними только наедине. Если в комнате трое – ни за что. И лицо сделает монашеское: «Ах, оставьте ваши глупости». А если мы обнимемся с женой – выражение озадаченное: «Как же так? А я?..»

Вообще, она редко проявляет чувства. Но если проявит... Думаешь, не померещилось ли? Недавняя сцена на балконе. Утро. Стою, зажмурился, медитирую. Тема: как мне хочется идти на работу. И Тиша рядом на парашете. Вдруг ощущаю: две лапы упёрлись мне в грудь. Затем в подбородок тыкается мокрый нос. Открываю глаза – никого. Застеснялась и убежала.

Любая семья, где есть кошка, верит, что их кошка особенная. Не такая, как другие. Мы – не исключение. Например, Тиша редко просит есть. Вы много знаете таких кошек? А она не просит. Молчит, смотрит. Если изредка скажет «уррмиу», то это означает «мне скучно, давайте играть». Кушает маленькими порциями, всегда оставляя немного. Откуда у простолюдинки эти барские замашки? Иной раз выйдет со мной на кухню часов в шесть утра. «Урррмяу...» Даю покушать – смотрит укоризненно. «Эх ты. Я соскучилась, а ты что подумал? Ладно, так и быть, съем кусочек».

Тиша читает мысли. «Эка невидаль, – скажет кто-нибудь, – все кошки читают мысли». А вот и не все. И не так. Утром в постели я делаю три гимнастики. Лицевую, дыхательную и кошкотерапию. Первые две иногда забываю. Последнюю – никогда. Укладываю Тишу на себя и выглаживаю – от ушей до хвоста. Она включает моторчик. Славная минута... Наступает, однако, момент, когда я думаю: «Сколько ни тяни, а встать надо». Не шевелюсь, молчу. Только думаю. Тиша поднимается и уходит.

Бывает, смотрим с женой кино либо читаем. Мелкая исчезла. Не произнося её имени, говорю:

– Кое-кого давно не видно.

Из-за дивана появляются круглые глаза.

– Чего?

А то уставится в пространство и застынет. Зрачки узкие, как шпильки. И выцеливает что-то, будто

муху на стене. Только мухи нет, вот какая фишка. С кем она там переглядывается? И где это, собственно, – там?

Иногда мы с Тишей гуляем в парке. Она – на шлейке и поводке. Встречные люди улыбаются. Собаки теряют дар лая.

Недавно читаю – закончилось исследование. Якобы кошки не тоскуют в разлуке с близкими людьми. Особенно – если сытые. Далее злобные реплики кошатников. «Что они понимают, шарлатаны! У них самих-то кошки есть?! Наша Муся за пять этажей узнаёт шаги отца, царапает дверь. Он войдёт – махом на плечо ему. И обнимает... А наш Васенька, если мамы долго нет, прямо заболевает. Ищет её везде, плачет. На еду – ноль внимания...»

Однажды мы надолго уехали из дома. Тишу устроили в пансионат. Пять звёздочек: чисто, свежо, двухэтажные вольеры. Изысканное общество. Весь отпуск думали: что если забудет нас?.. Явимся забирать, а она скажет: «Хxxx! Кто такие?» Тогда же я увидел сон. Снилось, что нашу кошку подменили. Отдают дымку вместо рыжей, хотя сходство в лицах есть. Что за ерунда? Куда вы Тишу дели? «Это ваша, – убеждают, – такое случается иногда...» От беспокойства я проснулся.

Явились, заходим... Тиша не сменила масть, однако как будто уменьшилась в размерах. «Это за

мною, – кивнула она британцу слева, – пока, морда». Махнула хвостом двум русским голубым: «И вам, сестры, не хворать». На людях мы держались чинно. В машине стало ясно – Тиша нас более чем узнала. У неё голову снесло от радости. Безумица носилась по салону зигзагами. От жены – ко мне, потом на заднее сиденье. И снова к нам, оставляя повсюду шлейф золотых волос. Не чесали, бездельники, – подумал я. Внезапно Тиша испустила победный крик: «Уррмяурр! Это моя семья! Мы едем домой! Господи, мамочка, как же я соскучилась!!»

Она бросилась жене на шею и страстно укусила в щёку. Авто едва не увело на встречу, по которой мчался грузовик.

– Обабдели?! – взвизгнула жена. – Забери немедленно!! Чуть аварию не сделала...

– Зато бы умерли все счастливые, – выдохнул я, отдирая приёмную дочь от мамыши, – а главное, в один день.

Часы из России

- **Ч**то тебе прислать, сынок? – мамин голос в трубке снова звучал как чужой. Тихо, едва ли не грустно. Хотя речь шла о моём юбилее. Сорок лет вроде бы. Говорю «вроде бы» не из кокетства. Я запретил себе думать о возрасте. Настолько успешно, что подолгу сомневаюсь, заполняя всякие анкеты. Любая цифра больше тридцати кажется мне подозрительной.

Зеркал я избегаю, бреюсь на ощупь. Близорукость – опять-таки плюс. А если мельком отразится чья-то унылая физиономия, так это мой старший брат. Я всегда хотел старшего брата.

– Здорово, – он всматривается, якобы давно не виделись, – как сам?

– Я-то хорошо. А вот ты?

– Да болею...

– Чем?

– Всем понемногу.

– Пить бросай. И жрать. И пластику сделай, наконец. Щёки вон развесил, как сенбернар.

– Да пошёл ты! – он поворачивается спиной.
Уходит.

И пусть катится. Не о таком брате я мечтал.

«Сынок» – не мамина лексика. Это она к пенсии расслабилась. Раньше не выносила телячьего сюсюканья. «Болтать о чувствах легко, – говорила она, – настоящее проверяется делами. Только делами». И она со мной натворила этих дел. Полжизни разгребая.

– Часы, – неожиданно ответил я. – С механическим заводом. Здесь таких нет – все на батарейках. А там у вас, может, остались.

И сразу понял, откуда это. Родители подарили мне часы на окончание института. Я с ними работал в двух школах. А перед третьей – обронил, кажется, в Ялте. Правда, необходимость в них тогда отпала. Учитель чувствует время, плюс-минус три минуты, – даже бывший. Хотя я думаю, что бывших учителей не существует. Как, например, бывших шпионов. В каком-то смысле учитель – тоже шпион. Иногда проснись ночью и знаю, что на дисплее 3:33. Или 4:44. Смотреть тошно.

Горе дитю, зачатоу в семье перфекционистов. Мой отец, интроверт, улучшал только себя. А мама – всех. Четвёрка по любому предмету считалась у нас дома недоразумением и тщательно анализировалась. Но и за пятёрки меня не хвалили – как за итог ожидаемый и безусловный. «Выше требования к себе,

– твердила мама, – запомни это. Выше требования к себе». Вздыхая, она рассказывала о замечательных детишках сослуживцев и подруг. Лёша – круглый отличник, идёт на медаль. Таня – умница, абсолютный слух – поступает в консерваторию. Дима бегло читает по-английски, готовится стать военным переводчиком. Миша – чудесный хирург, звали в Италию – не поехал. Молодец, не бежит от трудностей. Захар – такой надёжный, всегда поможет, отладит, исправит, доведёт – хоть ночью его позови.

Я был хуже их всех. Комплекс неполноценности вбивался мне в голову шестидюймовыми гвоздями.

В седьмом классе я понял: надо что-то менять. Для начала бросил опостылевшую музыкальную школу. Записала меня туда понятно кто. Мама бледнела от гордости, когда я с отвращением исполнял что-нибудь для подвыпивших гостей. Или на очередном концерте – деревянный от волнения и нового костюма. О, эти ненавистные концерты...

Заданий в обеих школах с годами прибавлялось. Ко мне почти не ходили друзья. Я стал непопулярен. Авторитетом пользовались мастера футбола и хоккея. А также умельцы начистить кому-нибудь репу. Чуть ниже котировались модные шмотки, импортные сигареты и амурные успехи. Игра на пианино отсутствовала в этом списке. Вернее, находилась в области минусовых величин. Однажды я сказал – хватит. Первый раз.

Затем начал хуже учиться. Из-за конфликта с математичкой получил две тройки в аттестате. После выпускного ходили бить ей окна. Жаль, не попали – всё-таки четвёртый этаж. Любопытно, что сейчас я зарабатываю математикой на хлеб и колбасу.

Одновременно я стал понемногу выпивать. В институте продолжил это дело с опасным энтузиазмом. Зависал в общагах у друзей, прогуливал лекции. Балансировал на грани отчисления. Регулярно забывал имена своих девушек, что их, как правило, не смущало. Естественно, связался чёрт знает с кем. Одна моя пассия из деревни Кошки носила сельповское имя Зина. Или Клава, не помню. Название деревни меня заинтриговало. Я даже побывал там. Отец Клавы (или всё-таки Зины?), приняв меня за жениха, напоил самогоном до изумления. Вернувшись, я злорадно объявил маме, что женюсь на Клаве.

Старшекурсником я избегал дома неделями. Подрабатывал ночным сторожем. Получив диплом, распределился в немыслимую глушь.казалось, только дистанция способна исцелить агонизирующие отношения с родителями. И ещё, может быть, время. Так и случилось.

Вскоре я осознал, что кроме расстояния важно ещё и направление. Протрезвел, одумался. Уехал в Москву. Получил второе образование, красный диплом. Поступил в аспирантуру. Сообщил об этом маме по телефону. Она сказала:

– Хорошо. Как у тебя с деньгами?

– Погоди, мам, ты не поняла. На курсе сорок человек, и только у меня диплом с отличием. В аспирантуру конкурсу сумасшедший...

– Ну и что? – перебила мама. – Так и должно быть. Ты же мой сын.

За целую жизнь – совместно и врозь – она удивила меня дважды. Первый раз – когда узнала, что мы собираемся в эмиграцию. Я готовился к обвинениям в поиске лёгких дорог и низких требованиях к себе. К словам «ренегат», «отщепенец» и «крыса». Мама произнесла что-то совершенно неожиданное: «Уезжайте, пока выпускают. И побыстрее. Я помогу, если надо денег или бумаги какие ускорить». Мы с женой озадаченно переглянулись. Мама добавила: «У этой страны нет будущего. А там хоть какие-то шансы. Бог даст, поживёте как люди».

Незадолго до этого окончательно развалили авиационный завод, где мама трудилась сорок лет. Последние двадцать – старшим экономистом. Шустрые мальчишки, незаметно вставшие у руля, перефилировали завод на изготовление газокачалок. Мама собралась на пенсию. Но её уговорили поработать в той же должности ещё немного. Поскольку ни в чём, кроме дележа украденного, новые хозяева не разбирались. И доделались – завод погиб. А она была хорошим специалистом и всё понимала, конечно.

Второй удивительный разговор случился через двенадцать лет. Мы ужинали в кафе на Рио Сан-Моизе. Мама рассказывала о знакомых из прошлой жизни. Тот женился, другой развёлся. Третий опустился – поднялся – умер... Я спросил, где примерные дети её сослуживцев. Ну, эти: Таня, Дима, Захар... Лёша.

Оказалось, что Лёша – кавалер двух медалей, надежда советского авиапрома – вдруг остался не у дел. Исчез авиапром. Лёша потыкался туда-сюда, одна фирма, вторая... Свой бизнес. Пролетел, насилиу отдал долги. Взяли по знакомству начальником автомойки. Владелец сети – одноклассник Лёши, бывший хулиган и двоечник Мамаев. Уважаемый человек, меценат.

Таня, выпускница консерватории, сменила трёх мужей. Пела в ресторане, имела успех с вытекающими... От ночной жизни стареют быстро. Сейчас играет на парходах, фуршетах, банкетах. Иногда поёт в церкви.

Дима не стал военным переводчиком – завалили на экзаменах. Работал в Интуристе. Торговал учебными кассетами. Последнее время эскортирует богатеньких детишек в Лондон и там их гувернирует. Случается, бегают им за пивом.

Миша-хирург вообще отчудил. Женился на тётке с двумя пацанами. Она ему мигом сочинила ещё пару девочек. Взяли ипотеку. Дети едят макароны с картошкой. Жена – Мишину печень. Миша режет и шьёт, как портной-стахановец. И

сильно жалеет, что не поехал в Италию, когда звали. Больше почему-то не зовут.

А Захар? Такой же молодец на все руки. Соседи не нахвалятся. Чинит, помогает, лудит, паяет. Только где работает и кем – неизвестно. Деньги получает в конверте.

Я не выдержал.

– Что, – говорю, – мам, я всё ещё хуже них?

– Ну, зачем ты, – ответила мама, глядя в бокал, – нет, конечно. Я... Просто мне казалось, что ты способен на большее. Но жизнь так или иначе расставляет нас по своим местам. Внешнее давление бессмысленно. Ты всё правильно сделал.

И она с благодарностью взглянула на мою жену.

– Мы, – сказала жена.

– Что?

– Мы всё правильно сделали.

– Да, да. Конечно.

Стемнело. Вдоль канала замерцали тёплые огни. Выпорхнул ресторанный женский смех, двинулись тени официантов. По чёрному маслу воды скользнули на парковку три гондолы. Гондольеры перекликались усталыми голосами. Я думал о том, как важно, чтобы родители жили долго. До того времени, когда и они, и мы станем умными. И поздно чего-то доказывать, обижаться, считать взаимные долги. Хочется только прощать и любить. Если не забыли – как.

Разумеется, мама выслала часы заранее. Но – давно стих юбилей, отшумели тосты. Бутылка из-под шампанского наполнилась окурками. Посылка всё шла. Вдруг мама звонит. Часы вернулись обратно. На упаковке что-то вроде «адресат не обнаружен».

– Мам, – говорю, – ты скопируй это и факсани мне. И вышли ещё раз. Это дорого? Денег отправить?

– Не суетись. Давай лучше сверим адрес.

Мама шлёт часы вторично. И... всё повторяется до единой буквы. Приходит факс. Где снова под нашим адресом штамп: «addressee not known».

«Fuck. Fuck...» – бормотал я, отыскивая в жёлтых страницах почту Новой Зеландии. Минут десять слушал автоматические голоса и классику на рояле. Исчерпав запасы английского мата, перешёл на отечественный. На любые вопросы автоответчика повторял:

– Требую личной встречи с начальником.

– Он в командировке, – сказал наконец чуткий женский голос.

Интересно, куда и зачем начальник почты ездит в командировки?

– Требую личной встречи с замом. Ведь у него есть зам?

– Есть. Зачем вам личная встреча?

– Вот это мы с ним и обсудим.

– Мне необходимо зарегистрировать...

– Хорошо. Я хочу пожаловаться на отвратительную работу вашего учреждения.

– Напишите письмо.

– Трижды писал, – соврал я. – Послушайте, в чём, собственно, дело? Почему ваши начальники скрываются от людей?

– Завтра в десять подойдёт?

Без пяти десять я ехал в лифте стеклобетонной высотки. Лифт тоже был стеклянный. На каждом этаже в маленьких прозрачных боксах, согнувшись, трудились клерки. Возможно, дизайнер здания хотел подчеркнуть, какой тут открытый и честный народ.

Из-за стола встал крепкий человек в расстёгнутом пиджаке, без галстука. Приветливое, слегка мясистое лицо, нефальшивая улыбка. Мне расхотелось скандалить.

– Томас, – он протянул руку.

– Макс.

– Присаживайтесь. Чем я могу вам помочь?

Рассказывая, я выложил перед ним факсы. Томас внимательно изучил каждый.

– Невероятно, – произнёс он наконец. – Один раз – и то редкость. Но дважды подряд... У вас адрес не менялся?

– Нет, – я протянул ему счета за электричество, телефон и воду. – И почтовый ящик надёжный. Кроме того, зачем воровать извещение, по которому без паспорта ничего не дадут?

Томас помассировал затылок и шею.

– И всё-таки это очень странно. Ладно, будем разбираться. А вам сообщим о результатах.

Он мельком глянул на часы. Неслабые, кстати, часы. Это решило дело. Я широко улыбнулся и сказал:

– Мне ваши разборки ни к чему.

Замначальника поднял брови.

– Чего же вам надо?

– Компенсацию, естественно. За финансовый и моральный ущерб. Долларов пятьсот меня устроит.

Томас покачал головой.

– Нет. Здесь так не делается. Мы не частная контора, и...

– Я понимаю, но...

– Послушайте...

– Нет, это вы послушайте. Наша семья обычная, можно сказать, бедная. Директоров нету и замов тоже. И гонять посылку туда-сюда нам, знаете, дороговато. Из-за того, что ваша почта работает, как задница. Теперь моральный аспект. Маме семьдесят лет (я прибавил ей четыре года). Она мне шлёт подарок к юбилею. И дважды получает его назад. Дважды! У неё стресс, а в её годы... – мой голос дрогнул. – Вы понимаете, что может случиться?

Демагогию такого порядка новозеландцы воспринимают болезненно. Томас стал похож на человека, заглотившего несвежую мидию.

– Подождите, – выговорил он, – сейчас...

На столе возникла стопка конвертов, перетянутая бумажной лентой. Конверты были междугородные: опоясаны сине-красной зеброй. И штамп «Оплачено. Почта Новой Зеландии».

– Вот, – сказал Томас, – сто писем бесплатно. В любую точку мира. А посылку вашу буду контролировать лично. Вам её под роспись доставит курьер.

Часы оказались совсем простые. Скромнее, чем я ожидал. Циферблат без излишеств: 3-6-9-12. В центре кораблик и самолёт. Кожаный ремешок. Мой друг Саша, пластический хирург, обладатель коллекции Ролексов, застенялся бы таких даже наедине с собой. А мне нравятся. Всё-таки пять раз летали через океан.

Иногда я думаю: был ли какой-то смысл в этих перелётах? Или просто ошибка, случай. Но ведь случай – это псевдоним Бога. Не помню, кто сказал, однако мысль занятная. Отчего мамин подарок так упорно избегал меня? Почему именно часы? Хитрая машинка, крадущая наше время. Крадущая нашу жизнь. Я вспоминаю любимый рассказ Стивена Кинга... Хорошо. Допустим, у меня раздвоение личности и я сам уничтожил оба извещения. Но хочется понять – зачем. Зачем оно этому второму?

Не даёт ответа.

Часы до сих пор лежат в моей тумбочке у кровати. Раз в год я их завожу. Они тикают – чуть слышно, едва ли не грустно.

Срез

Отвратительно холодный день. Излишне много снега, чёрного леса и галдящих подростков. Соревнование восьмых классов по лыжам. Обычно мне удаётся закосить от подобных мероприятий. Увы, не всегда. К лыжам я более чем равнодушен: по-моему, это спорт для недоумков. Работают конечности, думать необязательно. Да и трудно это на холоде. Кроме того, с детства нервничаю, если ко мне что-то прицеплено, даже часы. Не говоря о спортивном инвентаре.

У меня вообще непростые отношения с физкультурой. А с чем у тебя простые отношения? – спрашивает внутренний голос, напоминающий голос моей жены. Ответить мне нечего. Я не люблю групповые игры: товарищи по команде часто и не всегда цензурно критикуют меня. Например, за то, что в футболе я избегаю ударов головой. Не могу подставить голову под тяжёлый, грязный мяч. Единоборства тоже не вдохновляют. Брезгую

контактировать с посторонним вонючим телом. Особенно если в контакт вступает моя челюсть или глаз. Короче, с физкультурой у меня не сложилось. Если не считать быструю ходьбу на работу. И ещё быстрее – назад.

Итак, лыжный кросс. Среди фаворитов гонки – мои друзья Яцек и Юденич. Отличник Аркадий Яцековский и Серёга Юдин, четыре пишем – три в уме. Оба крепкие ребята и упёртые спортсмены.

Стартовали с интервалом в минуту. Вскоре спина предыдущего участника исчезла за деревьями. Сзади никого. Тишина. Я, не торопясь, скользил по трассе, отмеченной красными флажками. Мечтал о том, как закончатся эти пошлые соревнования. И я вернусь домой, где жаркие батареи. Котлеты с макаронами. Горячий сладкий чай. А ещё диван и плед. И детектив Юлиана Семёнова, взятый до послезавтра.

Но вот запыхтел кто-то сзади. Хэх-ха! Хэх-ха!.. Оборачиваюсь: Яцек ломится, как подорванный. «Лыжню! – орёт издалека, скорость терять не хочет. – Лыжню!!!» Да ради Бога. Только мысли сбил, блин. О чём я думал? Да, хорошо бы срезать как-нибудь...

Вдруг замечаю сквозь деревья просвет. Поляна – километра три в обход, не меньше. Это если по трассе. А если срезать в узком месте... Вон лыжня пошла на срез. Метров триста! Однако кто-то там стоит: похоже, наблюдатель. Присмотрелся, а это

Лёха Белешов из класса «В». Двоечник и балда, но человек хороший. Он меня тоже узнал.

– Здорово, – говорю, – Беяш. А ты что не бежишь?

Он широко улыбается, подмигивает.

– А я вчера лъжу сломал. У тебя курить есть?

Поколебавшись, достаю «Мальборо». Я тогда фарцевал американскими сигаретами. Покупал у двоюродного брата оптом. А в школе торговал в розницу, иногда поштучно. Имел две пачки с блока.

Беяш прикурил, с удовольствием затянулся. В воздухе зависло ароматное облачко. Я позавидовал ему, но сдержался.

– Ты меня не видел, окей?

– Ясен пень.

На втором круте опять завернул к Беяшу. Лёха обрадовался – тоскливо стоять без дела.

– С тебя ещё «Мальборо», – говорит.

– А ты не обкуришься?

– Не боись.

Отошли с ним в кусты, перекурили. Он рассказал якобы новый анекдот про Брежнева. Я притворно усмехнулся. Затем вернулся на трассу. То есть опять срезал.

Несколько человек меня обогнали. Потом слышу: ийих-а, ийих-а! Яцек мчится – глаза выпученные, и пар от него идёт. Последние силы отдаёт, бедняга. Снова орёт: «Лыжню, ийих-а! Лыжню!!!» И не вникает, что мы это уже проходили. А ведь отличник. Вот до чего спорт доводит.

На финишной прямой меня легко обошёл Юденич. Он и занял первое место. Второе – Яцек. А третье – обалдеть! – я. Физрук долго и недоверчиво смотрел на хронометр. Потом на меня.

– Хм... Значит, можешь, Неволошин, когда захочешь. Ты не срезал?

– Нет. Вон спросите у Белешова.

– Не. Я б ему не дал, – честно говорит Лёха.

Я ловлю на себе подозрительный взгляд Аркаши Яцековского. Он пытается что-то сообразить. Но он слишком устал.

Об этом давнишнем случае мне напомнил странный сон.

Фиджи. Plantation Island. Вода слепит, как фальшивый бриллиант. С берега веет рестораном и тропическими цветами. У пристани десяток частных яхт. На них – загорелые, худые люди без возраста. Не знающие, какой сегодня день недели, месяц, год. Единственная забота – хороший ветер. Неужели я один из них? Нет... Да! Иначе откуда здесь моя жена – в пезлонге, с бокалом в руке? Спасибо тебе, Господи.

На соседней яхте возится с парусами типичный морской волк. Коричневый, сухой. Блондинистые волосы падают на лоб. Он пристально смотрит на меня. И вдруг я понимаю, что это Лёха Белешов. Беляш.

– Здорово, Лёша, – то ли вслух, то ли мысленно произношу я, почему-то я не смог назвать его Беляш.
– Ты меня узнал?

– Конечно, узнал.

Он улыбается, протягивает руку.

– Что ж ты не спрашиваешь – откуда я, почему здесь?

– А я про тебя всё знаю. Закурим?

Он лезет в карман шорт. И я догадываюсь, какие вот-вот увижу сигареты.

И просыпаюсь.

Замок леди Маргарет

Мягкий перестук копыт в тумане. Холодный пар укутал всадника и лошадь так, что казалось, они движутся по реке. Оба хорошо знали дорогу. Ещё поворот, и справа нависла тёмная глыба замка. Всадник, задрав голову, издал негромкий свист. Лошадь тихонько заржала, предчувствуя отдых. Высоко на стене показалась фигура лучника.

– Эй! Опустите мост! – крикнул всадник.

– Кто такой? – раздалось в ответ.

– Айвэн Скэйнс! Адъютант графа Джаспера Тюдора. Срочное письмо для миледи.

Громыхнули цепи. Рывками, скрипя, будто нехотя, опустился мост. Ворота оставались неподвижны. Приехавший склонился, нетерпеливо ударил о дерево чугунным кольцом. Тяжёлый, беспокойный звук. Бдэмс! Бдэмс!! На уровне седла отворилась амбразура.

– Пароль! – кашлянули изнутри.

– Какой пароль, болван, гляди сюда! – Айвэн Скэйнс ещё раз наклонился. – Узнаёшь?

– Простите, ваша милость. Сейчас...

Привычные запахи хлеба, нечистот, ко-
стра. Сиплые петушинные крики... Гонец не-
ловко спешил. Бросил одному из стражников
поводья.

– Позаботься о коне. Он скоро мне понадо-
бится. И ещё: приготовьте карету миледи, лоша-
дей, три человека охраны...

– Мы вам не подчиняемся, – хмуро ответил
тот, – нужен приказ графа или...

– Выполнять! Будет приказ.

Прихрамывая, разбрызгивая лужи, Айвэн
Скэйнс направился к господской башне.

На стук отворила горничная.

– Разбуди госпожу, да поскорей!

– Уже встали. Одеваются.

– Белинда, кто там? – спросил женский голос
из-за двери.

– Господин Скэйнс.

– Впусти.

Небольшую залу освещали три свечи и ка-
мин. В нервных бликах фигуры на гобеленах ка-
зались живыми. Из спальни быстро вышла очень
молодая, худая женщина. Атласный халат до зем-
ли, жёсткое, упрямое лицо.

– Миледи... – визитёр почтительно склонил
голову. Затем, расстегнув камзол, извлёк влажный,
чуть помятый свиток. – Вот.

– Здравствуйте, Айвэн, – женщина взяла пись-
мо. – Что, плохие новости? Мы разбиты?

– Увы. Вам и ребёнку следует немедленно уезжать. Я велел заложить карету. Конница Чёрного Уильяма будет здесь ещё до полудня, и тогда...

– Вы, наверное, голодны?

– Не знаю. Не время теперь... Читайте же скорее!

Миледи оторвала печать с шестью львами, развернула свиток. Узнала руку единственного человека на свете, которому могла доверять.

Дорогая Маргарет!

Вчера Господь и удача оставили нас. Мы разбиты, отрезаны от замка и вынуждены бежать в Шотландию. Неприятель едва ли станет нас преследовать. Уильям Герберт двинется на Пембрук, который теперь – лёгкая добыча. Кроме того, мерзавец не хуже нас понимает значение Вашего сына. Лишь с его и Божьей помощью возможно освободить несчастное королевство от мошенника, захватившего трон. Мы обязаны спасти Генри! Уезжайте из замка без промедления! Айвэн знает сохраннный путь в расположение наших войск. Затем мы найдём способ переправить Генри во Францию. Спешите, и да поможет Вам Бог!

Преданный Вам

Джаспер Тюдор

Пембрукишир, Сентября 4, года 1461 от Рождества Христова.

Леди Маргарет бросила свиток в огонь. Помедлив, он неярко вспыхнул. Гость смотрел выжидающе.

– Всё ясно... – произнесла женщина. – Благодарю вас, Айвэн. Белинда!

– Да, госпожа.

– Мы сейчас уезжаем... надолго. Собери вещи, еды в дорогу. Разбуди Генри, одень и... Нет, я сама.

– Я спущусь, проверю лошадей, – кивнул гость, – и отправлю кого-нибудь за багажом.

В полумраке спальни леди Маргарет отодвинула балдахин. Из-под шёлкового, расшитого цветами одеяла виднелась макушка её сына. Она погладила мягкие волосы.

– Генри, пора вставать.

Ребёнок шевельнулся, сонно пробормотал:

– Ну, почему, мама? Ещё ночь...

– Нет, уже рассвело. Слышишь, петухи кричат? Сейчас оденемся, умоемся и поедем к дяде Джасперу. Ты ведь скучаешь по дяде?

Одеяло чуть сдвинулось, показались круглые глаза.

– На войну?

– Нет, просто в гости. Война закончилась.

– Мы победили?

– Конечно.

Снаружи гнусаво продудел рог. Послышался стук колёс, голоса. Туман дотлевал. Над цитаделью прощально трепетал малиновый с золотом штандарт Ланкастеров.

– Нет, пока это слабо, – моя жена взглянула поверх ноутбука.

– Стилистически?

– Исторически. Маргарет Бьюфорт уехала из Пембрука задолго до его взятия Йорками.

– Странно...

– Зато точно. Вышла замуж и – фэйти – уехала.

– То есть бросила сына? Но википедия говорит...

– Википедию сочиняют дилетанты. Читай серьёзных историков: Лоудэ, Андервуда, Джонса. Кстати, «миледи» её стали называть не раньше 85-го года. Есть и другие ошибки: чугунные кольца, шесть львов...

– Львы-то чем провинились?

– Тем, что это леопарды.

– Хм... А кольца?

– Кольца, если хочешь знать, прикрепляли высоко. Именно для удобства всадника, а пешему – еле дотянуться. Хотя колец на воротах Пембрука не было.

– Как не было? Да я сам их видел!

– Тем более сомнительно. Помнишь, смотрели какой-то детектив? Серий двадцать. А через месяц ты включил его и говоришь: у, классный новый сериал.

– Допустим, но это художественный текст, и автор...

– Тогда замени имена.

– Ладно, подумаю.

Я учусь не возражать жене по мелочам. С годами мелочей становится всё больше, и это правильно.

Примерно так же вёл себя мой отец. В юности я считал его подкаблучником. Теперь понимаю: умный родитель экономил обоюдное время и здоровье.

В университете жена защищала диплом по каким-то инновациям Генриха VII. Позднее заинтересовалась личностью королевы-матери Маргарет Бьюфорт. Судьба леди Маргарет, одной из главных фигур войны Алой и Белой розы, интриганки, умницы, напоминает затейливый киносценарий. Сомнительный год рождения, неточное количество мужей, участие в бесчисленных дворцовых заговорах. И наконец – триумф. На поле сражения при Босуорте корону, упавшую с мёртвого Ричарда III, возлагают на её сына Генриха Тюдора. При огромном влиянии матери на короля это означало её фактическое главенство над страной.

Уэльский замок Пембрук, где родился основатель династии, моя жена изучила лучше, чем собственную косметичку. Думаю, она смогла бы водить по нему экскурсии с закрытыми глазами. Тем не менее ей хотелось побывать там с открытыми. Я воспринял идею кисло. Полдня тащиться в сельскую глушь, делить с клопами захолустный мотель, чтобы осмотреть какие-то развалины... В итоге любовь победила. Но вот парадокс. Думая об этой поездке, я вспоминаю не галдѣж европейских столиц. Не итальянскую Ривьеру, забитую телами, как дачный автобус. Но уютный антикварный городок, который тянется вслед замку, будто мантия. Цветные дома, «три улицы и вода».

В двенадцать подъехали к Swansea. До этого в окне часами ускользали пригороды Лондона. Бесконечные пакгаузы, депо, мазня граффити, сегменты жилых кварталов. Затем я увидел станцию Bristol и понял, что это уже не Лондон. Изменений за стеклом не произошло. Чуть погодя мелькнуло слово Newport. Следом почти знакомое – Cardiff. И вот Swansea – пересадка, шесть минут. Мы заранее отволокли багаж в тамбур. Приготовились к броску. Мало ли куда бежать до нужного поезда. Поезд оказался строго напротив, включая двери.

– Удобно, – сказал я, – почти Германия.

– Или Япония, – добавила жена.

Новый состав выглядел игрушечно и мило, как паровозик из Ромашкова. На каждой станции он весело покрикивал. Снаружи распускался пасторальный ландшафт. Модельно стриженные поля. Стога цилиндрической формы в безупречном порядке. Вдали покачивались замшевые холмы, аккуратно объединенные мелким рогатым скотом.

– Как у нас в Тасмании, – заметил я.

– Или у нас в Зеландии, – откликнулась жена.

Картинка внушала чувство оптимизма. Я задумался о том, какие разные эмоции может вызвать сельский пейзаж. В России – печаль с мазохистским оттенком, в Тайланде – философскую безысходность. Здесь – желание остаться и немедленно стать фермером.

Внезапно жена воскликнула:

– Смотри – замок! Точно – это замок!!

Она выхватила «Никон» быстрее, чем Клинт Иствуд револьвер. Прозвучала серия метких выстрелов.

– Интересно, – машинально ответил я.

– Да куда ты смотришь?! Вон он! Уже проехали...

– А-а...

На горизонте исчезало погрызенное жизнью строение.

– Что «а-а»? Снова забыл очки.

– Близорукость – лучший способ эскапизма.

– А я думала – склероз.

Кстати. Я тут узнал, что имею нечто общее с Цветаевой. Не талант, слава Богу. Говорят, Марина страдала близорукостью, притом редко носила очки. Ей хотелось видеть мир нечётким и дорисовывать его по-своему. В слабом зрении есть и другие преимущества. Я давно ими пользуюсь. Например, размываю ненужные лица. Не здороваюсь с кем попало. Точнее, киваю едва заметно на всякий случай. А главное – не вижу реакции. Хорошо также сесть в неправильный автобус. Уехать в незнакомые места. Насладиться приключением. И опоздать на работу по уважительной причине. Мир не так уж совершенен, чтобы видеть каждую его подробность. У меня в голове хватает чем полюбоваться. А необходимые люди и предметы – они ведь рядом. Их по-любому разглядишь.

Замок Пембрук упустить из виду было невозможно. Он возник на изгибе дороги, узнаваемый и стильный, точно эндшпиль какой-то заоблачной шахматной партии. И тотчас, будто подразнив, скрылся. Зато появилась одноимённая станция. Мы заколебались: выходить? Или ехать до конечной Pembroke Docks, что советовал путеводитель? Вышли на конечной и сразу поняли – ошибка. Ничего похожего на Мэйн-стрит, ведущую «пять минут обычным шагом» к нашей гостинице. Безлюдная площадь. Сонная парковка. Всё не так.

– Надо было раньше выходить, – подтвердил служитель в униформе, – здесь у нас порт. Паром в Ирландию. Обратный поезд вечером. Попробуйте автобусом, вон остановка на углу.

Расписание отсутствовало.

Рядом я увидел лавочку «Всё необходимое». Ассортимент деревенских магазинов примерно одинаков в любой части света. Чипсы, консервы, лимонад, батарейки... Блестящие резиновые сапоги... За прилавком апатичный юноша смотрел в газету. Я сконструировал широкую, дружескую улыбку.

– Привет, здесь автобусы ходят вообще?

Он без любопытства поднял глаза.

– Вероятно.

– А когда следующий?

– Без понятия.

– Ну, примерно? Час или десять минут?

– Час, – кивнул он, – или десять минут.

Вдруг смотрю – жена машет с улицы. Такси поймала!

Не стесняясь «фефектов фикции», водитель оказался разговорчивым:

– Из Европы?

– Из Австралии.

– Ого! И чего вас занесло в такую даль?

– Как чего? – изумилась жена. – А замок?

– А... ну да.

Это напомнило мне давний случай. Прилетаю в Ялту к хорошему знакомому. Обнялись, то-сё. Он говорит:

– Значит, план такой. Сейчас в ресторан, потом на дискотеку. И – по бабам.

– Погоди, а море?!

– Море... – друг поскучнел. – Не, это без меня.

Тем временем жена на удивление бегло допрашивала таксиста. Я особо не вникал, понимая его через слово.

– На что, – слышу, – живёте, ребята, в такой глуши?

– Газохимический комплекс. Порт, фермы... Ну и туристы, – заученно перечислил шофёр. – Щас, кстати, замок будет.

Он появился за мостом. И снова цельность впечатления немедленно исчезла. Громадина заслонила половину лобового стекла. Пронеслась мохнатая кладка стены, настолько близко, что верха не

увидеть. Мы свернули на главную улицу. Впереди позировала красная башня с часами. По сторонам – разноцветные коттеджи и такие же яркие палисадники. Пешеходная мостовая теснилась вдоль домов. Ощущение магазина игрушек нарушал плотный трафик дорогих автомобилей.

Где это я читал?

«Маленькие зелёные города,

В которых всего три улицы и вода...»

Наша гостиница оказалась тёмно-зелёной с белыми ставнями. Портъе, он же хозяин, напоминал таксиста, как двоюродный брат. Открытое, скуластое лицо бывшего школьного хулигана. И дефект речи одинаковый. Я понял, что это местный акцент. Сразу вспомнилось новозеландское языковое раздолбайство. «И» на «е» там меняют произвольно на усмотрение собеседников. Отличить «six» от «sex» можно только на ощупь. С австралийским диалектом полегче. Говорите, будто ваш нос зажат прищепкой. Например, «ай дайнт най» вместо «ай доунт ноу», и примут за своего. Кто-то объяснил мне, что большинство первопоселенцев, включая каторжников, страдали гайморитом. Уэльсцы (пардон, валлийцы) беседуют так, словно во рту у них чего-то не хватает. Или, наоборот, что-то лишнее.

Вообще, самый лучший английский – у нашей королевы. Когда баба Лиза произносит речь, теряется сама идея языка. Смыслы укладываются в мозгу

легко, как детсадовские пазлы. И сразу забываются, оставляя лишь эйфорию полной ясности. Не оттого ли её обожают подданные пятидесяти трёх стран?

Лицевое сходство – это отдельная увлекательная тема. Я сейчас не о китайцах. Прилетаем как-то в Барселону, взяли такси. За рулём – кто б вы думали? Знаменитый теннисист Рафаэль Надаль, хоть автограф бери. Тормозим на светофоре, глядь, а в соседней машине – он же! Прямо сцена из «Бриллиантовой руки».

– А... а?

– Так надо.

Другой случай. Летели в Тасманию. Выходит стюардесса, акцент южный, тянет гласные в конце фразы. Внешне – один в один принцесса Мэри Датская. Она же бывшая тасманская рекламщица Мэри Дональдсон, удачно встретившая принца Фредерика у барной стойки. Даже выражение лица похожее. А оно у принцессы не меняется со дня замужества: «Ни хрена себе, и как это меня угораздило?!»

С русскими сложнее, много понамешано. Меня за двадцать лет эмиграции вычислили только раз. Причём одет я был не в треники и ушанку со звездой. Приехал на конференцию, место незнакомое. Вышел из зала, ищу туалет. Навстречу парень в комбинезоне с ящиком инструментов. Вдруг он спрашивает:

– Что-то потерял, земляк?

Я ошалел секунды на три.

– Ты как, – говорю, – догадался?

– По морде, естественно, как же ещё?

Портье сказал, что наша комната – лучшая в гостинице. Смысл этого выяснился позже. Остальные номера располагались либо над рестораном, где туристы братаются с местными до полуночи, либо над кухней, гремящей посудой с четырёх утра. Багаж донести не предложили. Загадочные лестницы поднимались, спускались и опять карабкались наверх. На поворотах чемоданы царапали узкие стены. Казалось, что замок уже начался. Наконец мы достигли комнаты 308. Обои в полоску, мебель годов семидесятых, эркер с широким подоконником.

Мы использовали его как обеденный стол. Я сгонял в магазин напротив. Купил хлеба, сыра, помидор. Радостно удивился, обнаружив баночное пиво «Монарх». С конца девяностых не видел.

– Возьми с собой, если не терпится, – заявила жена, – мы сюда не распивать приехали. Быстро пошли в замок!

Подожли минут за восемь до закрытия. Внутри уже не пускали. На самом деле это была удача.

Если вам доведётся увидеть Пембрук (а это неминуемо после моего рассказа), начните осмотр замка снаружи. Покружите по его орбите. Оцените его высокомерие. Восхититесь мастерством зодчих: утёс переходит в кладку стен почти незаметно.

Цитадель естественно растёт из пушистых глыб, непролазного кустарника и скалы над водой.

Мы перешли реку. Жена занялась фотосъёмкой против солнца. Дело это неспешное и хитрое. В результате башенные зубцы светятся, точно ореол или корона. Я видел десятки фотографий Пембрука в интернете, однако таких шикарных – никогда. Многие думают, что сделать хорошее фото – это нащёлкать полусотню кадров и выбрать один. Нет, ребята, – это знание, терпение, мастерство. Ну и удача – последний компонент гениальности.

Я уселся на тёплый камень, хрустнул банкой, закурил. И стал медленно думать о замке. Я видел домонгольские храмы Золотого кольца. Кижы и Валаам, монастыри Барселоны, Парфенон, «чудовищные рёбра» Нотр-Дама. Однако средневековый замок – это другое. Он воздвигнут не для жизни, религии, свадеб или прочих церемоний. Только для войны. А остальное – как получится. Единственная смутная ассоциация – Брестская крепость. Ещё лучше – старый танк, пахнущий смертью и железом. Один знакомый вспоминал: «Мне пять лет, я спускаюсь в люк башни подбитого танка. Ствол его пушки опущен вниз. Тишина, запах горелого металла и холодной ржавчины. Сажусь в неудобное, тесное кресло водителя. Перед глазами смотровая щель...»

В замке трудно жить и двигаться, настолько он функционален. Главная его цель – морально, а если надо – физически давить тех, кто снаружи. А вторая – защитить тех, кто внутри.

Мы забрались чуть выше, на плоскогорье, и обнаружили кладбище сельхозтехники. В траве лежали динозавры-комбайны. Ржавели отпахавшие свои бороны, культиваторы, плуги с вросшими в землю лемехами. Отражали небо подбитые глаза тракторов без шин. Вдали неясно различалась ферма, паслись три лошади. Тёмная масса замка шевелилась в рябой воде. Меня накрыла предзакатная тревога. Мы поспешили домой.

Утром в ресторане заказали овсянку. Овсянка – замечательная каша, если её верно приготовить. Один из немногих здоровых продуктов, которые я люблю. В основном мне нравится еда вредная: пельмени, беляши, сервелат под коньячок. Как-то незаметно обычные блюда стали праздником. Банальную жареную картошку я позволяю себе три раза в год. Вкусное – нельзя. Очень вкусное – категорически нельзя. Овсянку – можно.

Известно пристрастие к этой каше англичан, равно как и скептицизм остального мира. Сразу вспоминается: «Овсянка, сэръ!»... – и брезгливая физиономия «канадца» Михалкова.

На самом деле английская овсянка – чудесное лакомство. Главное – цельные зёрна, хорошая вода и немного соли. Британцы не варят кашу на молоке, не кладут при готовке сахар. Ещё один секрет – каша делается медленно. Хорошее качество и спешка вообще несовместимы. Настоящая овсянка готовится на маленьком огне. Её нужно постоянно

мешать, а соль добавить только в конце варки. Тогда она получается нежной, без комочков и вкусной, словно торт.

Именно такую кашу нам сотворили в отеле «Old Kings Arms» городка Пембрук. Я оросил свою порцию льняным маслом. Жена добавила мёда.

– Спасибо, – говорит, – и два кофе. Соевое молоко, плиз.

– Соевое?.. – метрдотель едва заметно поднял брови. – Попытаемся.

В окне мелькнула чья-то спина. Кто-то из obsługi пересёк дорогу. И быстро вернулся с пакетом соевого молока. Через несколько минут нам подали кофе. Завтрак удался.

Нет, это не пафосная фраза. Всякий общепит напоминает лотерею, в которую большей частью проигрываешь. Вот иллюстрация из той же поездки. После Уэльса мы оказались в Амстердаме. Хорошая гостиница: центр, балкон, вид на канал. По нему допоздна двигались плавсредства разных форм и величин. В одной лоханке группа нетрезвых юнцов завела на всю мощь «I Can't Stop Loving You». Люди на берегах, остановив велики, радостно подпевали...

Наутро в меню оказались исключительно тосты из белого хлеба и яйца. Жареные, печёные, всмятку и «мешочек», омлеты, глазуньи и болтуньи... А больше – ничего. Только ожирение, диабет и холестерин. Однако я из тех людей, которые

непрерывно подёргают дверь. Даже если написано «Закррито». Тем более когда висит замок.

– А овсянки нет? – спросил я, употребив привычный термин «oatmeal».

Официант меня не понял. В глазах его затаились тоска и лёгкая ненависть к туристам.

– Cereal... – подсказала жена.

Официант затравленно улыбнулся.

– Porridge! – вспомнил я.

– Это есть! – посветлел он. – Одну минуту, сэр.

– Две порции, – уточнил я ему в спину. И добавил, подмигнув жене: – Видишь, иногда двери открываются.

Вскоре несёт по ломтю жареного хлеба толщиной с книгу. И на каждой – два яйца пашот. Причём жене, как всегда, достались аккуратные. А у меня один желток лопнул и вытек с хлеба на тарелку. Не иначе шельмец вилочкой проткнул.

– Это нам? – удивился я. – Но мы заказывали porridge...

– Конечно, сэр. Roached eggs. Именно то, что вы просили.

Ем эти яйца и думаю: кто сваял большего дурака – он или я?

Наконец мы проходим в замок сквозь арку-туннель. С обоих концов – массивные ворота. Высоко над головой – острия двойной решётки. Я сразу понял, для чего она. Кто-то давит на рычаг, и взломщики имеют маленький сюрприз. Вдогонку им на

головы падают бульжники и льётся кипяток. Ворота стерегут трёхэтажные башни-двойняшки. В одной шестьсот лет назад Маргарет Бьюфорт родила будущего короля. Теперь на месте происшествия – сцена из восковых фигур. Роженица, младенец в люльке, две служанки. Признаюсь, сделаны они весьма коряво. Это вам не мадам Тюссо.

Внутреннее пространство замка нас разочаровало. Немного руин, одинокая главная башня, английский газон. Мало того, рядом с башней гремел школьный утренник. На передвижной сцене дурачились клоуны. Они старались перекричать музыку и детей. Зрителям, похоже, было всё равно: чем громче, тем кайфее. Чуть поодаль колыхался надувной батут. Там скакали, вопя, ребятишки помельче. Я бы сам на таком попрыгал, но в другом месте и обществе.

Ладно хоть туристов было мало. К полудню шумное действо закончилось. Наступила долгожданная тишина. Только в безмолвии можно услышать порохи прошлого. Только в безлюдье погладить старинные камни... Куда там! Через минуту нас атаковал эскадрон китайцев, до зубов вооружённых фото- и видеотехникой. Вероятно, их привёз автобус. Отовсюду зазвучала возбуждённая, мяукающая болтовня.

В тёмных коридорах ещё можно было с ними разминуться. У винтовых лестниц приходилось ждать. Люди осторожно спускались, хватаясь за железные перила. Навстречу им выстраивалась очередь.

– Здесь всё хитро, – объяснила мне жена, – лестницы закручены по часовой стрелке. Защитник, обороняясь, имел больше простора для размаха мечом. Атакующий снизу – меньше.

– Если не левша, – сказал я.

– Именно. Плюс неудобные треугольные ступени разной высоты. Чужаки, непривычные к ним, в полутьме, к тому же занятые схваткой, оступались, ломали шеи, тормозили других...

– Зверство, – согласился я, – ноги отнимаются. Может, хватит на сегодня?..

– А ты бочком иди.

В итоге мы обошли цитадель трижды: по земле, коридорам и верхней дозорной галерее. Поднялись на каждую башню. Оставалась главная – донжон.

– Высота около двадцати пяти метров, – комментировала жена (я украдкой вздохнул), – и шестнадцать – в диаметре. Стены у основания пять метров толщиной. Это же чудо средневековой архитектуры!

Мы шагнули в полумрак. Ощутили себя в колоде с захлопнутой крышкой. Несколько бойниц и стрельчатый проём в куполе едва освещали его. Захотелось крикнуть: «Ха!», но я сдержался.

– ...помещения для слуг и личной охраны, – говорила жена, – кухня с открытым очагом. Представь, здесь целиком жаривали оленей. Склады, тюрьма... – она указала на яму, закрытую решёткой. – На втором этаже – обеденный и приёмный

зал. Видишь, где балки из стены торчат. А всего этажей было четыре. Жаль, не сохранились. Пошли наверх.

В кладку въелась бело-зелёная плесень. В бойницах урчали голуби. Хлопали крылья, сизые перья неспешно летели вниз.

– ...физическая близость помогала выжить. Зимними ночами в одной широкой кровати спасались от холода человек десять. Лорд, его семья, ближайшая прислуга...

Моё внимание привлекла укромная ниша с дыркой в полу.

– Это что? Туалет?

– Ага.

– И куда ведёт дырочка?

– В реку.

– Мне как раз пописать надо. Покараулишь?

– Очень смешно.

На верхней площадке ослепляло небо. Бриз доносил автомобильные гудки. Туристы улыбались смартфонам на палочках. Меж щербатых зубьев башни раскинулись далёкие холмы. Ближе – миниатюры цветного городка. В дымке на горизонте угадывалось море. Я вскинул невидимый арбалет. Определил внизу машину покрупнее. Прицелился...

Тем временем народ потянулся к выходу. Тень западной стены укрыла полгазона. На подходе к воротам спонтанно замедлился шаг. Воз-

никло странное чувство потери. Ощущение того, что старое и мёртвое как-то влияет на настоящее. Но суть этого влияния опять ускользнула. Похожая неуверенность читалась в лицах оставшихся туристов. Замок по-прежнему неохотно впускал и отпускал людей.

Я тормознул ленту памяти, включил режим стоп-кадра. Вот арка-туннель. Внутри исчезает, держась за руки, китайская парочка. Чуть поодаль – большое семейство. Слышна немецкая речь. Даже если немцы беседуют тихо, их речь кажется громкой. Сумрак, прелый запах древности... Окошко кассы, потайная дверь в стене. Какие-то объявления готическим шрифтом. Решётка с пиками висит над головой. Интересно, хорошо ли её закрепили? Открытые настежь ворота. За ними – уютный двадцать первый век. Стоп. Чуть назад и увеличим. Ещё... Увы, колец на воротах действительно не было.

Исправить? Нет уж. В своём тексте я – диктатор. Так вроде бы говорил Набоков. Захочу – и будут кольца. И Маргарет Бьюфорт останется в замке до самого штурма. Беззаветная, утомительная любовь к аутентичности даёт мне право иногда фамильярничать с ней. Я ткнул в клавишу «пробел» и, удивляясь собственной дерзости, напечатал:

Генрих Тюдор провёл в бегах и изгнании двадцать четыре года. За это время только раз, в

октябре 1470-го, виделся с матерью. Когда в мае 71-го Ланкастеров наголову разбили при Тьюксбери, Джаспер увёз племянника в Бретань. Оттуда его переправили во Францию. В Париже, к зубовному скрежету англичан, Генрих был обласкан при дворе короля Людовика XI, а затем – его наследника Карла VIII. Более-менее постоянно, однако, изгнанник скрывался у герцога Бретани Франциска II и его вельмож адмирала де Келенека и маршала де Рье.

В целях безопасности гостя-узника тайно перевозили из одного замка в другой. Ренн, Нант, Ванн, Сен-Мало... Снова Париж. Шпионы Йорков тем не менее находили его рано или поздно. Они терпеливо ждали директивы «похитить» либо «уничтожить». Технически оба проекта были выполнимы. Шли годы, директива не поступала.

Король Англии Эдуард IV и сменивший его братец-узурпатор Ричард III легко отдали бы приказ. Особенно Ричард, известный убийством двух малолетних племянников (что фактически не доказано, однако *is fecit cui prodest*). Но. Лягушатники могли не понять и сильно огорчиться. Французская армия считалась тогда мощнейшей в Европе, а у Йорков и дома хватало проблем. Действовать приходилось аккуратно. Из Лондона в Париж и Ренн нескончаемо шла диппочта с требованием выдать беглеца. Были также

сфабрикованы несколько писем Генриху – якобы от матери. Она уговаривала сына вернуться, гарантируя жизнь и защиту при дворе. Саму леди Маргарет не трогали благодаря двум правильным замужествам. Естественно, фальшивкам сынок не поверил.

Людовика XI, собирателя французских земель, недаром прозвали Благоразумным. Он понимал, что в лице Генриха фортуна сдала ему неслабый козырь в извечных дипломатических тёрках с англичанами. Этот козырь надо беречь, пока не станет ясно, как использовать его наилучшим образом. Лёгкая нервозность за проливом только кстати. При любом раскладе на английском троне должен сидеть человек, обязанный Франции.

Поэтому Людовик реагировал уклончиво. Выдать изгнанника, конечно, можно. Но молодой Тюдор, увы, пользуется гостеприимством и благосклонностью Франциска II. А открытый конфликт с Бретанью сейчас политически невыгоден. Примерно это же, только ссылаясь на короля, отвечал англичанам Франциск. Ситуация зависла, в Лондоне наморщили извилины. И додумались: Генриха Тюдора надо подменить.

Подходящего кандидата в самозванцы искали два года. Наконец агентам Йорков повезло. Анри Дюамель, внебрачный ребёнок мелкопоместного нормандского барона и валлийской

горничной, давно оборвал связи с роднёй. Он снимал жильё на тихой улочке в парижском квартале Маре. Зарабатывал переводами, обучал иностранным языкам ребятишек в богатых домах. Английским юноша владел с детства. Странствуя по западу Европы, неплохо освоил испанский и португальский. Серьёзных романтических увлечений не имел, предпочитая барышень на вечер или замужних дам. Как всякий молодой человек с амбициями, но без денег, он был убеждён, что создан для иной, замечательной, яркой и праздничной жизни. Где сильные чувства, невыдуманные опасности, интриги, богатство и власть. Судьба обязательно даст ему шанс, который нельзя упустить.

Внешне Анри Дюамель был копией Генриха Тюдора. Если сбрить бородку и усы – родная мать не отличит.

Однажды ночью, возвращаясь домой под хмельком, Анри получил мягкий, но тяжёлый удар по затылку. Очнулся с головной болью, в карете, ехавшей неизвестно куда. По бокам темнели силуэты незнакомцев. Слева, проткнув одежду, что-то кололо. «Это ошибка, – были его первые слова, – я не тот, кто вам нужен! Вы меня с кем-то перепутали!» Похитители знающе хмыкнули, бедный учитель едва не описал штаны.

За городом ему объяснили расклад. Либо он соглашается на главную роль в чудовищной,

безумной авантюре. Либо остаётся вон в той канаве, с дырочкой в боку. В свою комнату на улице Паве француз больше не вернулся.

А через месяц среди небольшого круга лиц, опекавших Генриха Тюдора, появился учитель иностранных языков. Генрих был рад обществу молодого человека. Ему давно хотелось отшлифовать французский и выучить испанский. Учитель оказался лёгким, интересным собеседником, делился впечатлениями о жизни за границей и в Париже. Генрих, почти не знавший мира вне дворцов и крепостей, с нетерпением ждал этих бесед.

Слушатель француз тоже был отменный. Такому выложишь, что можно и нельзя. Поначалу вскользь, затем чуть откровеннее Генрих рассказывал о своих мытарствах. О бесконечной войне, забравшей у него отца. О матери, которую не видел десять лет. О мечтах и невеликих, почестному, шансах занять британский трон. «Запомни, Анри, – говорил он, – если я стану королём, ты всегда будешь особым гостем при дворе. А захочешь – воспитателем моих детей. Я друзей не забываю».

Смышлёный француз впитывал каждую мелочь. Изучал походку Генриха, его жесты, мимику, речь. Его эпистолярный стиль. Для этого Анри ознакомили с перехваченной корреспонденцией изгнанника. Конечно, Анри было жаль

Генриха, но что тут сделаешь? Сознаться? Бежать? Француз хорошо помнил остриё кинжала между рёбер. Нет, здесь выбор простой: он или я.

Летом 1483-го операция удачно завершилась. По дороге в крепость Сен-Мало экипаж Генриха атаковали неизвестные. Охрану перебили. Пассажиру и его слуге удалось бежать. Явился в Сен-Мало уже не Генрих Тюдор, а Анри Дюамель – в платье Генриха, без усов и эспаньолки. Подкупленный слуга вскоре исчез. Встречавшие, если что-то и заметили, держали рты на замке.

Анри старался не думать о судьбе Генриха. У него теперь хватало других забот. По инструкции ему следовало не участвовать в заговорах, контактов с «матерью» и «дядей» по возможности избегать. И вообще, сидеть, как мышь под венком. Затем – оставить свет и тайно удалиться в монастырь. А дальше... видно будет. Эта расплывчатость весьма не понравилась французу. Он решил сыграть по-своему.

Я глотнул холодного кофе и с обычной тревогой перечёл написанное. Захотелось немедленно бросить рассказ в камин. Так же элегантно, как леди Маргарет – письмо от деверя. Тут я вспомнил, что камин поблизости нет. Да и бросать-то, собственно, нечего. Не компьютер же... А просто удалить – эффект не тот. Вздохнув, я продолжал.

Коронация Генриха VII состоялась в Вестминстерском аббатстве 30 октября 1485 года. Корону нёс Джаспер Тюдор. Маргарет Бьюфорт, к удивлению знавших её очевидцев, публично всплакнула. Вскоре Генрих женился на племяннице Ричарда III и дочери Эдуарда IV Елизавете Йоркской, объединив тем самым враждующие кланы. Тридцатилетняя война роз закончилась. Началось одно из редких – почти бескровных – царствований в истории средних веков.

Между тем, в поведении нового короля обнаружили лёгкие странности. Закономерно одарив сподвижников, Генрих проявил непонятную милость к врагам. Все головы остались на естественных местах. Кое-кому сохранили даже титулы и земли. Придворных изумляло невежество монарха в государственных делах. А также нетвёрдое знание дворцового этикета. Мало того, что владыка с явным удовольствием говорил по-французски, он нанял иноземную прислугу! И ещё. Бывая в Уэльсе, король неизменно объезжал стороной замок Пембрук. На вопрос матери о причинах ответил хмуро: мол, надо бы вообще его снести. И леди Маргарет закрыла эту тему.

Замку было всё равно. Кто не волнуется, живёт долго. Девять столетий уплыли прочь. Пятьдесят королей, семь династий. Сотни тысяч дождливых утр, миллионы облаков... В отличие

от нас, замку некуда спешить. Наполним же серебряные кубки. Поднимем их за то, чтобы коснуться этих стен хотя бы раз, пока мы живы и шевелимся. Время редко играет по-честному. Тропните, и да поможет нам Бог!

Преданный вам

Макс Неволошин

Квинсленд, Ноября 22, года 2017 от Рождества Христова.

И три копейки на газировку

Каждый раз, отправляясь за город, я вспоминаю забавный стишок:

Стал на рыбалку мужик собираться.
Удочку взял, чтобы рыбу ловить,
Взял дождевик, чтобы им укрываться,
Взял самовар, чтобы чай кипятить.
Взял он кровать, чтобы спать на кровати...

Ну и так далее.

Это про нас. На двухчасовой пикник мы берём:
– еду и напитки;
– одноразовые столовые приборы, которые служат нам много лет;
– раскладные кресла, столик и шезлонг;
– лосьоны от загара и москитов, а также дезодорант на всякий случай;
– полотенца для лежания и вытирания;

- воду для умывания;
- наколенный бандаж – мне: вдруг захочется
пройтись. Главное – не перепутать ногу;
- очки и шапочки для плавания, затычки для
ушей;
- бейсболки и солнцезащитные очки;
- дополнительный комплект нижнего белья;
- два мобильного, айпэд;
- подумав, добавляем таблетки от живота и го-
ЛОВЫ...

Наша кошка Тиша с растущим беспокойством следит за этой вознёй. Тоска и уныние охватывают её. Тише кажется, что мы уезжаем навсегда.

А ведь я не забыл, как срывался на Волгу пацаном. Шорты, майка, сандалии и три копейки на газировку. Иногда – с компанией, чаще – один. Одиночество редко тяготило меня. Маньяков и киднеппинга в те годы ещё не придумали. «Съездил бы на Волгу, – говорила мама, – осенью начитаешься». Шесть остановок зайцем до соседнего посёлка. Белая пыль дамбы, щебень, утрамбованный тысячей ног. Перелесок. Прорехи яркой синевы заставляют ускорить шаг. Река, небрежно заштрихованная солнцем. Одежда слетает на ходу. Раскалённый мех песка. Последний бросок – и мы с водой едины. Хлёсткие пощёчины от волн. Борьба с течением, которое всё равно уносит метров на пятьдесят...

Затем я выбираю людное место – какая-никакая страховка от шпаны. Майка и шорты – под голову. Устало валюсь на песок. Тело растворяется в зное, становится невесомым. Невнятно шумит пляж: треск моторок, смех, детские визги. Плотный стук мяча. Я переворачиваюсь на живот, задрёмаваю. Время тянется расплавленным стеклом.

Головным убором я пренебрегал. Про средства от загара узнал лет через тридцать. Я был прокопчённый и тощий, словно мексиканский беспризорник. Голода не чувствовал. Однако жажда неминуемо гнала меня домой. Я думал о киоске «Соки-водь» у остановки. Донести туда монетку удавалось не всегда. Местная гопота с полудня тусила на дамбе.

Загорелые ребята с выцветшими лицами. Лучший способ избежать контакта – пристроиться к большой семье. Удача – если они трясут кого-нибудь другого. Чаще, увы, начинался пошлый диалог.

– Эй! Ну-ка, иди сюда.

Оглядываюсь...

– Ты, ты. Бегом! Деньги, курить есть?

– Нет.

– Выворачивай карманы. В кулаке что?

– Ничего.

– Давай сюда, чмо! А говорил, нет. Ладно, вали отсюда.

Вряд ли им были нужны мои три копейки. Так, лишний раз показать, кто здесь хозяин. Валить приходилось быстро. Для ускорения могли вломить пинка.

Лет через пятнадцать многое изменилось. Исчезли в прошлом гопники и дамба. Мою экипировку пополнил рюкзачок, вмещавший одеяло, две бутылки и стакан. Купаться я ездил на остров Зелёненский. Он целиком контролировался нашими людьми. В левой его части находилась база отдыха. Справа – дикие, но взаимолояльные палаточные лагеря. Самый основательный – лагерь Глеба. С июня по август – мой второй дом.

Глеб Анисимов, лысеющий, упитанный, крепко, но достойно выпивающий москвич, служил полковником в генштабе. Когда-то давно самарская родня вывезла его на Зелёненский. Глеб настолько проникся, что стал робинзонить там каждое лето. Уединение его, впрочем, длилось недолго. Через племянника Глеб закорешился с компанией моих друзей – типичных пляжных раздолбаев. Разницу в годах легко не замечал.

Вскоре лагерь Глеба разросся до шести-семи палаток. Владельцы беззаботно оставляли их, уезжая по делам на материк. Постепенно утвердился жилищный коммунизм. Закруглив еженощный сейшн, участники расплзались по вакантным местам. Иногда там уже кто-то валялся. Минута полусонной ругани, кряхтения, стонов, и лагерь затихал.

Глеб поднимался раньше всех. Деловито шагал за барханы – в туалет. Затем держал курс вдоль берега, против течения. Отходил километра на

три и совершал утренний заплыв. Вернувшись, убирался, мыл посуду, реанимировал костёр. Заваривал чай в котелке... Его душа не выносила беспорядка.

Позднее, наведываясь в столицу, мы частенько зависали у Глеба. На своей территории полковник оказался болезненно методичен. Ни рюмки до того, как сварится (почищенная нами) картошка. Хозяин между тем лишал костей селёдку. Резал ломтиками, живописно укладывал в хрустальный поднос. Сбрызгивал маслом, посыпал колечками лука. Он был собран и точен, как нейрохирург. Затем раскладывал по мисочкам солёные волнушки, бочковые огурцы (лично ездил на рынок). Мелко шинковал укроп... А в холодильнике изнывала от нетерпения принесённая гостями водка.

Утро. Тягостное пробуждение на раскладном кухонном диване. Глеб ушёл на лыжный кросс. Заявится весёлый, свежий до противности. С порога крикнет: «Рота, подъём! За пивом бегом марш! В ларёк у продмага только что завезли».

Зимой полковник употреблял исключительно горячее пиво. «Летом надо охладиться, кто бы спорил, – рассуждал он, – но зимой-то это бред. Прямая дорога к ангине. А горячее – наоборот, профилактика. Я вот, например, с детсада не болею...»

(Иногда в наших широтах случаются зябкие дни. В такие дни, прихлёбывая разогретый

Тооheys, я вспоминаю Глеба. А если предварить рюмахой водки, м-м-м... Да хлебца чёрного в тостере запечь. Сдобрить его маслом, шлёпнуть ломоть красной рыбы... Волнующая тема!)

Как-то раз я Глеба рассердил. Звоню ему в пятницу вечером. Отвечает незнакомый пьяный голос:

– Штаб-квартира полковника Анисимова.

– А где сам?

– Спит. Ты, вообще, кто?

– Ну, допустим, Макс. А ты?

– Ну, допустим, Лёха. Чё хотел?

– Заехать, посидеть.

– Через магазин?

– Естественно.

– Годится. И провизии какой-нибудь возьми.

– А девчонок тебе не подогнать?

– Хэ-хэ! – усмехнулась трубка. – Девчонок отставить – своих навалом.

Дверь открыл Глеб, запустил меня в коридор. Взгляд тяжёлый, будто не узнаёт.

– Ты чего? – спрашивает.

– Как чего?.. Пообщаться, – я тряхнул сумкой.

– Позвонить не мог?

– Звонил. Лёха какой-то ответил... Сказал, приезжай. Я думал...

– А разве это Лёхина квартира?

Из комнаты донёсся звон посуды и женский смех. Я повернулся к двери.

– Ладно, заходи, раз приехал, – вздохнул Глеб.
– Два часа посидишь и уйдёшь. Сам. И не делай больше так, поссоримся.

Добраться на остров было несложно. Утром и вечером ходил паром. Недалёко от пристани – лодочная станция. Свезёт – попадётся знакомый на моторке. А нет, так бомбилы домчат за рубль. Нет рубля? Наливай стакан – и поехали. Спиртное имело всегда. Без него в лагерь прибывали только комары.

Обитатели палаток со временем менялись. Измученные отдыхом старожилы ехали в цивилизацию. Их ждали чистые постели, горячий душ, еда без скрипа на зубах. Новые бойцы везли на остров запасы провианта, алкоголя, сигарет. Гостей нетерпеливо высматривали с берега. Наконец зоркий Юденич объявлял: «Ваня и Пальтишкин. В дрейф легли, подонки». Лечь в дрейф означало заглушить мотор километра за три до цели. И, двигаясь по течению, начать банкет в спокойной обстановке. Наблюдая это, похмельные островитяне звереют. Наконец лодка вонзается в песок. Прибывшие выпадают из неё – счастливые до упора.

– Опять дрейфовали, гады?! – атакуют их на берегу.

– Много выжрали?

– Сейчас я их порву! – орёт Юденич.

– Э, э... без горячки, пацаны, – Ваня хитрожо-по улыбается, – бутылку за доставку, это же святое...

– А сколько везёте?

– Ящик.

Лица островитян светлеют.

– Ого! Красавцы.

– Герои!

– Стахановцы.

– Выгружаем – и к столу! – командует Глеб. – Стахановцам пока не наливать.

Несколько человек жили в лагере более-менее постоянно. Сам Глеб, Шуба, Захар и Юденич. Серёга Юдин всегда напоминал мне кого-то из героев Карла Мая. Или Майн Рида, например, всадника без головы. Приземистый, крепкий, морщины – как стилист нарисовал. Познакомились мы в яслях. Затем ходили в одну группу детсада. Затем десять лет – в один класс. Первые шесть мы с боями отстаивали право сидеть вместе. Наконец классная сдалась: «Рассаживайтесь, как хотите». Тут же под ухмылки и смешки двое акселератов пересели к девочкам. Хулиганы с облегчением устремились на галёрку. Я пуганул отличницу Ларису, и Юденич уселся со мной.

С этого дня его успеваемость резко повысилась. Особенно по литературе. Перед опросом мой друг шёпотом выяснял:

– Слышь, Макс, о чём думал князь Андрей под небом Аустерлица?

– О пустой суете бытия.

– А в глаз?

– О том, что неохота умирать.

– Почему умирать?

– Ну, ты, блин, даёшь! Его же ранили.

– Понятно.

Перед сочинением интересовался:

– Ты читал поэму «Владимир Ильич Ленин»?

– Более-менее.

– Про что там? Только быстро.

– Ленин умер, Маяковский расстроился. И вспоминает его жизнь. Детство, отрочество, юность...

– Кому ты гонишь? Это Горький.

– Погоди. Значит, так: детство, казнь брата... увлёкся марксизмом... ссылка. Партия большевиков. Главное, не забудь: Ленин и партия – близнецы-братья. Понял?

– Не тупой. Дальше.

– Революция, гражданская война. Всё. Заболел, умер.

– Ясно.

До конца урока Юденич сочинял, морщась и погрызвая ручку. И, к моему изумлению, получал четвёрку. Вот что значит хороший синопсис.

Дружба с Юденичем имела весомый бонус. Меня не доставали школьные быки. Серёга был надёжным пацаном, хорошим спортсменом и умельцем начистить кому-нибудь репу. Особенно полюбил это дело в нетрезвом состоянии. Повод значения не имел. Он мог, допустим, поздороваться с незнакомцем в каком-нибудь бандитском гетто.

И пока тот соображает, что к чему, с криком «Где твоя вежливость, баран?!» провести серию ударов в голову и корпус. (С тех пор я всегда отвечаю на приветствия.)

Это хобби трижды приводило Юденича в больничную кровать. Последняя лёжка выдалась долгой. Серёга много размышлял. И решил навсегда бросить пить и драться. Говорят, воздерживается до сих пор. Работает начальником среднего звена. Увлёкся разведением овощей, по субботам ходит в баню.

Если человеку досталась курьёзная фамилия, он просто обязан стать здоровым пофигистом. Выбора нет. Мой приятель Юра Меховой развил в себе это качество до основной черты характера. Как только беднягу не звали: Мех, Смех, Тулупчик, Шапкин, Варежкин, Пальтишкин... Но чаще всего – Шуба. Когда Юра женился на высокой, худой девице, остроумцы тотчас прозвали её Селёдкой.

Шуба на это чихать хотел, как и почти на всё остальное. Улыбался, демонстрируя ямочки на щеках и стейнвейновские зубы. Будто в компенсацию за нелепую фамилию судьба одарила его внешностью голливудского плейбоя. Высокий рост, мужественный торс. Улыбка, от которой у девушек подгибались ноги. Его женитьбы, разводы и другие интимные забавы существовали параллельно. Фактически Шубу увлекали четыре

предмета: рестораны, сиськи-письки и погреть летом задницу на Волге.

Последнее – в буквальном смысле. Как-то раз Юрой овладела идея нудизма. И он её немедля воплотил. «Девчонки не любят белых пятен, – уверял Шуба, – повсеместный загар их возбуждает». Однажды в процессе солнечной ванны Юра надумал закусить. Явился к столу, тряся достоинствами, протесты общественности игнорировал. И уселся голым задом на осу. Она его, конечно, долбанула. Друзья заржали, словно конница Будённого, и громче остальных – виновник торжества.

Кабаки, однако, требовали денег, желательно весёлых и законных. Для начала Юра бросил институт. Произошло это на моих глазах и опять-таки буквально. Мы шли по набережной. Шуба рассказывал о своих планах.

– Как бросить? – удивился я. – Зачем?

– Вот так! Смотри...

Он крутанулся на месте, будто спортсмен, толкающий ядро. И запустил портфель в сторону Волги. В полёте открылся замок. Тетради закружились, как чайки.

– Теперь надо отметить это дело, – сказал довольный Шуба, – у тебя бабосы есть?

Он устроился по благу – грузчиком в продмаг. Трахнул своевременно заводделом «Мясо». На работе дамочка скучала. Ей захотелось иметь поближе

эту секс-машину. Через полгода Юру выгнали за служебное несоответствие. Он нанялся чего-то сторожить. Выгнали. Подался в ТЮЗ рабочим сцены. Выгнали. Далее – невнятно. Сомнительный бизнес, мутные партнёры. Попал на деньги или под следствие, хотя одно другому не мешает. Родители продали трёхкомнатный флэт, еле отмазали. Приобрели два чулана в коммуналках – себе и Юре. Надо ли говорить, что вскорости Шуба свою комнату профуячил и явился жить к старикам. Молодость быстро кончилась, волосы и зубы поредели. Бывший плейбой торгует сушёной рыбой на дамбе. Той самой, по которой я мальчишкой ходил на пляж.

Миша Захаров ростом был примерно с Шубу. Но мордасию имел сугубо отечественную, почти фольклорную. Глазастая картошина, украшенная сеном. Миша (более известный как Захар) окончил школу с пятью двойками, без аттестата. Не оттого, что родился глупым, скорее в знак протеста. Закопать от армии поленился. Пока служил, ахнула перестройка, разрешили частный бизнес. Старший брат уговорил Мишу ехать в какую-то глухомань, откармливать бычков на продажу. «Куда Захар телят не гонял», – шутили друзья. Вернулись коммерсанты через год, матеря бычков и сельский дебилизм. Но клещ предпринимательства засел у Миши в голове.

Какое-то время мы не виделись. Я учительствовал в деревенской школе. Домой являлся редко. Затем собрался в Москву повышать квалификацию.

Созвал друзей на прощальный фуршет. И Захар увидел печатную машинку. «О! – говорит. – Это то, что надо. Дай на месяц? В магазине бланки напечатать».

Небольшое отступление. Тогда я увлекался сочинительством – в рифму и без. Погрелся в лучах местечковой славы. Но скоро она мне приелась. Я грезил о российском пьедестале, ещё лучше – мировом. Сначала – публикации в толстых журналах, а там... Я воображал, какая охота начнётся за моими текстами. Какая грызня...

Для сбычи этих мечт не хватало пустяка. Печатной машинки. Известно, что даже полная ахинея, набранная шрифтом В52, выглядит убедительно. Кроме того, для веерной рассылки необходимы копии. Мой луцкий дядя обещал машинку, если я увезу её сам. Машинка оказалась античным чудовищем с двойной кареткой. Весила она, как бронепоезд, еле доволок. Тащить в Москву не решился... Да и с журналами, честно говоря, не задалось.

Короче, Захар машинку унёс. Прошёл год. Я поступил в аспирантуру. Машинка понадобилась до зарезу. Приходилось клянчить «Эрики» и «Оптимы» на время там и сям. Друзья отдавали их неохотно, будто расставались с любимыми. В итоге мне это надоело. Прилетел домой, звоню.

– Ба! Кого я слышу! – обрадовался Захар. – Надо срочно увидеться. Жду тебя на площади у ларьков.

В атласных трениках и косухе Миша выглядел как символ девяностых. Мы обнялись. Он шутя двинул мне в рёбра, я погрузил кулак в его живот. Всё это слегка напоминало левый гангстерский фильм.

– Сейчас накатим за встречу, – объявил мой друг, – и поговорим.

Он вальяжно шагнул к ларьку. Взял, не заплатив, бутылку коньяка, стаканчики, шоколадку.

– У меня, – говорит, – здесь неограниченный кредит.

– Крышуешь?

– Это моя точка. И вон та.

Мы двинулись в парк. Потом навещали знакомых. О машинке я как-то забыл.

Эта история с небольшими вариациями повторялась трижды. Рестораны, гости, дорогой коньяк... Я понял, что дело нечисто. Перед отъездом захожу к нему с утра.

– Захар, давай по чесноку. Что с машинкой?

Он поскрёб голову. Щёлкнул резинкой трусов «Аидас».

– Слушай, пошли на кухню. У меня там...

– Нет уж, хватит. Где она?

Миша вздохнул.

– Отобрали за долги. Давно. Не срослась одна тема... А когда поднялся, ну где её, блин, искать? Взял компьютер... Ты сколько хочешь за неё?

– Двести баксов, – ляпнул я.

Захар полез в косуху, распахнул лопатник.

– Держи. И не в обиду, если что. На кухню-то пойдём?

Несколько раз за сезон в лагере происходили драки. Дрались Юденич и Захар. Миша обычно сидел на разливе. Темно, ёмкости у всех разные, недолго ошибиться. Отсюда устоявшийся сценарий. По мере окосения Юденич всё сильнее подозревает Захара в мухлеже (что недалеко от истины). До поры Серёга терпит, цедит едкие замечания. Он с удовольствием дал бы Захару в глаз, но пока ему лень. На следующем этапе Юденич уверен, что Миша заныкал бутылку в песке. Это выше его сил.

– Ты думаешь, мне жалко?! – кричит он через стол. – Ты думаешь, мне этого говна жалко?? На, подавись!

Он выплёскивает кружку в Захара.

– Это мои принципы, крыса! Ты же ворует. У своих ворует!

– Фильтруй базар, дебил! – Захар плещет в ответ, и тоже мимо.

Юденич встаёт. В суровом лице его блики ковра. Кулаки сжаты.

– Всё. Щас я тебя урою.

– Ты? Меня?? – Захар поднимается.

– Спорим, не подерётесь, – глумятся за столом.

– Отойдём в пампасы?

– Да легко!

Соперники, уверенно качаясь, исчезают во мраке дюн.

– Может, разнять? – предлагает кто-нибудь.
– Не ссы, помирятся. Скоро песняка давить начнут.

Из темноты доносятся сытные звуки оплеух, хэ-кание. Невнятный мат... Глухой удар оземь. Затем – минута тишины. И вдруг – песня. Появляются, обнявшись, Юденич и Захар. Нетрезвый дуэт выводит:

...Но вот пришла машина,
Раздолбанная шина.
Зелёная машина
Забрала мужика!

Змей уже схватил гитару. Удар по измученным струнам, и компания горланит вразнобой:

Представьте себе, представьте себе –
Зелёная машина!
Представьте себе, представьте себе –
Забрала мужика!
Не думал, не гадал он,
Никак не ожидал он...

Солнце убийственно лупит в брезент. Позднее утро. В палатке духота, звенят сытые комары. Жильцы выкарабкиваются на свет. Ползут к Волге – отмокать. Залечь на мелководье, чтоб один нос торчал из воды. И лежать, смывая ночь, глядя в идиллическую бездну – пять минут, десять. Полчаса...

Затем бедняги добираются к столу. Уныло осматривают кружки. Ничего. Ничего? А вот и чего! И Миша Захаров тянет из песка бутылку водки.

– А-а-а! Я знал!! – торжествующий Юденич отпускает ему подзатыльник.

Водка горячая.

– Охладить бы... – сомневается Глеб.

Но Миша уже разливает.

Я мучительно удерживаю дозу, она спазмами лезет наверх. Мне суют кружку холодного чая... Мир фокусируется не сразу, будто дилетант-фотограф наводит резкость. Оживает беседа за столом. Веют запахи дыма и каши. У берега лопочет мотор. «Кто в волейбол, ханыги?» – кричит Змей, подбрасывая мяч. Бесконечный сериал «Лето»...

Змей, он же Игорь Кузьмин, навещал лагерь только по выходным. В будни он перепрофилировал цеха авиазавода на выпуск газонокосилок. Змей был из тех энергичных мальчишей, которые в руинах совка углядели бесхозные деньги. Надо только поднять их раньше других. Ну, может, слегка запачкать руки.

Лагерь встречал его, как родного: Змей отменно бацал на гитаре. Знал вдвое больше аккордов, чем кто-либо ещё, а именно шесть. В какой-то момент наши с Игорем отношения беспричинно усложнились. Змей смотрел волком, отпускал в мой адрес колкости. На волейбольной

площадке старался заглушить мне в голову. В застолье норовил подменить стакан.

Скоро мне объяснили, в чём дело. Кто-то навистел Змею, что в десятом классе у меня был роман с его первой женой. Роман действительно был, но, во-первых, при царе Горохе. А кроме того, в основном платонический. Как там у Войновича?.. Два раза ходили в кино и трижды стояли в подъезде. Так что поздняя ревность Игоря казалась мне странной и днём отчасти забавной. Вечерами приходилось осторожничать: кирнутый Змей бывал непредсказуем.

Отойду, бывало, пописать. Возвращаюсь – точно: мой стакан у него. А передо мной его облупленная кружка. Надо пояснить. Я не люблю пить водку из кружки. Кайф ломается, эстетика не та. Поэтому возил на остров тонкий стакан, аккуратно завернув его в газету. Когда стакан разбивался, я покупал новый. Друзья раз посмеялись и забыли. Все, кроме Змея.

– Отдай, – говорю, – стакан.

Он театрально усмехается.

– Братва, гляньте на этого пижона! Зажлобил для товарища паршивый стакан...

– Выпей и отдай, – говорю.

Змей меня не слышит.

– Западло ему из кружки, интеллигент, блин...

– Мне? Да я пил из банного ковша!

– А я из футляра для бритвы!

– Ну и что? – встречается кто-нибудь. – А я – из бутылки вверх ногами...

– Это как?

– Дно откололось.

– Ха-ха! А я раз заснул на бильярдном столе, просыпаюсь...

– На бильярдном мягко! Я однажды на рояле спал...

– А я на разделочном...

– В морге?

– При чём тут морг?

– А при чём тут рояль??

Под шумок я делаю рокировку, и стакан возвращается на место.

Иногда, устав от перекаатов и ледяных вершин, на остров являлся Егор Канатский, знаменитый турист-экстремал. Хронически жизнерадостный, похожий одновременно на Якубовича и Вилли Токарева, Егор имел с собой палатку и девушку. Палатку он выкроил лично, руководствуясь чертежами журнала «Survival». Специальная ткань не боялась огня и воды. Складывалась палатка до размеров бумажника. В готовом состоянии напоминала полуцилиндр. Умещала впритирку хозяина и его девушку. Девушки были разные, но одинаково полненькие и весёлые, точно комплект матрёшек. «Во-первых, не уведут, – объяснял Егор, – а главное – мягко». Как-то отвёл меня в сторону, подмигнул и говорит:

– У меня сегодня рекорд!

– В смысле?

– Сто десять килограмм!

Вообще-то, девушки в лагере не приживались. Редко кто из них соглашался терпеть виртуозный мат Юденича и голую задницу Шубы. Кроме того, существовал риск нечаянных половых контактов. Я своих девушек туда категорически не брал, предпочитая иные места встреч. Однако это уже новая история.

А нынешнюю пора заканчивать.

Я вряд ли увижу этот остров. Нет, соврал. Правильное слово – никогда. Дело тут не в паспорте, устаревшем много лет назад. И не в реке, куда нельзя войти дважды. Можно войти. Просто я отвык бояться. Сумею ли напаять овечьё лицо? Едва ощутимо ускорить шаг при виде ментов – так, на всякий случай? А ведь захочется ускорить, и в этом главное паскудство. Моё отечество, увы, всё чаще кажется синонимом внезапных неприятностей. Иноземный документ не гарантирует защиты, более того – способствует им. Дедушка, конечно, старый, ему всё равно. Но у меня есть бабушка и внучка.

Остаётся воображение, ручное, как медведь. Танцует, веселит, но может увлечься и откусить голову. И всё же риск не так велик. На случай провала есть кнопочка «esc». Кроме того, недавно я победил время. Оглядываю его извне, как бывший

узник – сломанную клетку. В моём лице прощальный интерес. Меня ждёт телепортация. К чёрту самолёты, пересадки и таможенный контроль. Я уже на пристани.

– Мужик, тебе на остров?

– Ага. (Интересно, сколько теперь берут... В кошельке австралийские доллары... Забыл! Забыл, идиот! Однако стакан не знает девальвации.)

– Как насчёт м-м?

– Годится! Залезай.

Вот и знакомые дюны, палатки... Низко поворчав, глохнет мотор. Лодка с мягким шелестом вонзается в песок. Я – худой, как мексиканец, на плече рюкзак, в зубах «Chesterfield» – спрыгиваю в реку, чего бы там ни ляпнул Гераклит. Друзья привстают, оставив карты лицом вверх. Меня узнали.

– Ни хрена себе, кто приехал...

– Это Макс, что ли?

Обнимаемся, нахлопываем спины.

– Ты откуда?

– Дайте мне его куснуть...

– Штрафничок ему!

– Стакан-то привёз?

– Ну, брат, рассказывай.

И вдруг я понимаю, что рассказывать мне нечего. Тридцать лет исчезли в никуда, хоть заново живи. Дым царапает глаза, не хватало ещё прослезиться... Где эта чёртова кнопка?? «Esc»! «Esc»!!

«ESC»!!! Ничего... Только Волга, хруст песка и лето без конца. И солнце, как блестящая трёхкопеечная монета, кувыркается в небе. А после мягко шлёпается в подставленную ладонь.

Макс Неволошин
СРЕЗ
Рассказы

Редактор: Ольга Новикова
Компьютерная вёрстка: Михаил Кондратенко
Обложка: Лариса Студинская

В оформлении обложки использованы
фотографии работы Tortie Cat

Главный редактор издательства: Семён Каминский

ISBN: 978-0692999882

Bagriy & Company
Chicago, Illinois, USA

printbookru@gmail.com